

Российское КИТАЕВЕДЕНИЕ

№ 3(12)2025

Сентябрь 2025

Журнал издается Институтом Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН) и основан в 2022 г., продолжая традиции академических журналов «Проблемы Китая» (1929–1935) и «Советское китаеведение» (1958–1959).

Учредитель: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Редакционный совет:

- Бабаев К.В., директор ИКА РАН, д.ф.н., проф. (председатель)
- Агафонов Д.В., начальник Экспертного управления Президента РФ
- Дацышен В.Г., профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, д.и.н.
- Денисов А.И., первый заместитель председателя Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания РФ, к.э.н.
- Зиновьев Г.В., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Республике Корея, к.и.н.
- Кашин В.Б., директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, к.п.н.
- Ларин В.Л., заведующий Центром глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, д.и.н., проф., академик РАН
- Ломанов А.В., заместитель директора по научной работе, руководитель Центра Азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, главный научный сотрудник ИКА РАН, д.и.н., проф. РАН
- Лукин А.В., научный руководитель ИКА РАН, руководитель Департамента международных отношений НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, д.и.н., проф.
- Малявин В.В., главный научный сотрудник ИКА РАН, д.и.н., проф.
- Моргулов И.В., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНР
- Панцов А.В., профессор Capital University, США, д.и.н.
- Попова И.Ф., директор Института восточных рукописей РАН, чл.-корр. РАН
- Руденко А.Ю., заместитель министра иностранных дел РФ
- Самойлов Н.А., заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки, директор Центра изучения Китая СПбГУ, д.и.н., проф.
- Торкунов А.В., ректор МГИМО МИД РФ, академик РАН
- Цыплаков С.С., профессор департамента международных отношений НИУ ВШЭ, к.э.н.

Иностранные члены Редакционного совета:

- Алимов Р.К., профессор Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.п.н.
- Вилсон Дж., почетный профессор Уитон-колледжа, США
- Гао Фэй, проректор Дипломатического университета МИД КНР
- Идэ К., Университет Васэда, Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке), Япония
- Ли Цзинцзе, академик Академии общественных наук КНР
- Ли Чжицян, профессор, начальник управления международного сотрудничества и обменов Сычуаньского университета, КНР
- Ма Цзянган, директор Центра международных исследований Оборонного научно-технического университета, Чанша, КНР
- Фэн Шаолэй, руководитель Центра российских исследований Восточно-Китайского педагогического университета, КНР
- Чжао Хуашэн, профессор Института международных исследований Фуданьского университета, КНР
- Ян Чэн, исполнительный президент Шанхайской академии глобального управления и региональных исследований, КНР

Редакция:

А.В. Лукин (главный редактор), И.Е. Денисов (заместитель главного редактора), Ю.В. Кулинцев (заместитель главного редактора), А.Г. Юркевич (заместитель главного редактора), И.Ю. Зуенко (ответственный секретарь), А.А. Перминова (секретарь редакции).

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32.
+7 499 124 02 17; E-mail: journal@iccaras.ru; URL: <http://rusinology.ru>

Российское китаеведение

Научный журнал

Электронная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77-75961 от 24.06.2019

Язык: русский, китайский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 2949-1223

Печатная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-75962 от 24.06.2019

Язык: русский, китайский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 2949-1207

DOI: 10.48647/ICCA.2025.11.57.001

Подписано в печать 31.10.2025

Содержание

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Денисов И.Е.</i> Распад СССР и современная китайская идеология	6
<i>Верченко А.Л.</i> Из истории советско-китайских общественных связей в период Второй мировой войны (ВОКС и Куньминский филиал Китайско-советского культурного общества. Новые документы)	37
<i>Алексян А.Г.</i> Глас Дхармы в Поднебесной: актуальные проблемы изучения буддийского китайского языка в китайском языкознании в XX–XXI вв.	51
<i>Брылева Н.А.</i> Репертуар традиционной музыкальной драмы в романе Цао Сюэциня «Сон в красном тереме»	71

ОБЗОРЫ, СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ

<i>Алексян А.Г.</i> Наставник Ма, беззаботно странствующий в Дао. К 75-летию Владимира Вячеславовича Малявина	87
<i>Зуенко И.Ю.</i> Труды Владимира Малявина — настольные книги китаевода	92
<i>Лукин А.В.</i> Российское китаеведение и развитие технологий искусственного интеллекта	100
<i>Гончаров С.Н.</i> Россия и Китай: взаимное влияние на исторические судьбы друг друга. От ханьского императора У-ди до наших дней	106

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

<i>Сафронов Р.О.</i> Идеи Ван Цзоаня и политика китаизации религии	148
--	-----

目录

学术文章

I·E·杰尼索夫. 苏联解体与当代中国意识形态	6
A·L·韦尔琴科. 第二次世界大战期间苏中社会联系史片段 (全苏对外文化联络协会和中苏文化协会昆明分会。新材料)	37
A·G·阿列克萨尼扬. 天朝佛法之声: 20-21 世纪汉语语言学中佛教汉语研究的现实问题	51
N·A·布雷廖娃. 曹雪芹小说《红楼梦》中的传统戏曲剧目	71

评论、通报、简讯

A·G·阿列克萨尼扬. 在“道”中逍遥漫步的马师。祝贺弗拉基米尔· 维亚切斯拉沃维奇·马利亚温 75 岁寿辰	87
I·Yu·祖延科. 弗拉基米尔·马利亚温的著作——汉学家的必读书	92
A·V·卢金. 俄罗斯汉学与人工智能技术的发展	100
S·N·贡恰罗夫. 俄罗斯与中国: 从汉武帝至今对彼此历史命运的相互影响	106

出版物和翻译

R·O·萨夫罗诺夫. 王作安思想与宗教中国化政策	148
--------------------------------	-----

Contents

SCHOLARLY ARTICLES

<i>Denisov I.E.</i> The Collapse of the USSR and Contemporary Chinese Ideology	6
<i>Verchenko A.L.</i> From the History of Soviet-Chinese Public Relations during World War II (VOKS and the Kunming Branch of the Sino-Soviet Cultural Society. New Documents)	37
<i>Aleksanyan A.G.</i> The Voice of Dharma under Heaven: Current Issues in the Study of Buddhist Chinese in Chinese Linguistics in 20th-21st Centuries	51
<i>Bryleva N.A.</i> The Repertoire of Traditional Musical Drama in Cao Xueqin's Novel «The Dream of the Red Chamber»	71

REVIEWS, REPORTS, NOTES

<i>Aleksanyan A.G.</i> Master Ma, Carefree Wanderer in the Dao: On the 75th Anniversary of Vladimir V. Malyavin	87
<i>Zuenko I.Yu.</i> Vladimir Malyavin's Writings as Handbooks for China Experts	92
<i>Lukin A.V.</i> Russian Sinology and the Development of Artificial Intelligence Technologies	100
<i>Goncharov S.N.</i> The Influence of Russia and China on the Historical Fortunes of Each Other: From Emperor Wu of Han until Today	106

PUBLICATIONS AND TRANSLATIONS

<i>Safronov R.O.</i> Wang Zuozan's Ideas and the Policy of the Sinicization of Religion	148
---	-----

И.Е. Денисов

Распад СССР и современная китайская идеология

Аннотация. Исследование показывает эволюцию китайского восприятия распада СССР от 1991 г. до настоящего времени. Нарратив о причинах распада СССР рассматривается как центральный элемент современной китайской идеологии и политическая технология, последовательно адаптируемая под задачи партии. В работе доказывается, что эволюция китайской интерпретации краха СССР и КПСС неотделима от изменений политического языка. Язык выступает не пассивным отражением, а активным инструментом формирования идеологической повестки. Такой ракурс позволяет увидеть не только содержание так называемых уроков СССР, но и то, как соответствующее знание оформляется, закрепляется и начинает работать в качестве политической и управленческой нормы. Особое внимание уделено периоду 2012–2013 гг., когда после прихода Си Цзиньпина к власти произошел поворот к новому прочтению советских уроков, основанному на критике исторического нигилизма. Тем самым показывается, как историческая память становится конструируемым и управляемым политическим ресурсом. В заключении раскрывается парадокс функционального истощения этой технологии. По мере того, как «советский урок» становится все менее релевантным для реагирования на новые вызовы, он превращается в ритуальный элемент идеологической индоктринации. Между тем реальный интерес китайских стратегов смещается к изучению работающих политических технологий современной России.

Ключевые слова: Китай, КПСС, распад СССР политический дискурс, модернизация, реформы, идеология, исторический нигилизм, Си Цзиньпин.

Автор: Денисов Игорь Евгеньевич, старший научный сотрудник МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0001-5447-1164. E-mail: iedenisov@yahoo.com

I • E • 杰尼索夫

苏联解体与当代中国意识形态

摘要: 本研究展现了1991年至今中国人对苏联解体认知的演变。关于苏联解体原因的叙事被视为当代中国意识形态的核心要素，也是一项不断适应党的目标的政治技术。本文证明，中国人对苏联和苏共崩溃解读的演变与政治语言的变化密不可分。

语言并非被动的反映，而是塑造意识形态话语的主动工具。这一视角不仅使我们能够理解所谓“苏联教训”的内容，还能让我们了解这些知识是如何形成、巩固并开始作为一种政治和管理规范发挥作用的。本文特别关注了2012—2013年期间，在习近平开始执政后，出现了一种基于历史虚无主义批判的对苏联教训的重新解读。这揭示了历史记忆如何成为被设计和操纵的政治资源。本文结论揭示了该技术功能性枯竭的悖论。随着“苏联教训”越来越不适于应对新挑战，它沦为意识形态灌输的仪式性元素。与此同时，中国战略家的真正兴趣正转向研究正在运行中的现代俄罗斯政治技术。

关键词：中国；苏共；苏联解体；政治话语；现代化；改革；意识形态；历史虚无主义；习近平

作者：伊戈尔·叶夫根尼耶维奇·杰尼索夫，莫斯科国际关系学院高级研究员。
ORCID ID: 0000-0001-5447-1164; E-mail: iedenisov@yahoo.com

Igor E. Denisov

The Collapse of the USSR and Contemporary Chinese Ideology

Abstract. The study shows the evolution of Chinese perceptions of the collapse of the USSR from 1991 to the present. The narrative about the causes of the collapse of the USSR is seen as a central element of contemporary Chinese ideology and political technology, consistently adapted to the tasks of the party. The study argues that the evolution of the Chinese interpretation of the collapse of the USSR and the CPSU is inseparable from changes in political language. Language is not merely a passive reflection, but an active tool for shaping the ideological agenda. This perspective allows us to see not only the content of the so-called «lessons of the USSR», but also how the relevant knowledge is formulated, consolidated, and begins to function as a political and administrative norm. Particular attention is paid to the period 2012–2013, when, after Xi Jinping came to power, there was a shift towards a new interpretation of Soviet lessons based on criticism of historical nihilism. This reveals how historical memory becomes a constructed and controllable political resource. The conclusion reveals the paradox of the functional exhaustion of this political technology. As the “Soviet lesson” becomes decreasingly relevant for responding to new challenges, it turns into a ritualized element of ideological indoctrination. Meanwhile, the real interest of Chinese strategists is shifting to the study of the working political technologies of contemporary Russia.

Keywords: China, CPSU, collapse of the USSR, political discourse, modernization, reforms, ideology, historical nihilism, Xi Jinping.

Author: Denisov Igor E., Senior Research Fellow, MGIMO University. ORCID ID: 0000-0001-5447-1164 E-mail: iedenisov@yahoo.com

Введение

Распад Советского Союза и уход КПСС с политической сцены в 1991 г. стали одними из самых значительных событий XX в., преобразивших геополитический ландшафт мира. Для Китая, который в тот момент находился на пути модернизации под руководством Дэн Сяопина, это стало не только историческим шоком, но и источником глубоких размышлений, во многом определивших ход дальнейших реформ. В разные периоды постсоветской истории КПК по-разному интерпретировала причины распада СССР, отражая тем самым меняющиеся политические приоритеты и вызовы, с которыми сталкивалась партия.

Несмотря на увеличивающуюся историческую дистанцию, эта тема сохраняет свою актуальность и приобретает особое значение для анализа механизмов идеологической консолидации при Си Цзиньпине. В последние годы отечественная синология обогатилась рядом значительных работ, в которых с разных сторон анализируется советский опыт в китайской оптике, а также уточняется его роль в формировании современного курса Пекина. О.Н. Борох и А.В. Ломанов детально прослеживают эволюцию подходов руководства КПК к советской модели, связывая эту рефлексию с формированием теории «модернизации китайского типа» [Борох, Ломанов, 2021, 2024]. А.В. Лукин рассматривает вопрос о том, какую роль дистанцирование от опыта СССР играет в конструировании концепта «новой формы человеческой цивилизации» [Лукин, 2023]. С.Н. Гончаров фокусируется на содержании понятия «выпрыгивание из исторического цикла», показывая, как тема предотвращения упадка государственности, основанная на исторических уроках СССР, была интегрирована в новую идеологию на XX съезде КПК [Гончаров, 2022]. И.Ю. Зуенко исследует непосредственную реакцию китайской элиты на события 1991 г. Ученый подчеркивает, что именно тогда был заложен фундамент для доминирования консервативного взгляда на причины распада СССР [Зуенко, 2021]. Исследование китайских школьных учебников, проведенное П.И. Рысаковой, отмечает редукцию образа России до советского периода и статуса правопреемника при минимальном освещении постсоветской истории, что отражает двойственность китайской историографии [Рысакова, 2017].

Основываясь на большом корпусе литературы о восприятии советского опыта в Китае, данной статьей мы пытались внести вклад в академическую дискуссию, в первую очередь обращая внимание на трансформацию политического дискурса на разных этапах развития Китая после 1991 г. КПК, осмысливая противоречия советской модели, вела целенаправленную работу по превращению исторического опыта в политическую технологию. Ключевую роль в этой технологии играет не только сама интерпретация событий, но и тщательный подбор терминов, с помощью которых эти события описываются. Контроль над языком — выбор между нейтральным «распадом СССР» (苏联解体) и экзистенциальной угрозой «гибели партии и государства» (亡党亡国), критика оппонентов с помощью нарратива об «историческом нигилизме» — становится главным инструментом формирования новой идеологической реальности.

Второй особенностью работы стал подробный анализ дискуссий периода 2012–2013 гг., то есть первого года после прихода Си Цзиньпина на высшие партийные и государственные посты. Этот поворотный момент, недостаточно освещенный в ли-

тературе, рассматривается в статье как ключ к пониманию идеологических основ современной китайской политики. Именно тогда, в борьбе за правильные формулировки старая версия «уроков» была вытеснена, а на ее место водружена новая, основанная на критике «исторического нигилизма».

Методологически исследование основано на дискурс-анализе ключевых политических и академических текстов. Такой подход позволяет проследить не только содержательные изменения в интерпретации, но и эволюцию самого политического языка, с помощью которого конструировался образ «гибели партии и государства».

Дэн Сяопин и распад СССР: прагматическая реакция

Политические оценки, данные Дэн Сяопином непосредственно после распада Советского Союза и краха КПСС, во многом основывались на его критическом восприятии советской модели социализма, которое сформировалось задолго до событий конца 1991 г. Дэн выступал с этими взглядами в период горбачевской перестройки, считая ее недостаточной и поверхностной попыткой реформ. По мнению китайского лидера, перестройка не смогла фундаментально изменить природу советского социализма, который, как он полагал, в итоге не мог выдержать экономического соревнования с капитализмом.

В августе 1985 г., во время встречи с премьер-министром Зимбабве Р. Мугабе, Дэн Сяопин сказал: «Что такое социализм? Советский Союз занимался этим много лет, но так и не смог полностью разобраться. Возможно, подход Ленина был лучше — он инициировал новую экономическую политику, но впоследствии советская модель застыла» [Deng Xiaoping, 1993b, p. 11]. Этот тезис подчеркивает критическое отношение Дэн Сяопина к советской модели социализма и его стремление избежать ошибок СССР при проведении китайских реформ. Примечательно, что столь скептическая оценка прозвучала через несколько месяцев после объявления советским лидером М.С. Горбачевым курса на перестройку.

Как отмечает китайский ученый Чжан Лэлин, Мао Цзэдун еще в 1950-х осознал проблемы советской модели. Однако несмотря на это, он не смог выйти за ее рамки, что стало главной причиной тупика в китайском социалистическом проекте [Zhang Leling, 1997, p.7]. По логике Дэна Сяопина СССР оказался не просто ошибочным примером — он стал рамкой, из которой КНР слишком долго не могла вырваться. Ключевой вопрос, который поставил Дэн Сяопин и его соратники-реформаторы: что есть марксизм в новых условиях? Эта постановка прямо противопоставляется догматизированному марксизму в позднем СССР, где критика марксизма считалась крамолью, а адаптация к современности — ересью.

Формула Дэн Сяопина «искать истину в фактах» становится не только методологией, но и антимodelью по отношению к советскому опыту, где именно догматизм и отрыв от реальности стали, по мнению китайского руководства, источником краха партии и государства. Причину трудностей СССР и социалистических стран Восточной Европы Дэн Сяопин видел в чрезмерном централизме, бюрократии и отсутствия гибкости в экономике и управлении.

Анализ ситуации в СССР с критических позиций использовался для обоснования курса экономических реформ в Китае. Третьему пленуму ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.) предшествовала интенсивная дискуссия в партии о моделях социализма, и, в частности, об особенностях китайского социалистического пути [Rozman, 2014]. Дистанцирование от советского опыта было одной из главных черт концепции социализма с китайской спецификой, развиваемой Дэн Сяопином [Zuo Fengrong, 2007].

Рефлексия была направлена не на отказ от социализма, а на исправление отдельных внутрисистемных недостатков, особенно в области экономического управления. В частности, критиковались перегибы, связанные с применением советской отраслевой и экономической модели, и недостаточное внимание к специфическим условиям Китая [Sun Yan, 1995, p. 240]. Процесс китайского переосмысления модели развития имел не деструктивный, а коррекционный характер. В отличие от позднего СССР, где пересмотр истории и критика системы привели к делегитимации самой идеи социализма, китайское руководство в конце 1970-х гг. выработало способ интеграции критической оценки ошибок прошлого в конструктивную реформаторскую стратегию, что стало краеугольным камнем устойчивости системы.

В 1987 г. в беседе с представителем руководства Союза коммунистов Югославии Ш. Корошецем Дэн Сяопин подчеркнул, что механическое заимствование чужих моделей без учета национальной специфики в прошлом привело Китай к серьезным затруднениям в экономике и политике. Он отметил, что копирование чужого опыта обернулось торможением производительных сил, идеологической застойностью и снижением инициативы как со стороны населения, так и в низовом звене управления [Deng Xiaoping, 1993a, p. 237].

Данная оценка, прозвучавшая еще до распада СССР, показывает, что Дэн Сяопин, формулируя приоритеты и руководя реформаторским курсом, выстраивал критическое отношение к универсализму советской модели социализма, особенно в ее догматизированном варианте. В отличие от Советского Союза, где в период перестройки происходила институциональная эрозия партии и ее идеологии сверху, Китай, напротив, стремился к идеологической целостности и сохранению вертикали партийного управления — но с подчеркнутой гибкостью и прагматизмом в экономических вопросах.

Дэн Сяопин ясно обозначил интеллектуальную дистанцию от советского пути, предвосхищая ту оценку, которая после 1991 г. ляжет в основу китайской теории реформ: успешная трансформация возможна лишь на основе учета «китайской специфики», при отказе от догматического мышления и безусловного копирования чужих образцов. Реформы, инициированные Дэн Сяопином после 1978 г., не были лишь экономическим сдвигом — они представляли собой концептуальное преодоление зависимости от советской модели, которая доминировала в китайском социализме с 1950-х. В 1980-е гг. Дэн Сяопин неоднократно подчеркивал, что механическое заимствование советской модели социализма привело в Китае к серьезным структурным проблемам. По его словам, эти трудности были осознаны давно, но своевременно решить их не удалось. В разговоре с президентом Мозамбика Ж. Шисану в мае 1988 г. он признал, что прошлое слепое копирование советской модели принесло Китаю множество проблем, и заявил о необходимости строить «социализм с китайской спецификой» [Deng Xiaoping, 1993c, p. 261].

В контексте реформ, СССР стал негативной системой координат, от которой КНР дистанцировалась через: 1) градуалистские реформы, а не шоковую терапию; 2) встраивание рыночных механизмов без отказа от партийного контроля; 3) осознание специфики национальных условий, в отличие от универсализма советской модели.

Эта аргументация составляет ядро политической идентичности Китая, выстроенной на осмыслении опыта СССР как одновременно исторического ориентира в прошлом и негативного примера в настоящем. Сам крах Советского Союза не стал для Дэн Сяопина и китайского руководства полной неожиданностью. Напротив, он был воспринят как тревожное, но логичное подтверждение внутренней несостоятельности советской модели. Уже в начале 1990-х гг. отрицательный опыт СССР был активно интегрирован в теоретическое обоснование китайского курса реформ и открытости. Советский пример послужил важным источником для осмысления пределов допустимого в политической и экономической трансформации, а также укрепил решимость китайского руководства проводить курс «реформ и открытости» без ослабления руководящей роли партии и отказа от основополагающих идеологических принципов.

Усиление этой настороженности пришлось на период после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., когда китайское руководство столкнулось с внутренним вызовом, отчасти вдохновленным демократическими настроениями в Восточной Европе и СССР. Статья А.В. Лукина [Lukin, 1991] представляет ценное аналитическое свидетельство того, как советское руководство — и прежде всего сам М.С. Горбачев — воспринимало события на площади Тяньаньмэнь. В то же время в статье содержатся интересные наблюдения о повороте в восприятии перестройки. Лукин подчеркивает, что с точки зрения Пекина именно успешная реалистичность перестройки делала ее опаснее западного либерализма. Пекин, по мнению Лукина, стремился дистанцироваться от советского опыта, особенно после 1989 г. Это подчеркивает фундаментальное расхождение в подходах: в то время как Горбачев настаивал на политической либерализации как необходимом элементе реформ, китайские власти усиливали репрессии после событий на Тяньаньмэнь [Lukin, 1991, p. 135]. В статье Лукина содержится указание на то, что «новое мышление» в советской внешней политике после 1985 г. придало международным инициативам СССР ярко выраженный универсалистский и гуманитарный характер [Lukin, 1991, p. 120]. Отказ от прямой поддержки Пекина после событий на площади Тяньаньмэнь и акцент на универсализме в заявлениях советского руководства были восприняты в Китае как демонстрация ослабления социалистической солидарности, что, в свою очередь, повлияло на усиление настороженности китайского руководства к реформам Горбачева.

Любопытно, что вплоть до событий на Тяньаньмэнь китайские интеллектуалы и ведущие СМИ достаточно благожелательно относились к Горбачеву и его реформаторскому курсу [Li Jie, 2023]. В исследовании Ли Цзе приведено немало примеров завышенных ожиданий китайских исследователей, которые отчасти были продиктованы позитивными переменами в китайско-советских отношениях, но также связаны с ослаблением идеологического контроля внутри Китая и призывами к тому, чтобы «расцветали сто цветов» со стороны тогдашнего генсека Чжао Цзыяна. Например, в 1988 г. известный исследователь Ли Цзинцзе из Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН) на-

звал новое мышление Горбачева величайшим теоретическим прорывом со времен Ленина. Профессор Центральной партийной школы ЦК КПК Цю Гэнтянь проводил параллели между внешнеполитическими новациями Горбачева и концепцией «одна страна, две системы» Дэн Сяопина, которая также базировалась на мирном сосуществовании социализма и капитализма [Li Jie, 2023, p. 77–78].

После событий на площади Тяньаньмэнь и на фоне усиливающихся демократических движений в Восточной Европе Пекин начал воспринимать политику Горбачева как идеологическую угрозу. Усилилась цензура материалов о перестройке [Rozman, 2010, p.460]. Обвинения в «буржуазной либерализации» и в разрушении основ социализма стали частью внутреннего дискурса КПК, направленного на мобилизацию против возможного повторения «советского сценария».

С другой стороны, внешняя линия КНР оставалась сдержанной и осторожной. Пекин предпочел не разрывать официальные связи с Москвой и сохранять дипломатическую вежливость вплоть до распада СССР, не выступая с публичной критикой перестройки и формально признавая ее социалистический характер. Отсюда видна важная черта китайской стратегии — избегать лобового идеологического внешнего конфликта при сохранении внутренней идеологической жесткости.

Уже через три недели после официального прекращения существования Советского Союза, 17 января 1992 г., Дэн Сяопин в возрасте 88 лет инициировал так называемое Южное турне (南巡) — политическую кампанию, направленную на обновление и ускорение реформ, застопорившихся на фоне ожесточенных споров внутри КНР о «социалистическом» или «капиталистическом» характере курса (姓“社”姓“资”) и после краха восточноевропейских режимов [Lu Nanquan, 2014]. Распад СССР стал для китайского руководства не просто геополитическим событием, но и сигналом о необходимости переосмысления курса внутренних реформ.

Эволюция интерпретации распада СССР при Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао

В период после 1989 г. китайские власти оказались под двойным давлением: последствия политического кризиса после подавления выступлений на площади Тяньаньмэнь и внешние западные санкции вызывали опасения относительно того, что продолжение активных реформ может подорвать партийное управление и дестабилизировать общество. По наблюдению Чэнь Чжиминя, в тот период в КПК закрепились трактовка западной линии как враждебной политики, нацеленной на «свержение социалистической социально-политической системы» Китая. Открытость, в свою очередь, стали воспринимать как путь к вестернизации и фактор риска для партии [Chen Zhimin, 2014, p.48]. После декабря 1991 г. параллели с печальной судьбой СССР и КПСС возникали естественным образом.

Под руководством Цзян Цзэминя китайская партийная элита искала способ сформировать ответ, которой объяснял бы провал Советского Союза не как «конец истории социализма», укреплял бы идеологическую легитимность внутри страны и заявлял об уникальной жизнеспособности китайской модели социализма. Политика в этот

период представляла собой сложное сочетание стратегической адаптации, усиления идеологического контроля и решительной защиты от воспринимаемых внешних угроз.

Заявление Цзян Цзэминя о распаде СССР как о «тяжелом поражении мирового социализма», в результате которого в КПК возник «кризис веры», с одной стороны, явилось прагматичным признанием эффекта распада СССР, но, с другой стороны, это была тщательно выверенная политическая оценка ситуации с искусно сконструированной лексической аргументацией.

На Центральной конференции по идеологической и политической работе 28 июня 2000 г. Цзян Цзэминь подчеркнул: *«Резкие перемены в Восточной Европе и распад Советского Союза стали крупной неудачей мирового социализма. Почему же такая страна, как Советский Союз, развивавшая социализм более семидесяти лет, все-таки распалась? Некоторые добросердечные люди испытывают недоумение и растерянность, а в отношении будущего мирового социализма у них возникают те или иные тревоги. Даже среди некоторых членов нашей партии и кадровых работников, пусть и в разной степени, возник «кризис веры». Это объективная реальность, которую нельзя отрицать или игнорировать»* [Jiang Zemin, 2006d, p.78].

Стоит обратить внимание на лексический выбор для обозначения возникших проблем мировой социалистической системы. Цзян Цзэминь намеренно использовал термин *цочжэ* (挫折) — «неудача, провал», который позволял ему признать наличие идеологического кризиса, не принимая при этом саму идею поражения идеологии социализма. В рамках прагматическо-диалектического подхода такой прием может быть интерпретирован как попытка сохранить институциональные позиции КПК путем дистанцирования китайского социализма от краха советской модели и одновременного переформатирования события распада СССР как временного сбоя, а не как системного краха социалистической перспективы.

Термин *цочжэ* играет здесь важную аргументативную роль, позволяя избежать более жестких формулировок вроде *шибай* (失败, крах) или *бэнкуй* (崩溃, коллапс). Его семантика подразумевает сопротивляемость и обратимость — качества, поддерживающие претензию КПК на идеологическую легитимность. Таким образом, лексический выбор иллюстрирует то, что Франс ван Эмерен называет стратегическим маневрированием, при котором участники аргументации стремятся «согласовать стремление к риторической эффективности, ориентированной на принятие, с диалектическими обязательствами, направленными на разрешение разногласий», используя возможности аргументативной ситуации «для того, чтобы направить дискурс... в сторону, наилучшим образом отвечающую их риторическим интересам» [van Eemeren, 2010, p. 42]. В этом контексте выбор термина *цочжэ* позволяет представить глобальный удар не как полную дискредитацию социализма, а как поддающееся исправлению отклонение, тем самым консолидируя идеологические позиции КПК.

Давая подобную характеристику судьбам мирового социализма, Цзян Цзэминь одновременно признает серьезность глобальных перемен, возникших после ухода СССР, но при этом сохраняет преемственность социалистического проекта в Китае. В основу ответа КПК на крушение социализма в СССР и Восточной Европе легли два ключевых стратегических императива. Первый — непоколебимая приверженность

социализму, представленная не как оборонительная позиция, а как закономерный исторический выбор китайской нации. Второй императив — необходимость непрерывных реформ, которые на практике должны доказать динамичность и превосходство китайской модели. Ключевая установка КПК заключалась не в признании социализма нежизнеспособным, а в утверждении, что его успех определяется качеством руководства и постоянной идеологической бдительностью.

При постановке идеологических задач в постсоветскую эпоху Цзян Цзэминь все больше акцентировал внимание на внешних угрозах, особенно на «вестернизации» (西化) и «раскольнической деятельности» (分化). В выступлении на шестом пленуме ЦК КПК 14-го созыва (октябрь 1996) он описывал их как преднамеренные действия «враждебных международных сил» в рамках стратегии «мирной эволюции», которая в итоге направлена на подрыв политического строя Китая и национального единства: «Вестернизация — это попытка в политике заменить руководящую роль КПК и систему демократической диктатуры народа западными многопартийными и парламентскими системами... Раскольническая деятельность — это использование всех средств и возможностей, чтобы расколоть нашу партию, нашу нацию и нашу страну...» [Jiang Zemin, 2006c, p. 573].

Таким образом, открытость, связанная с получением экономических выгод от глобальной интеграции, сочеталась со строгим сохранением внутреннего идеологического и политического контроля, чтобы не допустить «мирной эволюции» по советскому сценарию. Описывая серьезность возникших после распада СССР угроз для Китая в выступлении на совещании в Центральном военном совете в ноябре 1999 г., Цзян Цзэминь привел строчку танского поэта Ли Хэ «Черные тучи нависли над городом, и город готов рухнуть» (黑云压城城欲摧) [Jiang Zemin, 2006e, p. 451].

В этот период анализ кейса распада СССР на первое место ставил критическую ошибку советского руководства — отказ от основных социалистических принципов. Наиболее глубокий урок из советского опыта состоит, по заявлению Цзян Цзэминя, в том, что «отказ от социалистического пути... привел к дальнейшему обострению уже имеющихся серьезных экономических, политических, социальных и этнических противоречий, что в итоге вызвало историческую трагедию в виде краха системы и распада государства» [Jiang Zemin, 2006b, p. 230].

Как отмечает исследователь из Гонконга Ван Яоцзун (Wong Yiu Chung), для китайского руководства после событий в Советском Союзе и Восточной Европе «главным предметом озабоченности стала общественная стабильность» [Wong Yiu Chung, 2021, p. 185]. Это выразилось в акценте на предсказуемости и постепенности при проведении любых реформ. В триаде «реформы — развитие — стабильность» приоритет отдавался именно стабильности. Этот подход воплотился в формулировке Цзян Цзэминя 1999 г.: «Стабильность является базовой предпосылкой реформ и развития; без стабильности ничего не добиться» (稳定是改革和发展的基本前提, 没有稳定什么事情也办不成) [Jiang Zemin, 2006a, p. 260]. Настаивая на «упреждающем пресечении на корню» любых факторов, способных «подорвать общественное единство», генсек дал понять, что реформы должны проводиться в рамках строго контролируемого политического поля, чтобы КПК не повторила опыт институционального распада КПСС.

Американский политолог-китаевед Л. Пай дополнительно пояснял, что политика в эпоху Цзян Цзэминя определялась множеством противоречивых тенденций, однако он также ясно выделял политическую стабильность в качестве главной цели китайского руководства. По мнению Пая, руководство твердо верило, что сохранение монополии на власть КПК отвечает высшим национальным интересам Китая — точка зрения, безупречно объединяющая интересы государства с личными интересами политической элиты. На практике, отмечал Пай, при Цзяне управление выглядело «прозаической, почти бесцветной деятельностью», представляло собой «обыденное, рутинное дело — без чего-либо драматического или крайнего», при этом руководство предпочитало администрирование идеологическим дебатам [Pye, 2015, p. 209]. Такой подход соответствовал психологическим установкам китайского общества, сформировавшимся под воздействием исторических травм после десятилетий нестабильности, восходящей к краху Цинской империи и бурному правлению Мао. «Настроения в стране, таким образом, соответствовало стремлению избегать поспешности в решении каких-либо масштабных политических вопросов», — писал Пай [Pye, 2015, p. 216].

Как замечает Дж. Фьюсмит, новый консенсус не ограничивался партийным консервативным руководством и широкой публикой, но также охватывал и либерально настроенных ученых и экспертов. Если раньше дебаты велись в логике дихотомии «реформы — консерватизм», то распад Советского Союза и события в постсоветской России породили «третий и неприятный выбор: социальный, политический и экономический коллапс» [Fewsmith, 2015, p. 262–263]. Осознание провала российской «шоковой терапии», которая привела к «экономическому и политическому упадку в сочетании с общественным беспорядком», побудило многих китайских интеллектуалов-реформистов умерить прежний энтузиазм в отношении быстрых политических изменений и признать, что реформа — это «куда более сложный, длительный и поэтапный процесс, чем они представляли себе еще несколько лет назад» [Fewsmith, 2015, p. 263]. Таким образом КПК заручилась более широким консенсусом в пользу постепенного хода реформ, ориентированного на стабильность. В рамках этой политики рост и открытость признаются необходимыми, но лишь в той мере, в какой они укрепляют, а не подрывают способность партии контролировать ситуацию в стране.

Теоретическая инновация Цзян Цзэминя в виде идеи «трех представительств» была прямым ответом на одну из предполагаемых ошибок КПСС — ее неспособность адаптироваться к изменяющимся социальным условиям. Новая стратегическая установка КПК была обусловлена осознанием того, что стремительно развивающийся частный сектор Китая требует особого внимания. Особую тревогу вызывало то, что рост влияния частных предпринимателей, происходивший на фоне быстрого расширения рыночной экономики, мог, по оценкам партийного руководства, привести к постепенной вестернизации политического сознания и размыванию социалистических основ, как это произошло в СССР. Как отмечает Цзэн Цзинхань, «растущее влияние частных предпринимателей на фоне стремительного роста частной экономики в Китае больше не могло игнорироваться Коммунистической партией Китая», что побудило партию к поиску формальных альянсов с бизнес-элитой [Zeng Jinghan, 2016, p. 117]. Таким образом, концепция «трех представительств» не только переопределила социальную базу партии, но и формализовала взаимодействие КПК с новыми экономическими акторами.

После прихода к власти Ху Цзиньтао выдвинутая им концепция «научного развития» подчеркивала необходимость сбалансированного, устойчивого роста при сохранении политической стабильности — подход, открыто позиционируемый как средство избежать фатальных ошибок советской системы.

С одной стороны, в китайском анализе подчеркивалось, что экономическая стагнация и издержки плановой системы были ключевыми факторами последующего краха СССР. Это, в свою очередь, оправдывало постоянное внимание китайского руководства во главе с Ху Цзиньтао к развитию «социалистической рыночной экономики» и обеспечению экономического роста как основы легитимности режима. Как отмечал китайский исследователь Сюй Чжисинь, «внутренние и внешние условия, на которых основывалась система плановой экономики в Советском Союзе, в долгосрочной перспективе оказались несостоятельными, поэтому крах этой системы был неизбежен» [Xu Zhixin, 2001, p. 10]. В свою очередь, Чжао Бинмэй пишет, что «отсутствие результатов в течение долгого времени и неспособность обеспечить рост экономики подорвали веру людей в реформы и пошатнули уверенность в социалистическом строе», кроме того, экономический кризис вызвал «кризис доверия к Коммунистической партии, что в свою очередь спровоцировало этнический кризис» [Zhao Bingmei, 2001, p. 2].

С другой стороны, при Ху Цзиньтао начался процесс, в полной мере развернувшийся при Си Цзиньпине — политическую трактовку краха советского проекта в решающей степени стали определять не «советологи» и «русисты», которые опирались на первичные источники и в целом лучше представляли сложные процессы, приведшие к распаду СССР, а идеологи, которые видели в этом результат идейной эрозии и утраты партийного контроля [Huang Yanjie, 2024].

Такая интерпретация подменяла структурный анализ событий нарративом о «предательстве» и «идеологической слабости», делая акцент на верности идеологическим основам как ключевом факторе выживаемости китайского социализма. Ху Цзиньтао подчеркивал, что для КПК «основой партийного строительства является идейно-политическая работа, а ее ядром — теоретическая база». Крах СССР, по его словам, стал прямым следствием плюрализма, который «привел к хаосу в мышлении и полному идейно-политическому разоружению» [Hu Jintao, 2016, p. 453].

В этом ключе советский опыт стал использоваться не как предмет анализа, а как политическое клише, призванное оправдать необходимость ужесточения идеологического контроля и отказа от «неолиберализма». Отражением данного подхода стало широкое распространение в официальных и экспертных публикациях о советском опыте выражения *вандан ванго* (亡党亡国, гибель партии, гибель государства)¹. Использованный ранее термин *Сулянь цзети* (苏联解体, распад СССР) был политически более нейтрален. Этот юридическо-исторический термин фиксировал факт распада государства СССР на суверенные республики без прямой политико-ценностной оценки. В свою очередь, термин *Сугун куатай* (苏共垮台, крах (падение) КПСС) указывал на крушение правящей партии как института, подчеркивая партийный аспект краха

¹ См., например, статью бывшего заведующего Организационного отдела ЦК КПК Чжан Цюаньцзина [Zhang Quanjing, 2008].

советской модели. Новый термин объединяет оба уровня (партийный и государственный), формируя картину единого процесса системного распада и наделяя ее дополнительной идеологической и символической значимостью, а также дидактическим смыслом.

В этом отношении примечательна вышедшая в 2012 г. книга известного публициста и члена Союза китайских писателей Фэн Цзинчжи [Feng Jingzhi, 2012]. Хотя труд Фэн Цзинчжи представляет собой достаточно подробный очерк истории Российской империи и СССР на протяжении XIX и XX вв., в заголовок вынесена формула *вандан ванго* вместе с иероглифом 祭 (*цзи*: поклоняться, поминать; поминание, ритуальный, приносить жертву). Таким образом, автор предлагает интерпретацию распада СССР и гибели партии как завершение всей российской государственности — от империи до советского проекта, как трагический конец российской цивилизации. Советский период показан не в виде отдельного эпизода, а как финальный акт великой российской истории, оборвавшейся в момент утраты символического и структурного ядра, которым являлась коммунистическая партия.

Историческая траектория Российской империи и сменившего его СССР показывается сквозь призму постоянного колебания идентичности между Востоком и Западом. По мнению Фэн Цзинчжи, это не просто культурный или геополитический выбор, а структурный конфликт российской истории: с одной стороны, стремление к вестернизации (реформы Петра I, Столыпина, советская индустриализация, научно-технический прогресс), с другой — тяготение к «восточным» моделям авторитарного государственного контроля, мобилизационной экономики и патерналистской власти. Постоянный конфликт восточного и западного векторов показан как источник институциональной хрупкости. Фэн Цзинчжи исходит из тезиса, что причины распада Советского Союза были заложены значительно раньше 1991 г. — в глубинных противоречиях Российской империи, которые не только не были разрешены после 1917 г., но и усугубились в советский период.

Какой бы период из истории России XIX в или XX в. ни брал автор, во всем ему видится пролог к трагедии распада, цепь нерешенных проблем. Его анализ «столетия метаний русской интеллигенции», «геополитической игры без настоящих союзников» и «проклятия дихотомии Восток — Запад» указывает на восприятие России как государства, постоянно балансирующего на грани внутреннего кризиса из-за своей неустойчивой идентичности и непоследовательной политики. Это контрастирует с официальным китайским нарративом о Китае как о цивилизации-государстве с непрерывной историей и стабильной идентичностью. Заглавие, таким образом, задает телеологическую рамку: все предшествующее 1991 г. — это дорога к потере «государства и партии» как конечной точке. Распад СССР интерпретируется им не как случайность или следствие неудачных реформ, а как кульминация исторической траектории, в которой отсутствие устойчивого социального и цивилизационного фундаментов сделало государство уязвимым перед шоками «долгого XX века». Причем и финальный «прогнозный» вывод автора, сделанный уже в XXI в., весьма пессимистичен. Цивилизационный разлад, по его мнению, уже сформировал устойчивую структурную слабость, не компенсируемую качествами лидеров. «Даже решительный и мудрый лидер, — пишет он, — не может существенно изменить ситуацию в усло-

виях социальной структуры, имеющей множество дефектов» [Feng Jingzhi, 2012, p. 499]. Россия, по его мнению, застряла между двумя цивилизациями, не сумев органично синтезировать в своей политике западные и восточные элементы или выбрать один путь, что и стало первопричиной ее исторической трагедии.

Несмотря на заявленный отход от стандартного подхода, книга остается верна главной цели китайской школы «изучения уроков СССР»: она является дидактическим трудом. С другой стороны, талант публициста, разнообразное содержание, живо нарисованные картинки прошлого, спекулятивно подобранные яркие факты делают книгу мощным инструментом для передачи определенного идеологического месседжа.

Сближает книгу с читателем и то, что анализ истории России оказывается встроен в концептуальный язык китайской политической культуры, где переживание *вандан ванго* — боль от гибели государства — служит не только категорией исторической рефлексии, но и важным предупреждением настоящему. На российском материале воспроизводится схема, хорошо известная китайцам, когда падение государства — это не только институциональный кризис, но и моральная катастрофа всего общества, разрушение гармонии в Поднебесной. В этом контексте Фэн оказывается продолжателем логики, характерной для крупных китайских историков, таких как Хуан Жэньюй (Ray Huang), чья концепция макроистории акцентировала значимость долгосрочных социальных оснований и институциональной устойчивости [Huang, 1988]. Как отмечал историк в предисловии к авторизованному китайскому изданию книги «1587. Ничем не примечательный год», причина упадка династии Мин заключалась «не в личных качествах, а в исчерпанности системы, в которой все — от императора до простолюдина — становились ее жертвами» [Huang Renyu, 1997, Preface, p. 4]. В свою очередь, другой видный историк Ван Хуэй, связывал понятие гибели государства с угрозой распада морального порядка, подчеркивая, что утрата государственности всегда является для китайской мысли не только политической, но и экзистенциальной травмой. В работе «Китай: от империи до национального государства» он формулирует принцип центральности морального порядка: «В каком-то смысле, ядром социального воображаемого является воображение морального порядка. Все социальные отношения должны быть интерпретированы как моральные отношения» [Wang Hui, 2014, p. 66].

Сила формулы *вандан ванго* заключается в том, что она не нуждается в доказательствах и подробных комментариях, риторически она переносит события в соседней стране на китайскую культурную почву. В данной формуле внимание смещается к тому, как партия и государство сцеплены, и что происходит при ослаблении ведущего элемента — партии. Распад СССР и падение КПСС в формуле *вандан ванго* оказывается не просто описанием чужого кризиса, а вызывающим тревогу сценарием, легко проецируемым на собственную ситуацию. В китайской традиции *ванго* — это не только гибель институтов, но и распад нравственного и ритуального порядка. История СССР и постсоветской России становится зеркалом не чужого, а потенциально своего, резонирует с глубинными культурными представлениями о порядке. Распад первого в мире социалистического государства предстает не как случайная череда ошибок, а как результат утраты моральной, административной и институциональной целостности — то есть тех параметров, которые в конфуцианской и легистской мыс-

ли изначально определяли жизнеспособность власти. Однако главное, что формула подчеркивает безальтернативность власти партии в китайской политической системе: КПК — ядро государственности, ее крах неотделим от краха нации и государства как такового.

Восприятие краха СССР и КПСС как трагедии, обусловленной потерей идеологических и институциональных основ, стало центральным элементом партийной политики в период Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао. Ее чертами стали постепенная идеологизация, усиление партийного контроля, борьба с попытками «размыть» политическую власть КПК и дестабилизировать общество извне. При Си Цзиньпине эти тенденции получили не только системное развитие, но и качественную трансформацию, вызванную новыми оценками внешних и внутренних угроз. Основные усилия были направлены на дальнейшую централизацию политической системы и обеспечение лояльности государственных и партийных чиновников, вопрос же о «советских уроках» был успешно интегрирован в борьбу за «правильное понимание» исторического прошлого КПК и КНР как фундамента партийной легитимности.

Си Цзиньпин: исторический нигилизм как главное объяснение

Термин *вандан ванго* после прихода к власти Си Цзиньпина стал ключевым выражением для описания последствий распада СССР не просто как исторического катаклизма, а как комплексного институционального и идеологического кризиса, причиной которого стала утрата идеалов и разложение правящей партии и ее руководства.

Си трактовал распад СССР как доказательство того, что партия гибнет прежде всего изнутри через идеологическое размывание и кланово-коррупционную автономию элит. Как отмечает австралийский журналист Р. Макгрегор для Си Цзиньпина из множества рисков начала 2010-х (включая «цветные революции» и арабские протесты) главным кошмаром оставалось именно повторение советского сценария. «Си извлек главное предостережение из распада Советского Союза и был потрясен тем, как Коммунистическая партия Советского Союза практически в одночасье исчезла», — пишет Макгрегор. В статье в журнале «Форин Афферс» он подчеркивает, что инициированные Си уголовные дела против высокопоставленных деятелей КПК Бо Силая и Чжоу Юнкана стали сигналом: фракционная политика и «личные уделы» в частных и государственных компаниях, а также в силовом блоке несовместимы с выживанием КПК [McGregor, 2019, p. 22].

Согласно официальным интерпретациям, коррупция была одной из причин, которые привели КПСС к краху. Довольно типичное замечание делает ученый из КАОН Чжу Цидун: «В 1980-е годы подавляющее большинство руководителей КПСС уже стремилось к материальным благам. По мере того как их привилегии постоянно расширялись, они все острее ощущали, что социалистическая система не позволяет им накапливать значительное личное богатство» [Zhu Jidong, 2011]. Чжу Цидун и другие китайские исследователи [Zhou Ya, 2015; Tang Jing, Li Peng, 2014] подчеркивают, что значительная часть партийной номенклатуры в поздний советский

период была деморализована, ориентирована на личное обогащение и заинтересована в приватизации ради передачи богатства и власти своим детям. Сращивание бюрократии с системой привилегий вызвало глубинную трансформацию советской политической системы, а именно институциональные изменения, инициированные ради приватизации власти и ресурсов в пользу ограниченного круга лиц. Это привело, по оценке китайских исследователей, к разложению партийной дисциплины, усилению социальной несправедливости и падению доверия к власти.

Сходные тезисы высказывал и сам Си Цзиньпин, правда, в ряде случаев, прямо не называя Советский Союз, но из контекста понятно, что имелся в виду именно советский опыт. Маркером в данном случае выступает выражение *вандан ванго*, которое в партийной литературе используется для обозначения советского прецедента. На первой коллективной учебе членов Политбюро 18-го созыва 17 ноября 2012 г. Си, ставя задачи по борьбе с коррупцией, отметил: «В последние годы в ряде стран из-за накапливавшихся в течение длительного времени противоречий возникло сильное недовольство среди населения, вспыхнули социальные потрясения, произошло крушение режимов — и одной из важнейших причин этого стала коррупция. Многочисленные факты свидетельствуют: если проблема коррупции продолжает усугубляться, то в конечном счете это неизбежно приведет к гибели партии и государства» [Xi Jinping, 2018b, p. 16].

Вышеприведенные аргументы со ссылкой на «горькие уроки» СССР обосновывали масштабную антикоррупционную кампанию Си Цзиньпина. Начиная с 2012 г. Си в ряде выступлений связывал извлечение опыта из судьбы СССР с важностью укрепления партийного строительства и усиления дисциплины, выстраивания жесткой вертикали власти — по выражению самого Си Цзиньпина необходимо «заключить власть в клетку системы» (把权力关进制度的笼子里). Выражение впервые прозвучало 22 января 2013 г. в выступлении Си Цзиньпина на втором пленуме Центральной комиссии по проверке дисциплины 18-го созыва. Си Цзиньпин потребовал «усилить ограничения и надзор за функционированием власти, поместить власть в клетку системы, сформировать систему наказаний, делающую коррупцию рискованной, механизм профилактики, не позволяющий заниматься коррупцией, и систему гарантий, делающую коррупцию затруднительной» [Xi Jinping, 2018a, p. 388]. Формула о «клетке системы» была повторена Си Цзиньпином 19 апреля 2013 г. в ходе пятой коллективной учебы членов Политбюро ЦК КПК. Поставив на первое место вопросы морально-идеологической чистоты чиновников, Си Цзиньпин заметил, что институциональные проблемы имеют более основополагающий и долгосрочный характер: именно они создают системные условия, при которых коррупция либо подавляется, либо становится устойчивым явлением. «Ключевое значение имеет совершенствование системы сдержек и надзора за осуществлением власти: необходимо, чтобы народ осуществлял надзор за властью, чтобы власть функционировала под светом солнца, чтобы власть была заперта в клетке системы», — отметил генсек [Xi Jinping, 2018c, p. 392]. Здесь стоит обратить внимание на тщательный подбор формулировок: вместо западных «сдержек и противовесов» (制约和平衡, 制衡) употребляется термин «сдержки и контроль» (制约和监督). В ортодоксальных китайских трактовках распада СССР одной из причин краха называется отказ от развития со-

циалистической демократии, ослабление и даже полная ликвидация руководящей роли партии, заимствование западной системы разделения властей [Hang Li, 2001, p. 62]. Несмотря на фразы о надзоре народа над властью, предлагаемая в качестве ответа на крах КПСС модель «сдержек и контроля» означает высокоцентрализованный механизм надзора внутри партийной системы. Как пояснялось в газете «Чжунго цзицзянь цзяньча бао» (中国纪检监察报)², «в деле сдерживания и контроля власти... следует постоянно усиливать всестороннее, всеохватывающее и непрерывное руководство партии... куда направляет ЦК партии в своих решениях, туда и следуют надзор и проверка» [Xiao Yunxiang, 2021].

В первые годы нахождения Си Цзиньпина у власти (2012–2014 гг.), даже у тех, кто видел общие «болезни» китайской и советской систем, вполне естественно расходились подходы к программе практических действий. Часть экспертного сообщества инициативно и, наверное, немного наивно пыталась, основываясь на советском опыте, предлагать варианты, отрицающие сверхцентрализацию власти и кампанейщину. «Корень коррупции — в высокоцентрализованной политико-экономической системе. Для Китая чья институциональная система унаследовала черты советской модели, построение зрелой социалистической демократической политики является залогом политической устойчивости и общественной гармонии», — такой вывод сделал в 2014 г. в своей статье о советской коррупции Хуан Цзюньфу, декан факультета государственного управления и права Университета Дунхуа [Huang Junfu, 2014, p. 31].

Во многом это была тонкая игра: советский пример служил эвфемизмом, позволяя говорить о китайских политических рисках без прямых отсылок к текущей практике. Однако по мере вызревания новой повестки эти предложения стали трактоваться как потенциальная угроза, а советской темой овладели ортодоксы, при этом поле для альтернативных трактовок уроков СССР практически исчезло.

Парадокс ранней эпохи Си Цзиньпина (2012–2013 гг.) состоит в том, что при публичном укреплении консервативной линии по «урокам СССР» внутри партийного аппарата сохранялось пространство для контролируемой полемики. Ситуация вокруг оценки советского опыта была в этот период существенно сложнее, чем это иногда представляется как линейная «ортодоксальная» консолидация. Показателен критический разбор рекомендованного к партийному просмотру фильма «Двадцатилетние поминки по гибели партии и государства в СССР — говорят россияне» (苏联亡党亡国20年祭: 俄罗斯人在诉说)³, сделанный специалистом по СССР и России, профессором Центральной партийной школы Цзо Фэнжун [Zuo Fengrong, 2013].

По мнению Цзо Фэнжуна, рецензируемый фильм не стремится к установлению истины, многие события вырваны из контекста, в нем «отсутствует рациональный анализ, а главная цель заключается в защите сталинской системы... в качестве учебного материала для членов партии такой фильм играет дезориентирующую роль

² Официальный печатный орган Комиссии ЦК КПК по проверке дисциплины и Государственного контрольного комитета.

³ Первая часть названия фильма дословно воспроизводит заголовок обсуждавшейся выше книги Фэн Цзинчжи, что указывает на формирование устойчивой ритуализованной рамки интерпретации распада СССР.

в отношении реформ» [Zuo Fengrong, 2013, p. 29]. Цзо Фэнжун упрекает создателей фильма в тенденциозном отборе спикеров. Это преимущественно консервативные деятели постсоветского периода и ученые левых взглядов, тогда как главные реформаторы и действующие политики практически не представлены. Такой отбор превращает заявку «россияне рассказывают» в монолог части ностальгирующей советской элиты, а не в актуальный срез рефлексии постсоветского общества.

Еще один упрек Цзо Фэнжун заключается в том, что в фильме распад СССР объясняется через «предательство» партийной верхушки вместо анализа системных причин. Цзо Фэнжун возражает против тезиса о «пятой колонне» как инструменте «мирной эволюции» со стороны Запада, отмечая, что распад СССР был обусловлен внутренними причинами и произошел без внешнего военного вмешательства. Реформы Горбачева, по ее мнению, следует рассматривать как реакцию на уже углубившийся системный кризис, а не как первопричину распада.

С пониманием и сочувствием пишет Цзо Фэнжун о раскрытии «темных страниц» прошлого в период гласности, возражая против обвинений инициаторов перестройки в фальсификации истории, которые прозвучали в фильме: «...советская история так и не стала наукой. Ее задачей не было установление исторической истины или извлечение уроков из побед и поражений — она служила инструментом идеологической борьбы...Такая история, полная лжи, не могла не быть отброшена. Учебники, написанные на этой основе, закономерно оказались в мусорной корзине» [Zuo Fengrong, 2013, p. 35].

Утверждая, что деградация КПСС началась не с Горбачева, а со Сталина, Цзо Фэнжун рисует картину, которая вполне могла быть отнесена к Китаю, причем не только маоистских времен. Объективизируя нарратив об СССР, Цзо фактически намекает на нынешние китайские риски, прежде всего на угрозу авторитарной централизации: «На практике Сталин выстраивал КПСС по образцу «ордена меченосцев» — партия стала орудием, подчиненным лично вождю. Она превратилась не только в орган политического руководства, но и в инструмент прямого командования хозяйственной деятельностью. Сталин создал жесткую систему цензуры. В партии и в обществе не допускались никакие иные мнения. Органы контроля разрастались, власть все больше концентрировалась, любые зачатки новых идей подавлялись на корню» [Zuo Fengrong, 2013, p. 36].

Финальный вывод Цзо Фэнжун неутешителен для пропагандистов: «До сих пор в Китае находятся люди, которые продолжают защищать сталинскую систему и отрицать необходимость реформ, не замечая изменений, произошедших в России. Удивительно, что, тратя столь значительные средства налогоплательщиков, они не занимаются серьезным анализом причин провала КПСС и поиском решений, а лишь цепляются за отжившие догмы и воспевают старую систему, что в корне неправильно» [Zuo Fengrong, 2013, p. 36–37].

Создатели фильма ответили коллективной статьей⁴ [Ju'an siwei ketizu, 2013]. Уже в самом ее начале авторы подробно акцентируют внимание на официальном одобре-

⁴ Основным автором назван профессор Института марксизма Народного университета, известный специалист по СССР Чжоу Синьчэн (周新城), которому к тому времени исполнилось 78 лет. Наиболее вероятный мотив — опора на авторитет для усиления критической аргументации.

нии фильма: они указывают, что 7 марта 2012 г. Комиссия по проверке дисциплины ЦК КПК направила в нижестоящие органы распоряжение о просмотре фильма среди руководящих кадров уровня уезда и отдела и выше (县处级以上). По их данным, фильм был показан более чем в 50 министерствах и ведомствах центрального уровня, а также в нескольких десятках тысяч первичных организаций по всей стране [Ju'an siwei ketizu, 2013, p. 120].

Такая ссылка на широкую административную поддержку — это не просто информационная справка, а своеобразная форма политического наступления на оппонента. Авторы заранее подчеркивают, что их работа не является частным мнением, а одобрена партийными структурами и включена в официальную образовательную повестку. Важно, что с «политическим продвижением» фильма группа авторов сильно спешила. Весной 2012 г. Комиссию по проверке дисциплины еще возглавлял Хэ Гоцян, близкий к Ху Цзиньтао, а Ван Цишань занял этот пост лишь в ноябре после XVIII съезда КПК. Создатели фильма не знали, как к теме «уроков СССР» отнесется Си Цзиньпин и новое партийное руководство, и стремились заранее заручиться поддержкой партийной бюрократии, уже в транзитный период встроив свой нарратив в пропагандистскую систему.

При этом они абсолютно верно поняли тот предупредительный месседж, который пытались донести до партийного руководства некоторые системные интеллектуалы: «Откровенно говоря, некоторые люди в стране используют «советский вопрос» как предлог для высказывания собственных взглядов на будущее развитие Китая. Просто кое-что нельзя сказать напрямую, поэтому распад СССР и роспуск КПСС используются как косвенный способ выразить свои пожелания. За советским вопросом всегда скрывается китайский вопрос — это ясно каждому, кто понимает суть происходящего» [Ju'an siwei ketizu, 2013, p. 121].

Создатели фильма в своем ответе отказываются признавать причинами распада СССР несостоятельность советской модели как таковой. Совокупность институциональных дефектов (избыточная централизация, застой реформ и т.п.) признается лишь потенциалом нестабильности, который стал реальным фактором только при линии Горбачева, определяемой в статье как «гуманистический демократический социализм» (人道的民主社会主义). Логический ход таков: корректная политическая линия позволяет решить проблемы с помощью реформ без отказа от социалистического строя; неправильная линия усиливает дефекты и ведет к демонтажу всей системы. Критику основ советского строя, которую они увидели в рецензии Цзо Фэнжун, авторы фильма называют «историческим нигилизмом», допуская критический разбор конкретных механизмов, но не пересмотр базовых принципов: «Нигилистическое отношение к истории СССР и истории КПСС привело к утрате социалистических идеалов и убеждений среди коммунистов и широких народных масс... что в итоге привело к гибели партии и государства. Разве мы можем забыть этот горький урок?» [Ju'an siwei ketizu, 2013, p. 128].

В целом публикация авторов фильма переводит спор о природе краха СССР из плоскости анализа несостоятельности модели в плоскость оценки идеологической линии и политической воли. Урок для Китая состоит в установлении строгой рамки дискуссии: критиковать технические изъяны и темпы реформ допустимо, ставить под

сомнение основы строя, базовые принципы, прежде всего, руководство партии и руководящую идеологию — нет.

Критический ответ на статью Цзо Фэнжун опубликовал и журнал «Таньсо юй чжэнмин», в котором ранее появилась сама статья. Публикации статьи доцента Народного университета Ван Тинъю [Wang Tingyou, 2013b] предшествовало редакционное предисловие, в котором журнал осторожно дистанцируется от позиции Цзо, не осуждая ее напрямую, но подчеркивая, что по теме есть и «противоположные» точки зрения. Упоминание «великого возрождения китайской нации» укладывается в политический дискурс, который с приходом к власти Си Цзиньпина получает все большее официальное звучание. Таким образом, редакция демонстрирует, что ее главная лояльность — не к отдельным авторам, а к курсу партии. Декларируемая цель дискуссий по советской тематике также остается в рамках политической корректности — «укрепить уверенность в выбранном курсе социализма с китайской спецификой», что напрямую резонирует с позицией авторов фильма, изложенной в их ответе на критику Цзо Фэнжун. В своей коллективной статье они утверждали, что главное последствие «исторического нигилизма» — утрата идеалов, идеологическая дезориентация и в итоге крах всей системы, как это произошло в СССР. Ван Тинъю входил в группу по подготовке рассматриваемого фильма, так что его ответ сложно назвать беспристрастной оценкой.

Ван Тинъю также выдвигает против Цзо Фэнжун обвинения в «историческом нигилизме», поскольку критика Сталина и «сталинской модели» трактуется как косвенная атака на социализм с китайской спецификой, который является продуктом эволюции мировой социалистической идеи. Цзо Фэнжун, по мнению оппонентов, эту связь разрывает. Критическое осмысление кризиса советских институтов Ван Тинъю приравнивает к «спекуляции на советской тематике» и ставит в один ряд с отрицанием «Мао Цзэдуна, идей Мао Цзэдуна и китайской революции» [Wang Tingyou, 2013b, p. 36]. Это переводит академическое обсуждение в поле политической лояльности/нелояльности, сужая пространство для неангажированной аналитики. «В отношении сталинской модели необходимо подходить к вопросу диалектически, видеть как ее достижения, так и недостатки, различая главное и второстепенное... Главным, ведущим, основным является именно историческая заслуга и достижения сталинской модели», — пишет Ван Тинъю [Wang Tingyou, 2013b, p. 36]. Формальная оговорка о диалектическом подходе и всестороннем и научном анализе задает строгую рамку допустимого: анализ разрешен, но до тех пор, пока не ставит под сомнение идеологический канон. Критика «сталинской модели» рассматривается как переход красной линии — отсюда прямое обвинение Цзо Фэнжун в историческом нигилизме. Как и другие оппоненты Цзо Фэнжун, Ван Тинъю персонифицирует причины краха СССР, называя в качестве ведущего фактора предательство советских лидеров — от Хрущева до Горбачева и Ельцина, которые были «пятой колонной, затаившейся внутри партии и государства, выступавшей в роли пособников и агентов империализма, и стали позорными предателями как советского социалистического дела, так и международного коммунистического движения» [Wang Tingyou, 2013b, p. 40].

Ван Тинъю выстраивает ортодоксальную линию защиты «советской модели»: критика советского социализма на основании отдельных цитат Дэн Сяопина объявляется методологически ошибочной, поскольку нужно «правильно» различать институ-

циональные дефекты поздней высокоцентрализованной конструкции и социалистическую сущность советского проекта. Ключевой аргумент — заковыченная цитата из выступления Си Цзиньпина 5 января 2013 г. с толкованием позиции Дэн Сяопина: «Товарищ Дэн Сяопин, говоря о советской модели, имел в виду высокоцентрализованную экономико-политическую систему, которая постепенно сформировалась после смерти Ленина в процессе руководства Сталина строительством социализма в Советском Союзе». Апеллируя к авторитету недавно избранного генерального секретаря, Ван Тинью делает из короткой цитаты не очень логичный вывод о том, что Дэн Сяопин отнюдь не полностью отрицал Сталина или советскую модель. «Между тем, — рассуждает далее он, — “некоторые люди” механически ссылаясь на Дэн Сяопина полностью отвергают Сталина и сталинскую модель, а под этим предлогом — и социалистический строй СССР вместе с КПСС» [Wang Tingyou, 2013b, p. 41].

Однако как в кратком изложении [Xi Jinping qiangdiao..., 2013], так и в более подробном варианте речи Си Цзиньпина, опубликованном только в 2019 г. в журнале «Цюши» [Xi Jinping, 2019] такой фрагмент отсутствует. Похожий текст содержится в изданиях для партийной учебы 2014 и 2016 гг. [Zhonggong Zhongyang Xuanchuan..., 2016], но это не сборник речей, а комментарий составителя — Отдела пропаганды ЦК КПК, и установить, действительно ли Си Цзиньпин в 2013 г. толковал Дэн Сяопина и высказывался о сверхцентрализации, невозможно. Поиск по базе CNKI выявил лишь еще семь случаев, когда текст использовался в виде цитаты в научных журналах, из них пять материалов авторства Цяо Фэна, бывшего сотрудника Отдела международных связей ЦК КПК. Все цитаты (или псевдоцитаты?) обрываются 2017 г.

Вот пример комментирования «цитаты» Си Цзиньпина, датированный 2014 г. (интервью Цяо Фэна): «Очевидно, что “советская модель” означает именно эту высокоцентрализованную экономико-политическую систему, то есть конкретный способ осуществления социализма в Советском Союзе. Это совершенно иное по своей сути явление, нежели базовая система социализма. Реформа советской модели никоим образом не равнозначна отрицанию основополагающей социалистической системы СССР» [Su Wenwan, 2014, p. 3–4].

Острая полемика и обмен политическими обвинениями отражает напряженность дискуссии, которая, казалось бы, затрагивала не самые важные для современного Китая и уже достаточно далекие исторические вопросы. Еще одним экстраординарным событием, подчеркнувшим политическую заостренность «советской повестки» в первый год Си, стала публикация 1 августа 2013 г. на главных страницах ведущих информационно-пропагандистских сайтов (*Синьхуа*, *Жэньминьван*, *Чжунсиньван*, *Хуаньцюань* и др.) пространной статьи малоизвестного доселе блогера Ван Сяоши (王小石, вероятнее всего, это псевдоним) «Если в Китае будут потрясения, это может быть большей трагедией чем в Советском Союзе» (中国若动荡, 只会比苏联更惨) [Wang Xiaoshi, 2013]. Статья также была перепечатана на популярных порталах *Sohu*, *Sina*, *NetEase* и *Tencent*. Сам факт синхронной публикации подобной статьи, написанной в достаточно разнузданном тоне, вызвал воспоминания о санкционированных сверху политических памфлетах и дацзыбао времен маоистской культурной революции.

По содержанию статья выполняла сразу две задачи: 1) закрепляла интерпретацию распада СССР как «предупреждение» для Китая через драматизированный образ

«шоковой терапии» и ее последствий; 2) закрепляла аргументы для дискредитации «публичных интеллектуалов» и либеральной повестки, маркируя их как «ведущих к смуте»: «Ангелы, наставники и публичные интеллектуалы в Вэйбо ежедневно сочиняют и распространяют слухи, создают негативные новости о жизни общества, формируют атмосферу надвигающегося краха Китая, очерняют существующий социалистический строй, пропагандируют капиталистическую конституционную модель Европы и США. В этом процессе они непрерывно подстрекают народ к ненависти к действующей власти и яростно поносят китайцев за их якобы врожденное рабство, открыто подталкивая людей стать пушечным мясом и провоцировать социальную смуту в Китае. Так давайте посмотрим, достиг ли российский народ счастья и “универсальных ценностей” после потрясений и распада Советского Союза» [Wang Xiaoshi, 2013].

Во многом нарисованная Ван Сяоши картина современной России полна манипуляций и подтасовок статистики, скажем, в 2008 г. внешний долг России составлял 44,9 млрд долл. (по данным Ван Сяоши — 560 млрд долл.), в 2013 г. военный бюджет — 39,74 млрд долл. (а по версии Ван Сяоши — 5 млрд долл.). В целом мрачные характеристики Ван Сяоши, который он дает российской действительности, должны подтвердить его вывод о том, что «Россия уже превратилась из могущественной державы в экономически незначительное государство второго-третьего эшелона». Однако поскольку его памфлет, направлен на массовую аудиторию, главное — убедить простых китайцев в губительности либеральных реформ, и здесь автор говорит языком листовок: «Если Китай пойдет по старому советскому пути, не имея такого объема ресурсов, чем будут питаться простые китайцы? Во сколько раз сильнее будет наша трагедия? Ты уже приготовил теплую одежду? Ты и твоя семья сможете пережить эту долгую зиму?» [Wang Xiaoshi, 2013].

Россия выводится как «негативный урок» для Китая: отход от социалистического курса в оптике Ван Сяоши равен катастрофе, тогда как «китайский социализм» подается как источник надежды. Автор рисует Россию как морально и социально травмированную страну, пережившую саморазрушение под влиянием неудачных реформ и внешнего давления; советское прошлое (включая и сталинский период) получает реабилитирующий оттенок.

Организаторы этой публикации решали внутренние идеологические задачи, и во многом они были созвучны фильму «Двадцатилетние поминки по гибели партии и государства в СССР». Публикация памфлета «про СССР» в августе 2013 г. выглядела частью одного и того же идеологического контекста: акцент на катастрофичности «демократизации/шоковой терапии», предостережение против либеральной повестки и легитимация курса на усиление контроля.

Неожиданным и непрогнозируемым последствием стал резонанс, который публикация вызвала в России. Радиостанция «Голос России» 2 августа в своем аккаунте на китайском языке в Вэйбо задала вопрос «Как такая статья появилась на главной странице сайта Синьхуа?», дав ссылку на пост Ван Сяоши, а также упомянув аккаунт Синьхуа и официальный аккаунт по опровержению ложных сообщений в Sina Weibo (@微博辟谣). Вскоре после публикации пост российского государственного СМИ был удален цензурой [Buke xingmian..., 2013]. Затем радиостанция опубликовала новый пост, пообещав отправить статью Ван Сяоши в российский МИД [Liu, 2013]. На сво-

ем сайте радиостанция, не вступая в прямую полемику, решила действовать изобретательно, опубликовав подборку комментариев китайских интернет-пользователей по поводу статьи Ван Сяоши, которые не жалели сарказма по поводу «страшилок», вброшенных блогером. В заголовок обзора был вынесен один из наиболее язвительных комментариев: «Смеется над не застегнутой ширинкой другого, а сам забыл про свою голую задницу» (嘲笑别人裤子拉链开了竟然忘了自己还光着腚) (публикация доступна в Internet Archive) [Zhongguo Weibo..., 2013].

Внимание на статью Ван Сяоши обратило не только иновещание, но и российские СМИ. Газета «Ведомости» опубликовала комментарий эксперта по Китаю В.Б. Кашина, который подтвердил, что российские представители были ошарашены продвижением негативного образа России в ведущих китайских СМИ на фоне заверений в стратегическом партнерстве. Организатором кампании китаист считает Отдел пропаганды ЦК КПК, при этом возможные международные последствия не учитывались. Наиболее вероятным объяснением сложившейся ситуации Кашин считает то, что «тема распада СССР и последующего развития России стала вновь играть важную роль в обострившейся внутрикитайской политической дискуссии о дальнейших путях развития страны, которая идет между условными либералами и консерваторами» [Кашин, 2013].

Профессор из Гонконга Samson Yuen (袁瑋熙) высказал мнение, что статья Ван Сяоши была частью «дискуссии о конституционализме», которая развернулась с приходом Си Цзиньпина между либеральными реформаторами и партийными консерваторами на фоне ожиданий, что новый лидер возобновит политические реформы [Yuen, 2013, p. 69–70]. Реформаторы, опираясь на высказывания Си Цзиньпина об отсутствии привилегий над Конституцией и законом, призывали к гарантиям прав и созданию механизмов сдержек и противовесов.

С таким пониманием антилиберального памфлета можно согласиться лишь отчасти. Аргументация Ван Сяоши практически не касается вопросов верховенства права и разделения властей. Единственное упоминание в самом начале о «китайском народе, которому навязывают европейско-американскую конституционную модель» служит чисто риторическим приемом для усиления страха и стигматизации оппонентов, а не является последовательной трансляцией аргументов противников «конституционализма». В основном тексте Ван Сяоши делается упор на эмоциональную репрезентацию «смерти СССР» и «предательства элиты», что более близко позициям авторов фильма «Двадцатилетние поминки...».

Речь идет о скоординированной работе одного и того же слоя экспертной бюрократии, артикулирующей ортодоксальную партийную линию на нескольких уровнях — от массового и медийного до академического, и по любым вопросам — от характеристики «сталинской модели» до проблем права. Об этом говорят и персональные пересечения. Например, Ван Тинъю, обвинявший Цзо Фэнжун в «историческом нигилизме» за критику фильма «Двадцатилетние поминки по гибели партии и государства в СССР», в 2013 г. участвовал и в дискуссии по правовым вопросам. В статье для партийного журнала «Хунци вэньгао» он последовательно отстаивал ортодоксальную позицию, клеймя конституционализм как идею вестернизации Китая и угрозу руководству КПК [Wang Tingyou, 2013a]. Журналисты RFI отметили текстуальные совпадения некоторых абзацев памфлета с предисловием и послесловием, написанными Ли Шэньмином к

китайскому переводу книги Роя Медведева «Советский Союз. Последние годы жизни». Именно Ли Шэньмин, вице-президент КАОН, и был руководителем группы, снявшей учебный фильм о «гибели партии и государства». Взгляды Ван Сяоши «восходят к той же идеологической линии, что и позиции Ли Шэньмина — представителя традиционного системного левого крыла» [Cao Guoxing, 2013].

По данным China Digital Times, согласно важному указанию «ключевых руководителей товарищей из ЦК КПК» (中央主要领导同志) сайты были обязаны удерживать публикацию Ван Сяоши на заметном месте главной страницы и главной странице тематического раздела в течение 48 часов [Zhenli bu..., 2013].

К сожалению, в существующей литературе сам текст Ван Сяоши и реакция на него изучены недостаточно, хотя он заслуживает внимания как способ воздействия на массовое сознание. В истории есть подобные примеры. В апреле 1972 г. официальная газета в то время правящей на Тайване партии Гоминьдан «Чжунъян жибао» (Central Daily) в течение шести дней подряд публиковала памфлет «Крик души простого человека» (一个小市民的心声), написанный от лица «маленького человека» и выступавший против студенческого движения, свободы слова, либеральной интеллигенции и академической свободы. В нем отстаивалась необходимость расширения полномочий властей ради того, чтобы «простые люди могли спокойно зарабатывать себе на миску риса». В функциональном отношении политический манифест Ван Сяоши сопоставим и с антиперестроечным письмом Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами» 1988 г. и с другими публикациями, выстроенными на антилиберальной повестке.

В рамках нашего исследования важно, что аналогичный прием — вынос эмоционально заряженного «народного» текста на центральные площадки — в китайском политическом контексте сработал как политический рубикон: санкционированная сверху публикация фактически закрыла окно для рационального использования советского опыта. Вместо глубокого анализа рисков горбачевских реформ (что актуально и для Китая) рамки допустимого обсуждения причин распада СССР были сведены к идеологической лояльности и «верности канону», а спор переместился из сферы сопоставительной институциональной диагностики в сферу охранительной идеологии, синонимом чего стал термин, широко использованный в ходе дискуссии 2013 г. — борьба с историческим нигилизмом.

В этом отношении интересна история «исчезнувшей» цитаты из речи Си Цзиньпина. Когда в 2019 г. «Цюши» опубликовал речь 5 января 2013 г. в ней, конечно, не было ничего про риски избыточного централизма в советской (сталинской модели). Советская тема была затронута исключительно в контексте исторического нигилизма:

«Внутренние и внешние враждебные силы зачастую используют историю китайской революции и нового Китая для спекуляций, прилагая все усилия, чтобы исказить, очернить и опорочить ее. Их главная цель — посеять смуту в сердцах людей, спровоцировать свержение руководства Коммунистической партии Китая и подрыв социалистического строя нашей страны. Почему распался Советский Союз? Почему рухнула КПСС? Одна из важнейших причин заключалась в том, что в идеологической сфере шла ожесточенная борьба: произошел полный пересмотр истории СССР и истории КПСС, отрицание Ленина, отрицание Сталина, торжествовал исторический нигилизм. Мысли людей оказались спутаны, партийные организации на всех

уровнях практически перестали функционировать, армия оказалась вне партийного контроля. В итоге огромная Коммунистическая партия Советского Союза разлетелась как стая птиц, а великое социалистическое государство СССР распалось на части. Это — предостерегающий урок!» [Xi Jinping, 2019, p. 8].

При этом ранние интерпретации для системы партийной учебы 2014 и 2016 гг. фиксировали описательную формулу «высокоцентрализованной экономико-политической системы» как признак «советской модели». Это создавало впечатление, будто речь шла о критике «сверхцентрализации» как таковой. В канонической же версии 2019 г. фокус смещен: издержки «модели» не артикулируются, а ключевыми уроками становится борьба с историческим нигилизмом и идеологическая дисциплина. Публикация речи в «Цюши» стала актом текстовой стандартизации, были созданы понятийные рамки, совместимые с тем, что уже произошло, — централизацией системы государственного управления при Си Цзиньпине.

Анализ дискуссий 2012–2013 гг. вокруг «уроков СССР» позволяет реконструировать механизм, посредством которого критика авторитарной централизации парадоксальным образом стала идеологическим обоснованием ее радикального воплощения. Подлинный «урок СССР» для Си Цзиньпина заключался не в опасности чрезмерной централизации, а в катастрофических последствиях ее ослабления. Горбачевская «демократизация» и последующий коллапс советской системы убедили китайское руководство в том, что выживание однопартийного режима требует не либерализации, а тотальной концентрации власти. Что касается «исторического нигилизма», то он стал чрезвычайно удобной риторической формулой, позволяющей маркировать как дестабилизирующие любые вызовы официальному идеологическому нарративу.

Если Горбачев якобы разрушил Советский Союз через отрицание исторического наследия, то Си Цзиньпин строит «новую цивилизацию» через его творческое развитие. В современной китайской идеологии критика опыта СССР используется для концептуального обоснования цивилизационного подхода к модернизации, который радикально отличается от универсалистских схем классического марксизма-ленинизма. Как отмечал А.В. Лукин в своем анализе государства-цивилизации, «отличительные черты новой китайской цивилизации, так же как и в других цивилизационных теориях, определяются в их противопоставлении другим цивилизациям» [Лукин, 2023, с. 84]. В китайских теориях о построении особой китайской цивилизации, превосходящей все остальные, советская модель, наряду с западным типом цивилизации, как раз становится такой точкой отсчета, и если речь идет об «опыте», то это опыт определенно отрицательный.

Заключение.

Является ли советский фактор константой китайской политики?

«Распад СССР» для Китая похоже никогда не станет завершенным историческим событием — он функционирует как вечно актуальная референтная точка, «отрицательный социализм», через который каждое поколение китайских руководителей определяет границы собственного политического курса.

Дэн Сяопин интерпретировал советский коллапс как подтверждение правильности китайского курса на экономические реформы при сохранении политической стабильности. Для Дэна СССР служил «негативным уроком» консервативной боязни реформ. Советский пример легитимизировал радикальную экономическую трансформацию при категорическом отказе от политической либерализации.

Цзян Цзэминь столкнулся с советским коллапсом как с реальным политическим шоком, потребовавшим немедленной идеологической адаптации после событий на Тяньаньмэнь. Его интерпретация сосредоточилась на экономическом развитии как основе партийной легитимности. Концепция «трех представительств» стала попыткой расширить социальную базу партии без поощрения плюрализма, избежав тем самым издержки горбачевской «демократизации». Ху Цзиньтао превратил риторику об «уроках СССР» в систематическую идеологическую работу, институционализовав изучение причин «гибели партии и государства» через образовательные программы и исследовательские проекты.

Си Цзиньпин довел эту логику до радикального завершения, трансформировав «уроки СССР» в обоснование беспрецедентной централизации власти. Его инверсия советского опыта наиболее поразительна: если предшественники видели в СССР предостережение против авторитарной ригидности, то Си интерпретировал коллапс как результат недостаточной централизации. Кратковременный путч 1991 г. в его представлении стал примером того, как «партия теряет контроль над силовыми структурами».

Каждое новое поколение руководителей Китая проецирует на советский опыт собственные политические задачи. Парадокс в том, что один и тот же «исторический урок» служит обоснованием разных мобилизационных нарративов. Создается впечатление, что Советский Союз для Китая действительно никогда не закончится, поскольку через осмысление недостатков советского проекта китайские политики определяют свою идентичность и легитимируют внутренние трансформации.

Между тем с развитием Китая, который все больше отдаляется от перестроечного СССР, какие-либо универсальные рецепты из советского опыта извлечь все труднее. С увеличением временной дистанции апелляция к советскому прецеденту превращается скорее в мобилизационный конструкт, чем в инструкцию, что надо, а что не надо делать. Советский опыт по инерции выступает точкой отсчета, но политические решения принимались исходя из сильно изменившейся «китайской специфики». СССР уже не может служить лабораторией для проверки рабочих гипотез; а в игры в ретроспективное спасение советского социализма никто в Пекине не играет. Скорее, акцентируя те или иные реальные и вымышленные дефекты советской модели, можно было до определенного времени влиять на выбор китайских развилок и их аргументацию. При этом почти во всех теоретических построениях СССР функционировал как «анти-образ будущего», нежелательный для Китая; иногда к нему добавлялась и постсоветская Россия как дополнительная негативная отсылка.

Аппаратный проигрыш русистов, который мы упоминали, означал, что советский опыт становился все более редуцированным и условным, сводясь к набору идеологических предостережений и мобилизационных формул. Важно учитывать, что значительная часть актуальных вызовов, с которыми сталкивался Китай в XXI в., СССР

просто не переживал: цифровая среда и платформенная экономика, алгоритмическое управление и большие данные, трансграничные потоки информации и капитала, новая роль частного сектора и глубокое встраивание в глобальные цепочки добавленной стоимости.

Инертность партийно-идеологических кругов в Китае во многом обусловлена именно вложенными ресурсами — финансовыми, кадровыми и организационными — в «изучение уроков СССР». За годы после 1991 г. было выделено множество грантов, организованы исследовательские проекты и образовательные программы с участием десятков институтов, где ученые получали финансирование за подтверждение официального нарратива о «русской катастрофе». Эти круги создали собственный идеологический капитал, который трудно списать без признания провала дорогих, но все более бесполезных, исследовательских инициатив.

По мере развития китайско-российских связей становится очевидно, что интерес Китая смещается от «уроков краха» к полезным политическим технологиям современной России. Китайские специалисты изучают российский опыт пропагандистских кампаний в соцсетях. Российские модели государственного патриотизма и работа с массовой исторической памятью, особенно вокруг Великой Отечественной войны, непосредственно интересуют китайских идеологов как готовые технологии консолидации общества. Идеологическая инерция все еще удерживает нарратив «Китай как анти-СССР», но реальным объектом интереса становятся современные политические практики, продемонстрированные Россией в последние годы.

Внутренние вызовы требуют внутренних решений. Демографический кризис, экологические проблемы, долговая нагрузка местных правительств, молодежная безработица — ни одну из этих проблем нельзя объяснить через призму «советского опыта». Более того, попытки решать эти проблемы через усиление централизации часто их усугубляют.

Мобилизующий «катастрофический нарратив» уже нерелевантен. Когда в 2013 г. Ван Сяоши рисовал апокалиптическую картину «русских развалин», это еще могло найти отклик у китайской аудитории. Но к 2025 г. Россия демонстрирует экономическую устойчивость, технологическое развитие и геополитическую субъектность. Поколенческий разрыв также играет роль: для молодых китайцев, родившихся после 2000 г., СССР — это такая же далекая история, как династия Цин. Их политические предпочтения и недовольство формируются под влиянием конкретных социально-экономических проблем, а не абстрактных «исторических уроков».

«Советские уроки для Китая» становятся примером того, как историческая аналогия превращается в идеологическую ловушку. Первоначально полезные для мобилизации и легитимации, они постепенно становятся препятствием для адаптации к меняющимся реальностям. В результате апелляция к «советскому уроку» постепенно сужается до круга идеологических сюжетов, удобных для мобилизации и индоктринации аппарата, но слабых как операционный инструмент для решения новых задач. Тем не менее советский прецедент пока сохраняется как общий язык рисков и пределы идеологического допустимого, тогда как практический дизайн решений выстраивается исходя из внутренних приоритетов, ресурсов и структурных ограничений Китая.

Библиографический список

Борох О.Н., Ломанов А.В. Модернизация китайского типа: эволюция концепции // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 1. С. 31–47.

Борох О.Н., Ломанов А.В. От переосмысления советской модели к поиску китайского пути // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 7. С. 45–55.

Гончаров С.Н. «Выпрыгивание из исторического цикла» и строительство новой идеологии на XX съезде КПК // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 6. С. 153–174.

Зуенко И.Ю. Китай и события 1991 г. в Советском Союзе (к 100-летию Коммунистической партии Китая и 30-летию распада СССР) // Международная аналитика. 2021. Том 12 (1). С. 96–111. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-1-96-111

Кашин В. Второй мир: «Русская опасность для Китая» // Ведомости. 2013. 15 августа. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2013/08/15/russkaya-opasnost-dlya-kitaya> (дата обращения: 12.09.2025).

Лукин А.В. Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе // Российское китаеведение. 2023. № 2. С. 71–99.

Рысакова П.И. The Image of the Soviet Union and Russia in Chinese history textbooks of the 2000s (in the perspective of development of Chinese historiography) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9. № 4. С. 457–468.

References

Borokh O.N., Lomanov A.V. (2021). Ot pereosmysleniia sovetskoi modeli k poisku kitaiskogo puti [From rethinking the Soviet model to searching for the Chinese path]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia]. No. 65(7). P. 45–55. (In Russian).

Borokh O.N., Lomanov, A.V. (2024). Modernizatsiia kitaiskogo tipa: evoliutsiia kontseptsii [Modernization of the Chinese type: The evolution of the concept]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia]. No. 68(1). P. 31–47. (In Russian).

Goncharov S.N. (2022). Vyprygivanie iz istoricheskogo tsikla” i stroitel'stvo novoi ideologii na XX s"ezde KPK [“Jumping out of the historical cycle” and the construction of a new ideology at the 20th Congress of the CPC]. Problemy Dalnego Vostoka [Far Eastern Studies]. No.6. P. 153–174. (In Russian).

Kashin Vasilii (2013). Vtoroi mir: Russkaia opasnost' dlia Kitaia [The second world: the Russian danger for China]. Vedomosti, August 15, 2013, URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2013/08/15/russkaya-opasnost-dlya-kitaya> (accessed: 12.09.2025). (In Russian).

Lukin A.V. (2023). Kontseptsii “kitaitsatsii marksizma,” “novoi formy chelovecheskoi tsivilizatsii” i “gosudarstva-tsivilizatsii” v sovremennom kitaiskom ideologicheskom diskurse [The Concepts of Sinification of Marxism, a New Form of Human Civilization and CivilizationFState in Modern Chinese Ideological Discourse]. Rossiiskoe kitaevvedenie [Russian China Studies]. No. 2. P. 71–99. (In Russian).

Rysakova P.I. (2017). The image of the Soviet Union and Russia in Chinese history textbooks of the 2000s (in the perspective of development of Chinese historiography). Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies, 9(4). P. 457–468.

Zuenko I.Yu. (2021) Kitai i sobytia 1991 g. v Sovetskom Soiuze (k 100-letiu Kommunisticheskoi partii Kitaia i 30-letiu raspada SSSR) [China and the Events of 1991 in the Soviet Union (On the 100th Anniversary of the Communist Party of China and the 30th Anniversary of the Collapse of the USSR)]. Mezhdunarodnaya analitika [Journal of International Analytics]. Vol. 12. No. 1. P. 96–111. (In Russian).

* * *

Buke xingmian: Eluosi zhisheng zhiyi Xinhua wang weibo zao shanchu 不可幸免: 俄罗斯之声质疑 新华网微博遭删除 (2013). [Not spared: Voice of Russia's Weibo post questioning Xinhuanet was deleted]. Zhongguo shuzi shidai (China Digital Times). 01.08.2013. URL: <https://chinadigitaltimes.net/chinese/306987.html> (accessed: 12.09.2025). (In Chinese).

Cao Guoxing (2013). Guanfang litui Wang Xiaoshi changwen shi fan xianzheng niliu de chuanguanxin 官方力推王小石长文是反宪政逆流创新 [The Official Promotion of Wang Xiaoshi's Article Is an Innovation in the Anti-Constitutionalism Campaign], Faguang (RFI). 02.08.2013.URL:<https://www.rfi.fr/cn/%E4%B8%AD%E5%9B%BD/20130802-%E5%AE%98%E6%96%B9%E5%8A%9B%E6%8E%A8%E7%8E%8B%E5%B0%8F%E7%9F%B3%E9%95%BF%E6%96%87%E6%98%AF%E5%8F%8D%E5%AE%AA%E6%94%BF%E9%80%86%E6%B5%81%E7%9A%84%E5%88%9B%E6%96%B0> (accessed: 12.09.2025). (In Chinese).

Chen Zhimin (2014). Nationalism, Internationalism and Chinese Foreign Policy. in Construction of Chinese Nationalism in the Early 21st Century, ed. Suisheng Zhao. Abingdon: Routledge.

Deng Xiaoping 邓小平 (1993a). Gaige de buzi yao jiakuai 改革的步子要加快 [The Steps of Reform Must Be Accelerated]. In Selected Works of Deng Xiaoping. Vol. 3. P. 236–243. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Deng Xiaoping 邓小平 (1993b). Gaige shi Zhongguo fazhan shengchanli de biyou zhi lu 改革是中国发展生产力的必由之路 [Reform Is the Only Path for China's Development of Productive Forces]. In Selected Works of Deng Xiaoping, Vol. 3. P. 136–140. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Deng Xiaoping 邓小平 (1993c). Jiefang sixiang duli sikao 解放思想 独立思考 [Emancipate the Mind, Think Independently]. In Selected Works of Deng Xiaoping. Vol. 3. P. 260–261. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Feng Jingzhi 冯精志 (2012). Sulian wangdang wangguo ershinian ji 苏联亡党亡国二十年祭 [The Twentieth-Year Memorial of the Demise of the Soviet Party and State]. Nanchang: Ershiyi shiji chubanshe. (In Chinese).

Fewsmith J. (2015). The Evolving Shape of Elite Politics in The Nature of Chinese Politics: From Mao to Jiang, ed. Jonathan Unger. Abingdon, Oxon: Routledge.

Hu Jintao 胡锦涛 (2016). Dang de sixiang zhengzhi jianshe de hexin shi lilun jianshe 党的思想政治建设的核心是理论建设 [The Core of the Party's Ideological and Political Development Is Theoretical Development], in elected Works of Hu Jintao, vol. 1. Beijing: Renmin Chubanshe (In Chinese).

Huang Junfu 黄军甫 (2014). Fubai shi Sulian wangdang wangguo de zhongyao yuanyin — huiying Jiang Dehai, Zhu Lijia jiaoshou 腐败是苏联亡党亡国的重要原因—回应蒋德海、竹立家教授 [Corruption as an Important Cause of the Soviet Union's Demise of the Party and the State: A Response to Professors Jiang Dehai and Zhu Lijia]. Tansuo yu zhengming [Exploration and Free Views], 11. (In Chinese).

Huang R. (1988). China, a Macro History. Armonk, NY: M.E. Sharpe.

Huang Renyu : 黄仁宇(1997). Zixu 自序 [Preface], in Wanli shiwanian [1587: A Year of No Significance]. Beijing: Shenghuo Dushu Xinzhi Sanlian Shudian. (In Chinese).

Huang Yanjie (2024). Ideology Strikes Back: China's Lessons of the Soviet Collapse, 1992–2022. Problems of Post-Communism 71, no. 6: 579–591.

Jiang Zemin 江泽民 (2006a). Ershi nian lai women dang de zhuyao lishi jingyan 二十年来我们党的主要历史经验 [Our Party's Major Historical Experience of the Last Twenty Years], in Selected Works of Jiang Zemin, vol. 2. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Jiang Zemin 江泽民 (2006b). Guanyu jianchi sixiang jiben yuanze 关于坚持四项基本原则 [On Upholding the Four Cardinal Principles], in Selected Works of Jiang Zemin, vol. 3. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Jiang Zemin 江泽民 (2006c). Nuli kaichuang shehuizhuyi jingshen wenming jianshe de xin jumian 努力开创社会主义精神文明建设的新局面 [Strive to open up a new phase in the development of socialist spiritual civilization], in Selected Works of Jiang Zemin, vol. 1. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Jiang Zemin 江泽民 (2006d) Zai zhongyang sixiang zhengzhi gongzuo huiyi shang de jianghua 在中央思想政治工作会议上的讲话 [Speech at the Central Conference on Ideological and Political Work], in Selected Works of Jiang Zemin, vol. 3. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Jiang Zemin 江泽民 (2006e). Shi nian junwei gongzuo de huigu he zongjie 十年军委工作的回顾和总结 [Review and Summary of Ten Years of the Military Commission's Work], in Selected Works of Jiang Zemin, vol. 2. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Ju'an siwei ketizu 居安思危课题组 (2013). Buneng dui Sulian shehuizhuyi moshi caiqu lishi xuwuzhuyi taidu — yu Zuo Fengrong jiaoshou shangque 不能对苏联社会主义模式采取历史虚无主义态度 — 与左风荣教授商榷 [One Should Not Take a Historically Nihilistic Attitude Toward the Soviet Socialist

Model: A Discussion with Professor Zuo Fengrong]. *Makesizhuyi yanjiu* [Studies on Marxism], 7. P. 120–129. (In Chinese).

Li Jie (李劫) (2023). *Sovietology in Post-Mao China: Aspects of Foreign Relations, Politics, and Nationality*, 1980–1999. Vol. 29. Brill.

Liu A. (2013) China's State-Run Media Invokes Specter of USSR Collapse. *Global Voices*, August 3, 2013, URL: <https://globalvoices.org/2013/08/03/chinas-state-run-media-invokes-specter-of-ussr-collapse> (accessed: 12.09.2025).

Lu Nanquan 陆南泉 (2014). Deng Xiaoping dui Sulian shehuizhuyi moshi de lunshu 邓小平对苏联社会主义模式的论述 [Deng Xiaoping's Discussion of the Soviet Socialist Model]. *Economic Observer*, August 18, 2014, URL: <https://www.eeo.com.cn/2014/0818/265117.shtml> (accessed: 12.09.2025) (In Chinese).

Lukin Alexander (1991). The Initial Soviet Reaction to the Events in China in and the Prospects for Sino-Soviet Relations. *The China Quarterly* 125. P. 119–136.

McGregor R. (2019). Party Man: Xi Jinping's Quest to Dominate China. *Foreign Affairs* 98, no. 5 (September/October 2019).

Pye Lucian W. (2015). Jiang Zemin's Style of Rule: Go for Stability, Monopolize Power and Settle for Limited Effectiveness in The Nature of Chinese Politics: From Mao to Jiang, ed. Jonathan Unger. Abingdon, Oxon: Routledge.

Rozman Gilbert (2010). China's Concurrent Debate about the Gorbachev Era. In *China Learns from the Soviet Union, 1949–Present*, ed. Thomas P. Bernstein and Hua-Yu Li. Lanham, MD: Lexington Books.

Rozman Gilbert (2014). *The Chinese debate about Soviet socialism, 1978–1985*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Su Wenwan 苏文婉 (2014). Bixu jianchi dui Sulian moshi de kexue dingwei — fang zhonggong Zhongyang duiwai lianluobu yanjiushi yuan fu zhuren Xiao Feng 必须坚持对苏联模式的科学定位 ——访中共中央对外联络部研究室原副主任肖枫 [It Is Essential to Uphold the Scientific Positioning of the Soviet Model—An Interview with Xiao Feng, Former Deputy Director of the Research Office of the International Department of the CPC Central Committee], *Shanghai dangshi yu dangjian* (Shanghai Party History and Party Building). P. 6–8. (In Chinese).

Sun Yan (1995). *The Chinese reassessment of socialism, 1976–1992*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Tang Jing, Li Peng 唐静, 李鹏 (2014). Guanliao tequan yihua yu zhidu bianqian — sugong wangdang de lishi fansi 官僚特权异化与制度变迁——苏共亡党的历史反思 [Bureaucratic Privilege Alienation and Institutional Change — A Historical Reflection on the Soviet Communist Party's Demise]. *Dangdai shijie yu shehuizhuyi* [Contemporary World and Socialism]. No. 6. P. 165–168. (In Chinese).

van Eemeren Frans H. (2010). *Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse*. Amsterdam: John Benjamins.

Wang Hui (2014). *China from Empire to Nation-State*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Wang Tingyou 汪亭友 (2013a). Dui xianzheng wenti de yixie kanfa 对宪政问题的一些看法 [Some Views on the Issue of Constitutionalism]. *Hongqi wengao* [Red Flag Manuscript]. No. 11. P. 18–23. (In Chinese).

Wang Tingyou 汪亭友 (2013b). Ruhe jiedu Sulian wangdang wangguo zhe yi zhongda lishi shijian — jian da Zuo Fengrong jiaoshou 如何解读苏联亡党亡国这一重大历史事件 ——回应左丰荣教授 [How to Interpret the Major Historical Event of the Demise of the Soviet Party and State — A Response to Professor Zuo Fengrong]. *Tansuo yu zhengming* [Exploration and Free Views]. No. 8. P. 35–42. (In Chinese).

Wang Xiaoshi 王小石 (2013). Zhongguo ruo dongdang, zhi hui bi Sulian geng can 中国若动荡，只会比苏联更惨 [If China falls into turmoil, it will only be worse than the Soviet Union] *Renmin wang* (People's Daily Online), August 1, 2013, URL: <http://opinion.people.com.cn/n/2013/0801/c1003-22406106.html> (accessed: 12.09.2025) (In Chinese).

Wong Yiu Chung (2021). Assessing the Era of Jiang Zemin,” in *Chinese Ideology*, ed. Shiping Hua. London: Routledge.

Xi Jinping qiangdiao haobudongyao jianchi he fazhan zhongguo tese shehuizhuyi zai shijian zhong buduan yousuo faxian yousuo chuangzao yousuo qianjin (2013). 习近平强调 毫不动摇坚持和发展中国特色社会主义 在实践中不断有所发现有所创造有所前进 [Xi Jinping emphasizes unwaveringly upholding

and developing socialism with Chinese characteristics, continuously making discoveries, creating, and advancing in practice] Gongchandangyuan wang (Communist Party Members Website), January 5, 2013, URL: <https://news.12371.cn/2013/01/05/VIDE1357385403957606.shtml> (accessed: 12.09.2025) (In Chinese).

Xi Jinping 习近平 (2018a). Ba quanli guanjin zhidu de longzi li 把权力关进制度的笼子里 [Lock Power Inside the Cage of the System], in Xi Jinping: The Governance of China, vol. I, 2nd ed. Beijing: Waiwen Chubanshe. (In Chinese).

Xi Jinping 习近平 (2018b). Jinjin weirao jianchi he fazhan zhongguo tese shehuizhuyi xuexi xuan-chuan guanche dang de shiba da jingshen 紧紧围绕坚持和发展中国特色社会主义学习宣传贯彻党的十八精神 [Study, Publicize, and Implement the Spirit of the 18th CPC National Congress with a Firm Focus on Upholding and Developing Socialism with Chinese Characteristics], in Xi Jinping: The Governance of China, vol. I, 2nd ed. Beijing: Waiwen Chubanshe (In Chinese).

Xi Jinping 习近平 (2018c). Yunyong lishi zhihui tuijin fanfu changlian jianshe 运用历史智慧推进反腐败倡廉建设 [Historical Wisdom Helps Us Combat Corruption and Uphold Integrity], in Xi Jinping: The Governance of China, vol. I, 2nd ed. Beijing: Waiwen Chubanshe (In Chinese).

Xi Jinping 习近平 (2019). Guanyu jianchi he fazhan Zhongguo tese shehuizhuyi de jige wenti 关于坚持和发展中国特色社会主义的几个问题 [Several Issues Concerning Upholding and Developing Socialism with Chinese Characteristics], Qiushi (Seeking Truth.) 7. P. 4–12. (In Chinese).

Xiao Yunxiang 肖云祥 (2021). Cong bainian dangshi kan zhongguo tese jiandu zhi lu 从百年党史看中国特色监督之路 [Tracing the Path of Supervision with Chinese Characteristics through a Century of Party History], Zhongguo Jijian Jiancha Bao (China Discipline Inspection and Supervision Daily), no. 7829 (May 13, 2021) (In Chinese).

Xu Zhixin 许志新 (2001). Lun Sulian shibai de jingji genyuan 论苏联失败的经济根源 [On the Economic Roots of the Soviet Union's Collapse], Dongou zhongya yanjiu (East European and Central Asian Studies) 3 (In Chinese).

Yuen S. (2013). Debating Constitutionalism in China: Dreaming of a liberal turn?. China Perspectives no. 2013/4. P. 69–70.

Zeng Jinghan (2016). The Chinese Communist Party's Capacity to Rule: Ideology, Legitimacy and Party Cohesion London: Palgrave Macmillan.

Zhang Leling 张乐岭 (1997). Lun Deng Xiaoping Lilun ji qi Kexue Tixi 论邓小平理论及其科学体系 [On Deng Xiaoping Theory and Its Scientific System]. Wenshizhe [Literature, History and Philosophy]. No. 6. P. 3–9. (In Chinese).

Zhang Quanjing 张全景 (2008). Sulian wangdang wangguo de cantong jiaoxun 苏联亡党亡国的惨痛教训 [The Bitter Lessons of the Soviet Union's Loss of the Party and the State]. Chuangzao [Creation]. No. 3. P. 8–16. (In Chinese).

Zhao Bingmei 赵冰梅 (2001). Lun Sulian jieti de jingji genyuan 论苏联解体的经济根源 [On the Economic Roots of the Soviet Union's Disintegration]. Xibei gongye daxue xuebao: shehui kexue ban [Journal of Northwestern Polytechnical University, Social Sciences Edition]. No. 1. P. 2. (In Chinese).

Zhenli bu. Zhongyang zhuyao lingdao tongzhi zuochu de zhongyao zhishi. 真理部. 中央主要领导同志作出的重要指示 (2013). [Ministry of Truth. Important Instructions Issued by the Principal Leading Comrades of the Central Committee] Zhongguo shuzi shidai (China Digital Times). 01.08.2013. URL: <https://chinadigitaltimes.net/chinese/306854.html> (accessed: 12.09.2025) (In Chinese).

Zhonggong Zhongyang Xuanchuan Bu, ed. 中共中央宣传部编 (2016). Xi Jinping zongshuji xilie zhongyao jianghua duben (2016 nian ban) 习近平总书记系列重要讲话读本 (2016 年版) [Reader of General Secretary Xi Jinping's series of important speeches (2016 edition)] Beijing: Xuexi Chubanshe; Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Zhongguo Weibo: chaoxiao bieren kuzi lalian kaile jingran wangle ziji hai guangzhe ding! 中国微博: 嘲笑别人裤子拉链开了竟然忘了自己还光着腚! (2013) [China Weibo: Mocking someone's open zipper while you're standing there bare-assed!] Eluosi zhi sheng (Voice of Russia), August 2, 2013, 18:46, archived at the Internet Archive (Wayback Machine), August 5, 2013. URL: https://web.archive.org/web/20130805101131/http://radiovr.com.cn/2013_08_02/232101858/ (accessed: 12.09.2025) (In Chinese).

Zhou Ya 周雅 (2015). Sulian wangdang wangguo dui Zhongguo de qishi—yi lingrongren taidu cheng-zhi fubai 苏联亡党亡国对中国的启示—以零容忍态度惩治腐败 [Lessons for China from the Soviet

Union's Demise of the Party and the State — Punishing Corruption with a Zero-Tolerance Attitude]. *Xue Lilun* [Theory Research]. No. 31. P. 52–53. (In Chinese).

Zhu Jidong 朱继东 (2011). *Gaoji lingdao ganbu sangshi xinyang, fubai bianzhi shi sugong wangdang de zui guanjian yinsu* 高级领导干部丧失信仰, 腐败变质是苏共亡党的最关键因素 [The loss of faith among senior leading cadres and the degeneration through corruption are the most critical factors in the Soviet Communist Party's demise]. *Sixiang zhengzhi jiaoyu yanjiu* [Ideological and Political Education Research]. No. 27. No. 5. P. 45–49. (In Chinese).

Zuo Fengrong 左凤荣 (2007). *Zhongguo de gaige kaifang shi dui Sidalin — Sulian moshi de fouding* 中国的改革开放是对斯大林—苏联模式的否定 [China's reform and opening-up is a negation of the Stalin–Soviet model]. *Zhongguo tese shehuizhuyi yanjiu* [Studies on Socialism with Chinese Characteristics]. No. 1. P. 11–16. (In Chinese).

Zuo Fengrong 左凤荣 (2013). *Pianmian jiedu sulian jiaoxun de you yi “lizuo” — ping “Sulian wangdang wangguo 20 nian ji: eluosi ren zai sushuo”* 片面解读苏联教训的又一“力作”——评《苏联亡党亡国20年祭：俄罗斯人在诉说》 [Yet Another “Masterpiece” of One-Sided Interpretations of the Lessons of the Soviet Union — A Review of “The Twentieth-Year Memorial of the Demise of the Soviet Party and State: Russians speak”]. *Tansuo yu zhengming* [Exploration and Free Views]. No. 1. P. 29–37. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 20.08.2025. Received: 20 August 2025.

Принята к публикации: 22.09.2025. Accepted: 22 September 2025.

А.Л. Верченко

Из истории советско-китайских общественных связей в период Второй мировой войны (ВОКС и Куньминский филиал Китайско-советского культурного общества. Новые документы)

Аннотация. В статье рассматривается сотрудничество Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) с Куньминским филиалом (провинция Юньнань) Китайско-советского культурного общества (КСКО) в период Второй мировой войны. Каждая из двух стран вела войну со своим врагом. СССР отражал нападение гитлеровской Германии, Китай — японцев. Но борьбу с немецким фашизмом и японским милитаризмом в обеих странах рассматривали как общую войну с врагом, пытавшимся поработить народы Европы и Азии, поэтому оказывали друг другу помощь и поддержку.

Общественные организации, которые сохраняли связи между народами в течение войны, сыграли важную роль в общей борьбе с врагом во имя достижения победы. Они не прекратили контакты, хотя в условиях военных действий связь была неустойчивой, почта работала нестабильно, и не все отправляемые ВОКС материалы доходили до китайских адресатов. ВОКС по-прежнему направляло партнерам книги, журналы, газеты, пропагандистские материалы, кинофильмы, статьи для размещения в китайской официальной прессе и журнале КСКО «Культура Китая и СССР», проводились выставки фотографий и репродукций, карикатуры и проч. Оба общества сосредоточили внимание на военно-патриотической тематике. Куньминский филиал КСКО во время войны провел несколько больших выставок, материалы для которых были присланы из СССР: об отечественной войне, о помощи населения фронту, о работе в тылу. Куньминский филиал КСКО знакомил местное население с событиями в СССР, провел несколько крупных массовых мероприятий, демонстрировавших солидарность с советским народом в его борьбе против врага. Юньнаньские художники приняли участие в выставке китайской живописи в СССР в 1940 г., средствами искусства рассказывая о сопротивлении японской агрессии.

В поддержании тесных связей между боровшимися за свободу СССР и Китаем общественные организации обеих стран видели залог будущей победы и работали на нее, заложили прочный фундамент народной дружбы, продолжают крепить ее и передавать из поколения в поколение в XXI веке.

Ключевые слова: СССР, Китай, история, ВОКС, КСКО, общественные связи, Вторая мировая война.

Автор: Верченко Алла Леонидовна, старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). ORCID: 0000-0002-8718-8338. E-mail: veailan@yahoo.com

А • Л • 韦尔琴科

第二次世界大战期间苏中社会联系史片段

(全苏对外文化联络协会和中苏文化协会昆明分会。新材料)

摘要: 本文研究了二战期间全苏对外文化联络协会 (VOKS) 与中苏文化协会 (КСКО) 昆明分会之间的合作。当时, 两国同时对抗着各自的敌人。苏联在反击纳粹德国进攻的同时, 中国在抵抗日本的侵略。但两国都将抗击德国法西斯主义和日本军国主义的斗争视为一场共同的战争, 共同对抗试图奴役欧洲和亚洲人民的敌人, 因此两国在此期间互相进行了支持和帮助。

战争期间, 维持两国人民联系的社会组织在共同抗敌斗争和赢得胜利的过程中发挥了重要的作用。尽管战争期间通讯和邮政服务并不稳定, 全苏对外文化联络协会寄送的物资并非全部都能送至中国收件人, 但他们仍然保持着联系。全苏对外文化联络协会继续向其伙伴寄送书籍、杂志、报纸、宣传材料、电影、供在中国官方媒体和中苏文协期刊《中苏文化》上发表的文章、摄影作品及翻印画展览、漫画等。这两个协会都重点关注军事爱国主义主题。战争期间, 中苏文协昆明分会利用苏联寄送的材料举办了几次大型展览, 主题包括卫国战争、民众支援前线、后方工作等。中苏文协昆明分会向当地民众介绍了在苏联发生的事件, 并举办了几次大型公众活动, 声援苏联人民抗敌斗争。1940 年, 云南艺术家参加了在苏联举行的中国画展, 用艺术讲述了抗击日本侵略。

在保持为自由而战的苏中两国的密切关系中, 两国社会团体看到了未来胜利的关键, 并为此而努力, 为人民友谊奠定了坚实的基础, 并让这份友谊在 21 世纪继续加强并世代相传。

关键词: 苏联; 中国; 历史; 全苏对外文化联络协会; 中苏文化协会; 社会联系; 第二次世界大战

作者: 阿拉 • 列昂尼多夫娜 • 韦尔琴科, 俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所高级研究员。ORCID : 0000-0002-8718-8338. E-mail: veailan@yahoo.com

Verchenko A.L.

From the History of Soviet-Chinese Public Relations during World War II (VOKS and the Kunming Branch of the Sino-Soviet Cultural Society. New Documents)

Abstract. The article deals with the cooperation between the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS) and the Kunming branch (Yunnan Province) of the Sino-Soviet Cultural Society (SSCS) during World War II. Each of the two countries was at war with a different enemy. The USSR fought against Hitler's Germany, while China repelled the Japanese invasion. Yet the struggle against German fascism and

Japanese militarism in both countries was seen as a common war against the enemy who sought to enslave the peoples of Europe and Asia, so they supported and assisted each other. Public organizations that maintained ties between the two peoples played an important role in the shared struggle against the enemy in achieving victory. They did not cease their contacts, although communication was unstable under the wartime conditions. VOKS continued to send books, magazines, newspapers, propaganda materials, films, articles to be placed in the Chinese official press and the SSCS's journal "Culture of China and the USSR," as well as exhibitions of photographs, reproductions, cartoons and other materials to its partners. Both societies focused on military-patriotic themes. During the war, the Kunming branch of the SSCS organized several large exhibitions, the materials for which were sent from the USSR: about the war in the USSR, the population's assistance to the front culture during the war etc. The Kunming branch of the SSCS familiarized the population with the events in the USSR, held several large-scale public events demonstrating solidarity with the Soviet people in their struggle against the enemy. Yunnan artists took part in the exhibition of Chinese painting in the USSR in 1940, depicting through art the resistance to Japanese aggression.

Key words: USSR, China, history, VOKS, SSCS, public relations, World War II

Author: Verchenko Alla L., Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia RAS. E-mail: veailan@yahoo.com

Советско-китайские общественные отношения, или народная дипломатия, всегда развивались в русле официальных межгосударственных отношений, в то же время подчинялись общему ходу мировой истории. Китай был втянут в военный конфликт с Японией в 1931 г. 7 июля 1937 г. началась полномасштабная японо-китайская война. В июне 1941 г. Германия напала на СССР, в декабре 1941 г. объявлением войны Японией Китай вступил во Вторую мировую войну, оказался на стороне антигитлеровской коалиции. Все эти события внесли коррективы в деятельность Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), но не только не прервали связей советского и китайского народов, но и способствовали укреплению их союза в борьбе с общим врагом. Советский народ сразу после событий 7 июля выразил поддержку справедливой борьбе Китая против агрессора. Об этом сообщали советские центральные и местные газеты. В период войны наряду с материалами, которые ВОКС традиционно отправляло в Китай для ознакомления китайской общественности с разными сторонами жизни советской страны, Общество стало уделять значительное внимание военно-патриотической тематике. Это отразилось на содержании бюллетеней, брошюр, плакатов, художественной литературы и публикаций для прессы, а также выставок, фотовыставок, кинофильмов и т.д. Советская литература пользовалась популярностью в силу того, что писатели не боялись смотреть правде в глаза, реалистично описывали военные события, показывали высокий боевой дух и веру в победу правого дела [Chen Chunsheng, p. 80]. Их произведения помогали образованию населения, воспитанию у китайцев таких качеств, как мужество, высокие моральные качества, пониманию важности единого фронта и взаимодействия армии и народа.

Адресатами ВОКС были как уполномоченные ВОКС, так и непосредственно китайские общественные и государственные организации, в первую очередь, Китайско-

советское культурное общество (КСКО) и его филиалы. О существовании обратной связи свидетельствуют документы, поступавшие из Китая в ВОКС с сообщениями об использовании полученных материалов и проведенных мероприятиях.

Большой интерес представляют материалы о работе ВОКС с региональными филиалами КСКО, т.к. исследований на эту тему практически нет в опубликованных работах ни на русском, ни на китайском языках [Wang Jinhui, 2010, 2011; Jiang Na, 2011]. Тема работы ВОКС в целом и в период войны в частности остается малоизученной в научном мире. Предметом исследования в данной статье стало сотрудничество ВОКС с Куньминским филиалом КСКО, проведенном на основе обнаруженных в Государственном архиве Российской Федерации документов. В процессе работы общественных организаций на местах, в гуще народных масс формировалось общественное мнение, возникало чувство взаимоподдержки в борьбе с противником, вселялась уверенность, что боевое братство двух народов приведет к окончательной победе над общим врагом.

Советско-китайское культурное сотрудничество накануне широкомасштабной японо-китайской войны

Восстановление дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой в 1932 г. стало толчком к активизации двусторонних культурных обменов и созданию в Китае в 1935 г. Китайско-советского культурного общества (КСКО)¹. Представители молодежи и интеллигенции в Китае полагали, что создание неправительственной организации расширит сферу культурного взаимодействия, поможет углубить взаимопонимание между Китаем и Советским Союзом и поэтому всячески подталкивали процесс институализации [Wang Jinhui, p. 20].

У работавшего в Советском Союзе с 1925 г. Всесоюзного общества культурной связи с заграницей появилась организация-партнер, что вселяло надежду на оживление разносторонних общественных связей.

Советская культура, недавно считавшаяся нежелательной и подрывавшей идейно-политические устои китайского общества, получила доступ в Китай. Советское общество начало знакомиться с китайской культурой. Сотрудники ВОКС принимали как официальные делегации, так и частных лиц, интересующихся советской страной. Общество обеспечивало обмен политической, научной, художественной литературой и периодикой, проводило выставки. В 1930-е годы ВОКС приняло участие в организации выставки китайской живописи, привезенной Сюй Бэйхуном (1934), гастролей театра Мэй Ланьфана (1935), в приеме китайских делегаций деятелей кино и министерства просвещения КР, в прокате полученных от КСКО художественных фильмов и кинохроники о японо-китайской войне. ВОКС систематически направляло в Китай информационные материалы, книги, периодику, фотографии, буклеты, Окна ТАСС о жизни советской страны для КСКО и его филиалов; предоставляло экспонаты для

¹ Председателем КСКО был избран сын Сунь Ятсена, председатель Законодательного юаня Китайской Республики Сунь Кэ (1891–1973). Долгое время в СССР его имя произносили как Сунь Фо (в гуандунском произношении).

выставок графики, просвещения, детской книги, детской игрушки, советских книг, об индустриализации и развитии сельского хозяйства в СССР. Были налажены книгообмены между крупными библиотеками и научными центрами. В 1936 г., например, по линии ВОКС в Китай отправили 2 тыс. книг. К середине 1930-х гг. сложились условия для дальнейшего укрепления двустороннего культурного сотрудничества. Начавшаяся в 1937 г. после инцидента у Лугоуцяо полномасштабная японо-китайская война прервала многие контакты и осложнила связь с Китаем, сократила делегационный обмен. Тем не менее в 1938 г. ВОКС занималось организацией ознакомительных поездок по стране первого секретаря посольства КР, специалиста по китайско-российским отношениям Чэнь Фугуана (陈复光, 1899–1960)². По поручению правительства Китая он знакомился с работой предприятий тяжелой промышленности, колхозов, высших учебных заведений и др. Впоследствии он выступал с лекциями и докладами о Советском Союзе в разных частях Китая, позитивно оценивая опыт СССР. Редакция «Юньнань жибао» в 1939 г. выпустила их отдельной брошюрой, которая была передана в ВОКС с благодарностью за содействие [ГАРФ. Р5283. Оп. 18. Д. 34. Л. 102].

Вернувшийся в 1939 г. из СССР председатель КСКО Сунь Кэ заверил членов Общества, что как бы ни развивалась война в Европе, как бы ни менялись японо-советские отношения, дружеское сочувствие и помощь СССР в отношении Китая остаются неизменными [Ai Zhike, p. 65]. И это ярко проявлялось в деятельности ВОКС и КСКО.

Начало Великой Отечественной войны и деятельность ВОКС в Китае

После нападения фашистской Германии на Советский Союз контакты с Китаем стало поддерживать труднее. Несмотря на все сложности, ВОКС оставалось на связи с китайскими партнерами, через своих уполномоченных поддерживало сотрудничество. Во время войны уполномоченными ВОКС были сотрудники Посольства СССР в Китае: первый секретарь, отвечавший за работу Отдела печати П.Г. Саратовцев, советники Л.М. Миклашевский, Т.Ф. Скворцов.

В декабре 1937 г. Центральное правление КСКО, главного партнера ВОКС, переехало в Чунцин, где продолжило работу в эвакуации. К 1940 г. филиалы Организации существовали в городах Гуйян (Гуйчжоу), Яньань, Сиань (Шэньси), Гуанчжоу, Линьсянь (Гуандун), Чжэнчжоу (Хэнань), Чэнду (Сычуань), Ланьчжоу (Ганьсу), Куньмин (Юньнань), Гуйлинь (Гуанси), Урумчи (Синьцзян), Гонконг [ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 18. Д. 26. Л. 157; У Цзинъюй, с. 116]. В 1940 г. в Обществе состояло 2200 человек, в более поздний период Войны сопротивления Японии число членов выросло до более чем 50 000 человек [Ai Zhike, p. 63].

Нападение фашистской Германии на СССР и эвакуация ВОКС в Куйбышев внесли коррективы в работу организации, но не остановили контакты с Китаем, ставшие в

² Личность не установлена. Предположительно, Чэнь Фугуан входил в состав делегации Сунь Кэ, который по поручению Чан Кайши вел в Москве переговоры о предоставлении Китаю военно-технической помощи.

период войны еще более важным каналом, по которому советский и китайский народы оказывали друг другу моральную поддержку. Как писал Чан Кайши Сталину в 1941 г. «помощь, оказанная СССР, действительно является огромной. Помощь Китаю со стороны СССР особенно ее значение в моральном смысле, превосходит все то, чем нам помогают все другие дружественные страны» [Русско-китайские, с. 635]

ВОКС старалось не сокращать объемы направляемых в Китай материалов. В 1943 г., например, Общество оформило для Китая подписку на более чем 20 периодических газет и журналов. Постоянно возникали проблемы с пересылкой материалов. Почта в Китае в военное время работа нестабильно. Если с доставкой из Алматы до Ланьчжоу больших проблем не возникало, то дальше посылки перемещались на гужевом транспорте, по плохим китайским дорогам, не всегда безопасным. В результате не все грузы доходили до адресатов. Дипломатическая почта, которой во время войны ВОКС отправляло материалы, была ограничена по весу и не могла вместить все необходимые отправления. Из поступавших в Москву от китайских обществ писем было видно, что связь, хотя и не регулярная, поддерживалась. Уполномоченные ВОКС и непосредственно отделения КСКО получали бюллетени ВОКС, политическую, агитационную и художественную литературу, фотовыставки, в которых преобладала военная тематика, материалы для проведения лекций, статьи для размещения в печати и др.

Архивные документы свидетельствуют, что материалы ВОКС доходили даже до самых отдаленных филиалов, каким был Куньминский филиал КСКО (провинция Юньнань). Информации о деятельности Куньминского филиала КСКО и планах его работы в годы войны немного. В условиях войны ему с трудом удавалось поддерживать связи с уполномоченным ВОКС в Китае и Москвой. Однако даже по фрагментарным сообщениям о мероприятиях Общества видно, что оно работало на распространение позитивной информации о Советском Союзе, отечественной войне советского народа, на укрепление дружбы между советским и китайским народами, вселяло уверенность в окончательной победе над японским милитаризмом и германским фашизмом. Во второй половине 1943 г. в Куньмине побывал уполномоченный ВОКС. В том же году в городе прошли присланные ВОКС из Москвы выставки об Отечественной войне, о советской литературе, выставка военной карикатуры [ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 18. Д. 32. Л. 5]. В 1945 г. была организована выставка «Реконструкция советских городов» [ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 18. Д. 52. Л. 30].

Первое крупное мероприятие Куньминского филиала КСКО в поддержку СССР

Куньминский филиал, который к концу войны стал именоваться Юньнаньским, возглавил Лю Чжэньхуань³. Его усилиями при Обществе была открыта библиотека, фонды которой пополнялись из ВОКС, работала школа русского языка 俄文专科学校. Лю Чжэньхуань был автором статей о Советском Союзе, совместной борьбе народов

³ Лю Чжэньхуань (1890–1972) — генерал-лейтенант (1937), после начала японо-китайской войны был членом Национального совета обороны.

СССР и Китая против фашизма, которые печатала газета «Юньнань жибао»⁴. На основе материалов, поступавших из ВОКС, он проводил информационно-разъяснительную работу среди населения. Ее общая направленность на объединение сил народа для отражения внешней агрессии, воспитание чувства патриотизма и уверенности в окончательной победе совпадала с лозунгами официальной китайской пропаганды в военное время, давала китайскому народу ощущение поддержки Советского Союза и совместной борьбы против общего врага, не вызывала противодействия со стороны властей провинции.

Лю Чжэньхуань объединил вокруг Общества представителей разных слоев общества, начиная с губернатора генерала Лун Юня⁵ 龙云, который согласился стать почетным председателем Куньминского филиала КСКО. Лун Юнь обладал правами высшей политической и военной власти — после объявления Китаем войны Японии в 1941 г. Чан Кайши назначил его председателем Военного комитета и начальником Куньминского гарнизона. Все общественные мероприятия, в том числе по линии КСКО, проводились только с разрешения Лун Юня, поэтому его умеренные политические взгляды, патриотические настроения и почетное председательство помогали работе Общества.

Лю Чжэньхуань поддерживал контакты с подпольной организацией КПК, которая действовала в провинции под руководством представителя Южно-Китайского бюро ЦК КПК Хуа Гана 华岗, выполнявшего задачу партии по укреплению единого фронта всех сил провинции для борьбы с агрессором.

Лю Чжэньхуань выступал за оказание сопротивления и сплочение всех сил, установление демократического правления и союз с Советским Союзом. В деятельности Общества принимали участие демократические деятели и представители интеллигенции, такие как участник «Движения 4 мая» 1919 г., основатель, а позже председатель Юньнаньского отделения Демократической лиги Китая Ло Лунцзи 罗隆基, известный педагог, член руководства Демократической лиги Китая Ли Гунпу 李公朴, социолог, писатель Пань Гуандань 潘光旦, преподававшие во время войны в Юго-Западном государственном объединенном университете, публицист, поэт, литературовед Вэнь Идо, 闻一多, историк, общественный деятель У Хань, 吴晗, педагог, переводчик Чу Тунань 楚图南 и др.

В ноябре 1941 г. от имени Общества и компании «Asia Films of China»⁶ в Куньмине были организованы показ советского художественного фильма «Эскадрилья

⁴ Газета «Юньнань жибао» была основана в 1935 г. как официальное издание правительства провинции. Во время войны благодаря позитивному отношению к ней губернатора Лу Юня газета публиковала статьи о необходимости объединения всех слоев общества, всех этносов провинции для оказания сопротивления врагу. Одни из авторов патриотических статей и материалов о Советском Союзе был выпускником Коммунистического университета трудящихся Китая Шэнь Чжиюань. К концу войны газета стала орудием открытого противостояния Лун Юня и Гоминьдана.

⁵ Лун Юнь (1884–1962) — военный деятель Китайской Республики, генерал. С 1937 г. — заместитель командующего сухопутными войсками, с 1941 г. — губернатор провинции Юньнань, занимал должности командующего Военным районом, начальника Полевого штаба, председателя Военного комитета провинции.

⁶ Asia Films of China — компания — монопольный распространитель советских фильмов в Китае, Гонконге, на Филиппинах и Стрейтс-Сетлементс.

№ 5»⁷ (в китайском прокате «Советско-германский воздушный бой») и выставка «Советское кино и героическая борьба народов СССР». На кинопросмотре присутствовали все высшие административные, политические и военные руководители провинции, военнослужащие ряда воинских частей, всего около 1300 человек [ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 18. Д. 26. Л. 117–119]. Очевидцем событий стал председатель «Asia Films of China» В.Г. Саядянц, предоставивший в ВОКС подробный отчет. Фильм о летчиках не мог не вызвать повышенного внимания в провинции, где готовили летчиков и как раз начинали строить новые и восстанавливать старые аэродромы, которые во второй фазе японо-китайской войны поддерживали переброску и авиаоперации китайских и союзнических войск [Yunnan].

Кинопросмотр прошел в очень торжественной обстановке, напоминавшей прием на высшем уровне, сопровождался исполнением гимнов Китайской Республики и СССР, чтением Завещания Сунь Ятсена⁸ и трехминутным молчанием в память бойцов, погибших на фронтах в обеих странах. Подобный формат мероприятия можно рассматривать как проявление уважения к советской стране, первой пришедшей на помощь Китаю после инцидента 7 июля 1937 г., к советским летчикам-добровольцам, защищавшим небо Китая, советникам, работавшим в китайской армии. Высшее военное руководство провинции, организовавшее кинопросмотр вместе с КСКО, не могло не быть осведомлено об «Операции Z» и реальном участии СССР в оказании военной помощи Китаю.

Об одобрении деятельности КСКО со стороны Гоминьдана говорит тот факт, что выставка состоялась в его штаб-квартире — помещение филиала КСКО было разрушено летом 1941 г. в результате налета японской авиации. Ее посетили многие жители города. Представители завода электрооборудования «Мацзецзедао» в пригороде Куньмина направили в ВОКС письмо с просьбой перенести выставку на завод, чтобы ознакомить с ней «несколько тысяч рабочих и служащих, несущих обязанность в военном сопротивлении бандам агрессоров» [ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 18. Д. 26. Л. 120]. Просьба была удовлетворена уполномоченным ВОКС в Чунцине.

Телеграмма из Куньмина с выражением поддержки борьбы советского народа против фашистов

В Государственном архиве Российской Федерации хранится телеграмма от имени Куньминского филиала КСКО в адрес «советского народа и всех бойцов антифашистского фронта», датированная 22 июня 1942 г., датой первой годовщины начала Отечественной войны советского народа [ГАРФ. Оп. 18. Д. 37. Л. 9–13]. Приводимый в статье документ на китайском языке и его перевод на русский язык публикуются впервые.

Текст телеграммы написан на двух листах, на третьем — адрес: Посольство СССР в Чунцине. Прилагаются перевод документа на русский язык и сообщение

⁷ «Эскадрилья № 5» — художественный фильм, снятый в 1939 г. режиссером А. Роомом. Действие фильма происходит в условиях гипотетической войны с Германией и заканчивается успешным выполнением задания советскими летчиками.

⁸ В одном из пунктов Завещания Сунь Ятсена говорилось о союзе с СССР.

о мероприятии в адрес советника Посольства СССР в Чунцине Л.М. Миклашевского. Судя по стилю, перевод телеграммы выполнен китайским переводчиком.

Перевод документа

Передайте через товарища Сталина всем антифашистским бойцам Союза Советских Социалистических Республик и народам всего Советского Союза. Во время годовщины войны против агрессоров вашего государства из чувства братской любви и дружбы обращаемся к вам с горячим салютом. Мы заранее поздравляем ваше государство с окончательной победой в этой антифашистской войне. Мы, китайцы, крепко уверены в том, что армия и народы вашей страны под героическим и мудрым водительством товарища Сталина непременно уничтожат врага и помогут народам, находящимся под фашистским игом в Европе и Азии, поскорее получить освобождение. Кроме того, мы, китайцы, от всего сердца желаем, чтобы Китай и СССР, обе великие нации, еще более близко и тесно рука об руку начали сотрудничать и бороться ради общего и вечного блага. Обращаемся к вам с антифашистским салютом. Куньминское отделение КСКО. Председатель митинга, посвященного годовщине начала антифашистской войны советского народа Лю Чжэньхуань. 22 число. Юньнань.

Телеграмма была принята на митинге, проведенном по инициативе Куньминского КСКО, и подписана председателем Общества Лю Чжэньхуанем. В военное время любое массовое мероприятие могло состояться только с санкции высшего руководства провинции, т.е. губернатора генерала Лун Юня. Из документа не явствует, участвовали ли сам губернатор в митинге, но разрешение на его проведение исходило от него. В телеграмме отмечается, что на мероприятии присутствовало около 1300 представителей государственных, военных и политических организаций, а также общественности. В ее число входили преподаватели и студенты переехавших в 1938 г. из Чанша в Куньмин Нанькайского, Пекинского университетов и Цинхуа, на базе которых был организован Объединенный Юго-Западный университет.

Митинг состоялся в первую годовщину начала Великой Отечественной войны советского народа, 22 июня 1942 г. Это значит, что в далекой китайской провинции благодаря деятельности филиала КСКО была информация о событиях в Советском Союзе, дате начала войны и враге, с которым сражался советский народ. Телеграмма составлена в привычном для китайского официального письма стиле, с употреблением типично китайских конструкций. Текст расположен вертикально, справа налево с отсутствием знаков препинания. По аналогии с термином «война сопротивления Японии» (канжи 抗日) для обозначения Великой Отечественной войны употребляется «война сопротивления Вашей страны (гуйго канчжань 贵国抗战).

Проведение митинга стало результатом комплекса факторов, объединением интересов официальной власти и настроений общественности, полученных по разным каналам указаний.

Не представляется возможным точно установить, откуда исходила инициатива проведения массового мероприятия и принятия телеграммы. Уполномоченный ВОКС в Чунцине поддерживал рабочие отношения с председателем Куньминского филиала КСКО и по мере возможностей, определявшихся военным положением и наличием коммуникационных путей, снабжал Общество информационными материалами, ли-

тературой и выставками, содержание которых могло подвести Куньминское общество к мысли выразить солидарность с советским народом. Прямых предложений провести митинг, исходящих от ВОКС, не обнаружено.

В деле организации митинга в поддержку СССР нельзя исключить роль представителя Южно-Китайского бюро ЦК КПК Хуа Гана, который имел контакты с Лю Чжэньхуанем. ЦК КПК получил и распространил среди руководителей региональных Бюро ЦК КПК Директиву Исполкома Коминтерна от 23 июня 1941 г., в которой содержалось указание мобилизовать народы всего мира на организацию международного единого фронта борьбы против фашизма, на защиту Советского Союза, Китая, поработанных германским фашизмом народов, свободы и независимости всех народов [ВКП(б), с. 536–537]. Эту задачу Г. Димитров подтвердил в указании Мао Цзэ-дуну также и в следующем году, 16 июня 1942 г. [Коминтерн, с. 233].

В самой провинции существовали относительно благоприятные условия для работы филиала КСКО и распространения правдивых сведений об СССР, направленных на формирование дружеских чувств по отношению к народу, который боролся против фашизма. Провинция находилась в специфическом стратегическом положении: одновременно в тылу и на линии соприкосновения с противником. Она была разделена рекой Нуцзян на западную часть, оккупированную японской армией, и восточную — тыловую. Начиная с 1938 г. Куньмин постоянно подвергался бомбардировкам японской авиации, в результате которых были погибшие и раненые, многочисленные разрушения. Население провинции вместе с армией поднялось на борьбу против японцев. Провинция Юньнань одновременно была полем боя против японских захватчиков внутри страны, а после Перл-Харбора и объявления войны Японии стала участником мировой войны на Тихоокеанском театре военных действий. Руководство провинции воспринимало войну сопротивления Японии как часть Второй мировой войны, понимало, что союз японского милитаризма с германским фашизмом представлял угрозу не только Китаю, но и всему миру. Неслучайно в телеграмме советскому народу звучит идея еще более тесного сотрудничества и объединения усилий «двух великих наций — СССР и Китая» в борьбе против фашизма, который угрожает угнетенным народам Европы и Азии.

Политический климат в провинции определял губернатор Лун Юнь. Его личность была известна в Коминтерне — в 1938 г. он обратился с просьбой прислать в провинцию работников Коминтерна⁹. Он занимал нейтральную позицию по отношению к борьбе между КПК и Гоминьданом¹⁰, что положительно сказывалось на работе КСКО. Губернатор использовал его мероприятия и пропагандировавшийся им героический образ советского народа, бойцов Красной армии и их стойкость в борьбе с фашизмом для подъема духа населения и консолидации гражданских и военных сил с целью объединения населения на борьбу против врага.

⁹ ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период анти-японской войны. 1937 — май 1943. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 752 с. С. 81.

¹⁰ ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период анти-японской войны. 1937 — май 1943. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 752 с. С. 513.

Он даже допускал определенную деятельность коммунистов, направленную на создание единого антияпонского фронта, и не преследовал демократические высказывания студентов и университетских преподавателей, хотя центральная власть выражала недовольство академической свободой в Объединенном Юго-Западном университете и проводимыми там массовыми мероприятиями [Wen Liming]. Тайно вступив в Демократическую лигу, он поддерживал ее деятельность в провинции. В 1943 г. Лун Юнь парировал требования присланного Чан Кайши эмиссара ограничить выступления студентов: «Студенты настроены очень патриотично... Некоторым людям нечем заняться, и они ищут себе работу, расследуя высказывания студентов и вмешиваясь в лекции профессоров», отказался выполнить требования центра арестовать коммунистов «без предоставления убедительных доказательств» [Xie Benshu, p. 188]. Напряженные отношения Лун Юня с Чан Кайши завершились его смещением со всех постов в 1945 г.

Отношения Юньнаньского отделения КСКО с ВОКС во второй половине 1940-х гг.

Куньмин во время войны стал своего рода «демократическим бастионом», где развивалось народное антияпонское движение, проводились масштабные массовые патриотические мероприятия, направленные на объединение народа под антияпонскими лозунгами; выпускались листовки и плакаты антивоенного содержания. В них принимали участие члены прогрессивных общественных групп, студенты и преподаватели, научные работники (Юго-Западной ассоциации культурных исследований, Ассоциации ученых за конституционную форму правления и др.) [Liu Lanji]. Куньминские газеты давали довольно полную информацию о международном и внутреннем положении, сообщали о главных событиях войны в СССР, видели в нашей стране союзника и друга. С середины войны в городе можно было приобрести издававшуюся в Чунцине коммунистическую газету «Синьхуа жибао», редакция которой продавала некоторые марксистско-ленинские работы на китайском языке, присланные из Москвы по каналам ВОКС. Газеты с такими заголовками, набранными крупным шрифтом, как «Советский Союз объявляет войну Японии», «Советская армия штурмует Берлин», вывешивались для всеобщего обозрения на стенах городских ворот и в других видных местах [Quan minzu kangzhan].

В 1943 г. в Китае отметили 25-ю годовщину советской Красной армии. В телеграмме на имя И.В. Сталина Чан Кайши писал: «... судьбы Объединенных наций полностью связаны воедино, и победа одной страны является победой для всех. Китай и Советский Союз необходимо должны, проникшись духом товарищества людей, находящихся на одном корабле, во взаимодействии и взаимопомощи приложить все силы к тому, чтобы возможно скорее заложить фундамент правильного мира во всем мире» [Русско-китайские, с. 739]. ВОКС подготовило несколько выставок, посвященных истории Красной армии и ее успехам на фронтах. КСКО и его филиалы отметили юбилей торжественными собраниями, в Чунцине выпустили специальный 100-страничный выпуск журнала «Культура Китая и СССР», печатного органа КСКО.

В Куньмине по случаю юбилея состоялось собрание, не такое многочисленное, как в предыдущие годы, но с участием истинных друзей советского народа. В Москву, в ВОКС, отправили шелковое красное знамя, в центре которого в форме пятиконечной звезды были вышиты 215 подписей участников собрания. В сопроводительном письме содержалась просьба передать знамя лучшим бойцам Красной армии. Восточный отдел ВОКС сначала предоставил знамя для экспонирования в Музее восточных культур, а позже передал его в Центральный музей Красной армии (теперь Центральный музей вооруженных сил) [ГАРФ. Р5283. Оп. 18. Д. 34. Л. 87].

Заключение

Приведенные документальные свидетельства со всей убедительностью показывают, что во время Второй мировой войны народы СССР и Китая сохранили контакты, морально поддерживали друг друга. Общественные организации — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей и Китайско-советское культурное общество обменивались информацией о событиях в их странах, своей деятельностью оказывали поддержку борющимся народам, воспринимали борьбу своих народов против их врагов как консолидированную борьбу против общего противника в целях достижения мира для всех народов, вселяли уверенность в окончательной победе.

Обращение сегодня к историческим документам позволяет оживить в памяти события военных лет, показать снова, как взаимная поддержка народов Советского Союза и Китая, осуществлявшаяся, в частности, по линии общественных организаций, помогала народам сражаться на фронте и в тылу против немецкого фашизма и японского милитаризма, вносить вклад в общую победу. Сложившееся во время войны боевое братство советского и китайского народов обеспечило общую победу в 1945 г., укрепило многосторонние связи между СССР и Китаем.

Через восемь десятилетий Россия и Китай устойчиво демонстрируют уважение к истории и исторической памяти, остаются верны боевой и трудовой дружбе двух народов, сложившейся в тяжелые военные годы. Об этом свидетельствуют отношения российско-китайского всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, утвердившиеся в XXI в.

Библиографический список

- ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 — май 1943. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 752 с. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
- Коминтерн и Вторая мировая война. В 2 ч. Ч. 1. После 22 июня 1941 г. М.: Памятники ист. мысли, 1998. 207 с.
- Русско-китайские отношения в XX веке. Т.IV. Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн.1.1937–1944 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 870 с.
- У Цзинъюй. Из истории советско-китайских музыкальных связей: по материалам китайской периодики 1935–1945 гг. // Россия-Япония-КНР-Республика Корея: история, теория, практика и совре-

менные перспективы культурного сотрудничества // Сборник материалов Международной конференции, Новосибирск, 25–26 сентября 2020 года. Новосибирск: Новосибирская государственная консерватория имени М.И. Глинки, 2020. С. 115–121.

References

Komintern i Vtoraya mirovaya vojna [The Comintern and the Second World War.]. In 2 parts. Part 1. After June 22, 1941. Moscow: Pamyatniki ist. mysli, 1998. 207 p. (In Russian).

Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV. Sovetsko-kitajskie otnosheniya. 1937–1945 gg. [Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV. Soviet-Chinese relations. 1937–1945]. Book 1. 1937–1944. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2000. 870 p. (In Russian).

Wu Jingyu (2020). Iz istorii sovetsko-kitajskih muzykal'nyh svyazej: po materialam kitajskoj periodiki 1935–1945 gg. [From the history of Soviet-Chinese musical relations: based on the materials of the Chinese periodicals of 1935–1945]. Rossiya-Yaponiya-KNR-Respublika Koreya: istoriya, teoriya, praktika i sovremennye perspektivy kul'turnogo sotrudnichestva [Russia-Japan-China-Republic of Korea: history, theory, practice and modern prospects of cultural cooperation]. Proceedings of the International Conference, Novosibirsk, September 25–26, 2020. Novosibirsk: Novosibirsk State Conservatory named after M.I. Glinka. P. 115–121. (In Russian).

VKP(b), Komintern i Kitayaj: Dokumenty. T. V. VKP(b), Komintern i KPK v period antiyaponskoj vojny. 1937 — may 1943. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). 2007. 752 p. (In Russian).

* * *

Ai Zhike 艾智科 (2020). Kangzhan shiqi de zhongsu wenhua xiehui 抗战时期的中苏文化协会 [Sino-Soviet Cultural Association during the War of Resistance]. URL: <https://m.fx361.com/news/2020/0111/7446303.html> (accessed: 22.01.2025). (In Chinese).

Chen Chunsheng 陈春生 (2001). Kangzhan shiqi zhongguo jieshou su e wenxue de tedian chutan 抗战时期中国接受苏俄文学的特点初探 [A Preliminary Study on the Characteristics of China's Acceptance of Soviet-Russian Literature during the War of Resistance]. Kangri zhanzheng yanjiu 抗日战争研究 [Studies on the War of Resistance Against Japan]. No. 1. P. 71–84. (In Chinese).

Chen Youshen 陈有深 (2012). Qiantai qian de guojun dianying shiye. 1926–1949 迁台前的国军电影事业 1926–1949 [The National Army's Movie Industry Before the Relocation to Taiwan]. URL: <https://tpl.ncl.edu.tw/NclService/JournalContentDetail?SysId=A12038356> (accessed: 20.01.2025). (In Chinese).

Jiang Na 蒋娜 (2011). Di erci Guo–Gong hezuo shiye xia de Zhong–Su wenhua xiehui 第二次国共合作视阈下的中苏文化协会 [The Sino-Soviet Cultural Association under the Lens of the Second United Front]. Xinan Nongye Daxue Xuebao [Shehui Kexue Ban] 西南农业大学学报 (社会科学版) [Journal of Southwest Agricultural University (Social Science Edition)]. Vol. 9. No. 5. P. 76–79. (In Chinese).

Liu Lanshu 浏览数. Luo Longji zhide women jinian 罗隆基, 值得我们纪念 [Luo Longji Worthy of Our Commemoration]. URL: <http://www.mmbssw3108477.com/nd.jsp?id=94> (accessed: 17.02.2025). (In Chinese).

Wang Jinhui 王锦辉 (2010). Zhongsu wenhua xiehui yanjiu 中苏文化协会研究 [Research on the Sino-Soviet Cultural Society]. (In Chinese).

Wang Jinhui 王锦辉 (2011). Zhonggong yu Zhong–Su wenhua xiehui guanxi qianxi 中共与中苏文化协会关系浅析 [A Brief Analysis of the Relationship between the CCP and the Sino-Soviet Cultural Society]. Beijing dangshi 北京党史 [Beijing Party History]. No. 6. P. 16–18. (In Chinese).

Wen Liming 闻黎明 (2015). Long yun yu xinan lianda 龙云与西南联大 [Long Yun and Southwest United University]. Huanqiu renwu 环球人物 [Global People]. No. 32. URL: http://paper.people.com.cn/hqrw/html/2015-12/06/content_1667671.htm (accessed: 25.02.2025). (In Chinese).

Xie Benshu 谢本书 (2001). Long yun yu yunnan kangzhan 龙云与云南抗战 [Long Yun and the War of Resistance in Yunnan]. Kangri zhanzheng yanjiu 《抗日战争研究》 [Research on the War of Resistance Against Japan]. 2001. No. 3. P. 177–192. (In Chinese).

Yunnan ribao 云南日报 (2015). Quan minzu kangzhan — Yunnan jiyi 全民族抗战•云南记忆 [National War of Resistance — Yunnan Memory]. URL: https://www.yndaily.com/html/2015/yaowenyunnan_0802/20499.html (accessed: 15.01.2025). (In Chinese).

Yunnan ribao 云南日报 (2015). Yunnan renmin zai kangzhan zhong zaojiu de lishi huihuang 云南人民在抗战中造就的历史辉煌 [The Historical Glory Created by the People of Yunnan During the War of Resistance]. URL: https://www.yndaily.com/html/2015/yaowenyunnan_0903/21078.html (accessed: 27.02.2025). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 11.04.2025. Received: 11 April 2025.

Принята к публикации: 22.05.2025. Accepted: 22 May 2025.

А.Г. Алексанян

Глас Дхармы в Поднебесной: актуальные проблемы изучения буддийского китайского языка в китайском языкознании в XX–XXI вв.

Аннотация. Данная работа посвящена рассмотрению и анализу достижений китайских лингвистов в новом направлении историко-грамматических исследований — изучении буддийского китайского языка. Буддийский китайский язык представляет собой одну из разновидностей среднекитайского языка, сформировавшуюся на основании живого разговорного языка средневекового периода и литературного письменного *вэньяня*, обладая при этом целым рядом особенностей. Возникнув первоначально как язык переводов буддийских текстов, эта разновидность среднекитайского постепенно развилась в самостоятельный язык, не только используемый в общении членами буддийской общины, но и оказавший влияние как на живой язык повседневного общения, так и на письменный литературный язык того времени. За четыре десятилетия изучения текстов, написанных на этом языке, китайские исследователи сделали немало важных для истории китайского языка выводов, затрагивающих самые разные сферы языкознания: от фонетики и вопросов варьирования иероглифов до проблем лексикологии и семантического изменения слов. В данной статье анализируются основные темы и достижения, полученные китайскими лингвистами, а также намечается ряд проблем и вопросов, которые представляются недостаточно разработанными.

Ключевые слова: буддизм, буддийский китайский язык, историческая грамматика, китайское языкознание.

Автор: Алексанян Армен Гургенович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). E-mail: armengurgen@gmail.com

А • G • 阿列克萨尼扬

天朝佛法之声：20–21 世纪汉语语言学中佛教汉语研究的现实问题

摘要：本文考察并分析了中国语言学家在佛教汉语研究这一历史语法研究新领域所取得的成就。佛教汉语是中古汉语的变种之一，由中世纪的白话口语和书面文言演变而来，具有许多独特的特征。这种中古汉语变体最初是作为翻译佛经的语言而发

展起来的，后来逐渐发展成为一门独立的语言，不仅用于佛门弟子之间的交流，还影响了当时的日常口语和书面文言。经过四十余年对佛教汉文文献的研究，中国学者为汉语史做出了许多重要结论，涉及从语音学、汉字变形到词汇学和语义变化的诸多语言学领域。本文分析了中国语言学家的主要研究课题和成就，并概述了一些尚未得到充分研究和解决的问题。

关键词：佛教；佛教汉语；历史语法；汉语语言学

作者：阿尔缅·古尔格诺维奇·阿列克萨尼扬，哲学副博士，俄罗斯科学院中国与
现代亚洲研究所中国文化研究中心首席研究员。E-mail : armengurgen@gmail.com

Armen G. Aleksanyan

The Voice of Dharma under Heaven: Current Issues in the Study of Buddhist Chinese in Chinese Linguistics in 20th-21st Centuries

Abstract. This paper focuses on research and achievements of modern Chinese linguists in a new field of historical grammatical studies — the so-called Buddhist Chinese. Buddhist Chinese is considered a variety of Middle Chinese, which was based on vernacular Medieval Chinese and the written literary language *wenyan*, yet developed its own specific features. Initially emerging as a language of Buddhist sutras translation, this variety of Middle Chinese subsequently evolved into a distinct language used for communicative needs of Chinese *sangha*, which influenced both the vernacular and the written literary languages of the Medieval period. In the past 40 years of studying texts written in this language, Chinese linguists have made many discoveries ranging from issues of phonetics and so-called ‘vulgar characters’ to questions of lexicological and semantic transformation. This article analyzes the most significant themes and issues explored by Chinese historical linguists and attempts to identify problems that remain unresolved or have not yet been addressed.

Keywords: Buddhism, Buddhist Chinese, historical grammar, Chinese linguistics.

Author: Aleksanyan Armen, PhD (Philosophy), Leading Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. E-mail: armengurgen@gmail.com

Проникновение буддизма в Китай в первые века I тыс. н.э. и его быстрое и успешное распространение там являются тем самым фактором, который без сомнения оказал существенное влияние на всю ранне- и позднесредневековую культуру этой страны, начиная от изменения религиозно-идеологической физиономии того времени (влияние буддизма на автохтонные религиозно-философские учения бесспорно, тем более это справедливо для т.н. простонародной культуры) и заканчивая архитектурой и искусством (религиозно-культовые сооружения, скульптура, живопись, литература).

Из поля зрения исследователей, однако, до недавнего времени (вторая половина XX в.) выпадал — если и не полностью, то по крайней мере в качестве важного — та-

кой вопрос, как средство, с помощью которого это пришло для Поднебесной учение смогло так быстро и успешно завоевать себе одно из главных мест в китайской культуре — а именно *язык*¹, посредством которого осуществлялась проповедь учения Будды².

Несомненно, к проблеме языка китайского буддизма исследователи обращались уже на ранних стадиях (конец XIX в.) формирования буддологии, однако по-настоящему системно изучением особенностей китайского буддийского языка ученые занялись только во второй половине прошлого века, обратив внимание на его особенный характер и важную роль в формировании среднекитайского, а затем и *байхуа* — языка, во многом основанного на живой разговорной речи.

К концу 80-х — началу 90-х гг. XX в. за этой разновидностью языка закрепилось название «буддийского китайского» или «буддийского гибридного китайского» (*фозцяо хунхэ ханьюй* 佛教混合漢語) (термин введен китайским исследователем Чжу Цинчжи³; ряд других ученых (В. Мэйр) предлагали аналогичный термин *Buddhist Hybrid Sinitics*). Наиболее плодотворные годы в изучении буддийского китайского языка приходятся на конец 90-х — начало 2000-х гг. — именно в это время появляются исследования, затрагивающие целый спектр лингвистических проблем, среди которых целесообразным кажется отметить следующие.

Фонетические проблемы китайских буддийских текстов неразрывно связаны с вопросами исторической фонетики китайского языка и в силу этого уже в первой половине XX в. привлекли внимание крупных исследователей, занимавшихся изучением и реконструкцией исторической фонетики средне- и древнекитайского языка (Б. Карлгрен, А. Масперо, А. фон Сталь-Гольштейн), использовавших материал этих текстов как источник для возможной реконструкции фонетического состава языка названных исторических этапов.

Особую ценность китайские буддийские тексты представляют тем, что в них средствами китайской письменности передаются слова не-китайского (индоиранские языки) происхождения и таким образом обратное сопоставление (санскр. — кит.) позволяет с определенной долей вероятности восстановить возможный фонетический состав языка тех периодов, когда были выполнены переводы на китайский язык той или иной сутры.

Условно в сфере исследования фонетических и фонологических вопросов языка буддийских китайских текстов можно выделить следующие направления⁴.

¹ Мы не случайно выбрали в заголовок словосочетание *фаинь* 法音 «глас Дхармы, звуки учения Будды», поскольку оно имеет также и значение «языка буддийских священных текстов». Ср. носящее аналогичное название китайское буддийское периодическое издание.

² Более подробно историю и этапы переводческой деятельности буддийских миссионеров в Китае см., например, Введение в буддизм. СПб., 1999. С. 266-294.

³ Данная статья посвящена работам именно китайских исследователей, оставляя в стороне работы западных и японских ученых (напр., замечательные лексикологические труды Сэйси Карасима и пр.), ничуть, разумеется, не умаляя их заслуг.

⁴ Подробный анализ новейших работ в области фонетики языка буддийских китайских текстов см. [Чжу Цзянин 2009].

1. Работы, посвященные «санскритско-китайской транскрипции» (*фань-хань дуйинь* 梵漢對音).

К фонетическим материалам, содержащимся в буддийских китайских текстах, в более широком контексте общefonетических исследований средне- и древнекитайского языка, исследователи обращались уже с начала XX в. [Schlegel, 1900; Karlgren, 1915; Maspero, 1920], однако катализатором, буквально запустившим «цепную реакцию» работ, касающихся именно буддийского варианта китайского языка и произведений, на нем написанных, послужила опубликованная в 1923 г. (в переводе на китайский Ху Ши 胡適) в журнале «Госюэ цзикань» 國學季刊 статья русского (остзейского немца) по происхождению буддолога и санскритолога барона А. фон Сталь-Гольштейна (A. von Stael-Holstein, кит. *Ган Хэтай* 鋼和泰) «Транскрипция санскритских произведений и древнекитайское произношение» (*Инью Фань шу юй Чжунго инь* 音譯梵書與中國古音). Сталь-Гольштейн в данной работе опирался на тексты сунской эпохи и материалы словаря рифм «Це юнь» (切韻), приведенные в работе Карлгрена, подчеркивая чрезвычайную ценность китайской транскрипции санскритских слов для восстановления фонетического облика средневекового китайского языка, особенно выделяя важность передачи иноязычных звуков средствами китайской письменности — в частности, т.н. санскритских заклинательных формул *дхарани* (ми чжоу 密咒).

Реакцией на эту во многом пионерскую работу стала статья Ван Жунбао 汪榮寶, посвященная попытке реконструировать звучание слов, входящих в некоторые «категории рифм» в до-сунскую эпоху (категории *гэ* 歌, *гэ* 戈) и в период, предшествовавший эпохам Вэй-Цзинь 魏晉 (220–420 гг.) (категории *юй* 魚, *юй* 虞, *мо* 模) — «Исследование древнего чтения категорий [рифм] *гэ* 歌, *гэ* 戈, *юй* 魚, *юй* 虞, *мо* 模» (*Гэ гэ юй юй мо гуду као* 歌戈魚虞模古讀考). Опираясь на предложенные в статье Сталь-Гольштейна методологические наблюдения, Ван Жунбао привлек наряду с японским чтением иероглифов данных категорий (т.н. каньон 漢音 и гоон 吳音) и широкий материал буддийских транскрипций.

Обе эти работы привлекли интерес исследователей китайской исторической фонетики к материалу буддийских текстов, вызвав нешуточную теоретическую дискуссию, в которой определились как сторонники (в частности, Линь Юйтан 林語堂), так и противники (например, Чжан Бинлинь 章炳麟) идей Сталь-Гольштейна и Ван Жунбао⁵. Несмотря на спорный характер некоторых утверждений и доказанную позднее ошибочность выводов, работа Ван Жунбао имела для историко-фонетического изучения буддийских текстов большое значение.

Однако по-настоящему прорывными и во многом определившими дальнейший вектор исследований стали труды выдающегося китайского лингвиста, специалиста по исторической фонетике Ло Чанпэя 羅常培, написанные в 30-е гг., среди которых особенно важна его монография, посвященная реконструкции северо-западного диалекта китайского языка танского периода (*Тан Удай сибэй фаньинь* 唐五代西北方音)

⁵ Подробнее о дискуссии и ее участниках см. [Чжу Цинчжи, 1999, с. 305].

[Luo, 1933]⁶. В данной работе Ло Чанпэй привлекает широкий материал не только китайских «транскрипций», но и тибетско-китайских сопоставлений, а также вводит в научный оборот т.н. дуньхуанские материалы, особенно подчеркивая их ценность для исторической реконструкции фонетического состава среднекитайского языка⁷.

Военный и послевоенный периоды (вплоть до 70-х гг.) в силу понятных обстоятельств отмечены крайне небольшим по количеству, но важным по содержанию числом работ китайских лингвистов, занимавшихся фонетическими вопросами буддийских китайских текстов. Среди них следует упомянуть статьи Лу Чживэя 陸志偉 и Ли Жуна 李榮 (1947 и 1945 гг. соответственно), посвященные изучению и уточнению ряда фонетических проблем в исследовании словаря рифм «Це юнь» с широким привлечением материала буддийских «транскрипций»; работы крупного исторического лингвиста Чжоу Фагао 周法高 по вопросам истории «ровных» и «косых/ломанных» тонов (*пин цзэ* 平仄) и китайской «транскрипции» санскритских церебральных шумных смычных *t* и *d* (1948 и 1949 гг.). С 50-х до конца 70-х гг. число работ (особенно в КНР) катастрофически сокращается в силу исчезновения специалистов по буддизму и потери интереса к буддийским фонетическим «транскрипциям»: следует отметить программную статью Чжоу Дафу 周達甫 «Как исследовать санскритско-китайские переводы и транскрипцию» (*цзэньян яньцзю Фань-Хань фаньи хэ дуйинь* 怎樣研究梵漢翻譯和對音) (1957); работу Чжан Цинчана 張清常 1963 г., посвященную фрагментам «Алмазной сутры» и важности содержащихся в ней транскрипций для реконструкции открытого Ло Чанпэем северо-западного диалекта эпохи Тан; полемический ответ (1957 г.) Цзи Сяньлиня 季羨林 на статью Чжоу Фагао 1949 г.

Ситуация начинает меняться только с начала 80-х гг.: в 1979 г. выходит капитальный труд Юй Миня 俞敏 «Таблицы санскритско-китайских фонетических соответствий эпох Поздняя Хань и Троецарствия» (*Хоу Хань Саньгу Фань-Хань дуйинь* 後漢三國梵漢對音譜) [Yu, 1999, p. 1–63].

Богатая по подбору материала (главным образом — буддийские тексты) и содержащая ряд интересных открытий и наблюдений (в частности, по специфике системы инициалей и прямых/косых рифм, обнаружению некоторых фонологических явлений в середине слога и пр.) в истории языка этих периодов, работа Юй Миня стала поистине межевым столбом, с которого можно вести отсчет новой эпохи в изучении фонетики среднекитайского языка буддийских сочинений.

Целая плеяда учеников и последователей, воспитанных Юй Минем, успешно продолжила его дело, подробно исследовав и описав буддийские транскрипции языка трех периодов — эпох Суй 隋, Тан 唐 и Сун 宋. С 1983 по 1998 г. выходят статьи Ши Сяндуна 施向東, Лю Гуанхэ 劉廣和, Не Хуна 聶鴻, Чу Тайсуна 儲泰松, Чжан Фупина 張福平 и Юйчи Чжипина 尉遲治平, касающиеся вопросов системы инициалей в диалекте Чаньани периода Суй-Тан, проблемы тонов и пр. с опорой именно на буддийские тексты и труды буддийских лексикографов того периода. Кроме учеников и по-

⁶ Его труд в области изучения «северо-западного диалекта» был с успехом продолжен современными исследователями. См., например, [Coblin, 1999], [Takata Tokio, 1988].

⁷ Примечательна научная трезвость Ло Чанпэя, в одной из работ предупреждавшего читателей, что реконструкция фонетики остается в конечном итоге лишь грубым абрисом, условным изображением реального произношения (...至多只能算是中國古音最粗的一箇輪廓罷了...).

следователей Юй Миня в 90-е гг. были опубликованы работы Ли Вэйци 李維琦 (1988), Май Юнь 麥耘 (1991), Чэнь Юньлуна 陳雲龍 (1992), Тань Шибao 譚世寶 (1996 и 1997), затрагивающие вопросы реконструкции фонетического состава среднекитайского языка на основании буддийских текстов разного характера: от фонетических особенностей транскрипций из текста «Да Тан Си юй цзи» (大唐西域記) до специфики передачи не китайских слов при помощи письменности *сиддхам*⁸.

2. Исследования, касающиеся специфически китайской категории комментаторско-текстологической традиции, именуемой *инь и* 音義 (буквально «звук и смысл»), посвященной истолкованию и объяснению трудных или непонятных иероглифов, их сочетаний (иногда — даже целых предложений); внутри этой области можно выделить работы, исследующие чтение иероглифа по методу *фаньце* 反切 (букв. «расщепление»), посвященные возникновению системы «четырёх тонов» (*сы шэн* 四聲), анализирующие возникновение т.н. системы *цзы му* 字母 (графема, «буква») и развитие фонетических таблиц (*юнь ту* 韻圖) и связанной с ними классификации «рифм» (*дэн юнь* 等韻)⁹.

Уже в первой половине XX в. китайские исследователи стали задаваться вопросом об источнике происхождения системы *фаньце* и «четырёх тонов», полагая, что в их создании (или по крайней мере окончательной обработке) чувствуется сильное влияние индийской лингвистической традиции (восходящей к Панини и его «Восьми-книжью»).

Поэтому неудивительно, что уже в 20-е гг. такие исследователи, как Лю Фу 劉復, У Чжихуэй 吳稚暉, Чэнь Инькэ 陳寅恪, вполне правомерно задавались вопросом об источниках, которые использовал Шоувэнь 守溫 для своего списка начальных согласных (*саньши* [лю] *цзы му* 三十[六]字母)¹⁰. Исследователи сходились во мнении, что в основе и системы «четырёх тонов», и списка *цзы му* может лежать индийская лингвистическая традиция в той форме, как она преподавалась буддийским монахам во время их обучения в буддийских монастырях-училищах (напр., Наланда), спроецированная таким образом монахами-китайцами на родной язык. В середине 80-х Юй Минь выдвинул предположение о том, что формирование ряда фонетико-фонологических категорий традиционной китайской науки могло вдохновляться т.н. письмом *сиддхам*. В статье Чжу Цзянин 竺家寧 (1991) проводилась связь между проникновением буддизма в Китай и развитием т.н. *юнь ту* (фонетических таблиц, букв. «таблиц рифм»).

Фонетические проблемы метода *фаньце*, применяемого в комментаторской системе *инь и*, неразрывно связаны с именами двух буддийских монахов — составителей крупных комментаторских компендиумов, носящих название «Произношение и значение [слов, встречающихся во] всех сутрах» (*Ице цзин иньи* 一切經音義) — Сюаньина 玄應 (1-я пол. VII в.) и Хуэйлиня 慧琳 (начало IX в.). Весьма примечательно, что

⁸ Подробнее об этих работах см. [Чжу Цинчжи 1999, с. 309–310].

⁹ Подробнее об особенностях традиционной китайской фонетики см. главы выдающегося отечественного лингвиста-синолога С.Е. Яхонтова в коллективных монографиях [Яхонтов 1980; Яхонтов 1981].

¹⁰ Подробнее о Шоувэне и его системе начальных согласных см. [Яхонтов 1980, с. 106].

сравнительно небольшое число работ касательно фонетических особенностей двух этих компендиумов, вышедших в XX в. (Хуан Цуйбо 黃淬伯 (1930), Чжоу Фагао 周法高 (1948), Ван Ли 王力 (1980), Се Мэйлин 謝美齡 (1990)), в первые годы XXI в. было компенсировано прямо-таки в экстенсивной форме — вышло не менее нескольких десятков статей и исследований, посвященных непосредственно текстам Сюаньина, Хуйлина и их последователей, причем тематика исследований варьируется от вопросов чисто историко-фонологического характера до специфики использования «нестандартных» иероглифов (*сути цзы* 俗體字) для передачи определенных понятий или терминов, проводятся сопоставительные исследования текстов «Ицзе цзин инь» с аналогичными, но не-буддийскими сводами-комментариями и т.н. словарями (типа «Шовэнь цзецзы») ¹¹.

К области изучения фонетических проблем языка китайских буддийских текстов непосредственно примыкает сфера исследований, связанных с вопросами *словообразования, лексической семантики и лексикологии*.

Китайские исследователи лексикологии (историческая лексикология, проблемы словарного запаса, вопросы словообразования) до начала 90-х гг. обращались к материалу буддийских китайских текстов сравнительно редко (исключение могут составлять работы Чжан Юньяня 張永言, Цзян Лихуна 蔣禮鴻 и немногих других) и скорее в контексте общего изучения китайской лексики; однако серьезный поворот к изучению собственно буддийской лексикологии в самых разных ее аспектах (словообразования, вопросы суффиксации, семантических изменений, особенностей структуры слова) начался только в самом конце XX в.

В целом в сфере лексикологических исследований китайского буддийского языка можно отметить следующие области, привлечшие наибольшее внимание ученых ¹².

1. Изучение «редких» или «проблемных» ¹³ слов (*инань цы* 疑難詞), ставшее предметом внимания главным образом лексикографов, пионером среди которых в этой области по праву считается Цзян Лихун, составивший еще в 1959 г. толковый словарь встречающихся в дуньхуанских *бяньвэньях* необычных слов (выдержавший несколько дополненных переизданий и не утративший своей актуальности и по сей день) [Jiang, 1998]; кроме него следует отметить лексикографические труды по буддийской лексике Ли Вэйци 李維琦, Цэн Чжаоцуна 曾昭聰 и Чжан Тин 張婷, толковые

¹¹ Детальный, хотя и очевидно неисчерпывающий перечень работ (с кратким описанием и анализом основных положений) см. [Чжу Цзянин 2008]; мы ограничиваемся здесь лишь самой общей характеристикой данного ряда работ в целях экономии места.

¹² Более подробный обзор и анализ новейших работ см. [Чжу Гуаньмин 2021], [Чжу Цзянин 2000].

¹³ Мы вынуждены использовать эту не совсем удобную терминологию во избежание путаницы, могущей возникнуть в связи с термином «сложный» в русском языке, имеющим значение «проблемный, непростой» и «многосоставный» (в отличие от «простого», «несложного»), т.к. в китайском языкознании (в сфере лексикологии) имеется термин «сложные слова» *фухэ цы* (複合詞), который обозначает слово, состоящее из более чем одной слогоморфемы (подробнее см. [Горелов 1984, с. 20–22]).

лексиконы Цай Цзинхао 蔡鏡浩, Ван Юньлу 王雲路 и Фан Исиня 方一新¹⁴, посвященные историческому анализу буддийской лексики статьи Ли Гоина 李國英, Фан Исиня, Чжан Сяояня 張小豔, Ван Чанлиня 王長林 и ряда других исследователей исторической лексикологии.

2. Связь буддийской лексики и истории развития «часто используемых слов» (*чанъюн цы* 常用詞) в китайском языке привлекла внимание специалистов по лингвистической семантике, проследивших процессы изменения лексического значения наиболее часто используемых в буддийских текстах слов (а также групп слов, т.е. фразеологических единств) и этапы и механизмы их проникновения в живой повседневный язык (статьи Ван Вэйхуэя 汪維輝, Юй Лимина 俞理明 и Тань Дайлуна 譚代龍, анализ изменения семантических полей в частотной буддийской лексике в работах Цзян Лили 姜黎黎 и Цзян Синлу 姜興魯).

3. Междисциплинарный подход на стыке текстологии и языкознания (филологии в более широком смысле слова), предполагающий использование методов сопоставительной текстологии (сравнение исходных санскритских оригиналов с их китайскими переводами) и сверки текстов разных переводов одного и того же произведения в целях выявления и установления механизмов формирования собственно словарного фонда буддийского китайского языка и процессов, способствовавших образованию «новых» (для китайского языка) слов. Данный комбинированный метод уже дал некоторые интересные для исторической лексикологии китайского языка результаты (см., например, статьи Чжу Гуаньмина 朱冠明 и Дуань Цина 段晴, Цю Бина 邱冰, Цзян Аошун 江傲霜, Ван И 汪禪 и других, посвященные исследованию с применением данной методики отдельных сутр и содержащейся в них лексики).

Исследование истории проникновения иноязычной, т.е. новой для китайского языка буддийской лексики, в живой разговорный язык и механизмов ее усвоения привлекало к себе уже таких крупных специалистов, как Ван Ли 王力, обратившего внимание на три слоя буддийской лексики, вошедшей в словарь китайского языка: узкоспециальные слова, применявшиеся только буддийскими учеными-монахами (и им одним, соответственно, понятные¹⁵) типа *божэ* 般若 ‘парамита’, *юпосэ* 優婆塞 ‘упасака’ (по большей части представляющие собой «транскрипцию» соответствующего санскритского слова); слова буддийские, но уже проникшие в мирской обиход и употребляемые в живом языке (типа *хэшан* 和尚 ‘монах’, *пуса* 菩薩 ‘бодхисаттва’ и пр.); и такие слова, которые, будучи буддийскими по своему происхождению, настолько глубоко вошли в живой язык, что его носители едва ли ассоциировали их с буддизмом (*шицзе* 世界 ‘мир’, *сяньцзай* 現在 ‘сейчас; настоящее [время]’, *цзего* 結果 ‘результат’, *юаньмань* 圓滿 ‘довольный, удовлетворенный’ и пр.) [Wang Li, 1980/2002].

¹⁴ Хотя [Цай 1990], [Ван-Фан 1992] и не посвящены непосредственно буддийской лексике, тем не менее в них включен достаточно большой объем слов, встречающихся в буддийских произведениях, поэтому они вполне могут быть отнесены к данному перечню.

¹⁵ Разумеется, в идеале. В действительности, значение подобных слов (и тем более их санскритский аналог) знала крайне малая часть буддийского ученого духовенства.

Вопросы семантического анализа буддийской лексики позволили некоторым ученым (в их числе Чжу Гуаньмину) высказать ряд интересных предположений относительно механизмов семантического изменения и, соответственно, употребления исконно китайских слов под влиянием буддийского языка¹⁶.

Так, в ходе изучения семантического изменения лексики под влиянием буддийского языка, Чжу Гуаньмин выдвинул теорию «[семантической] трансплантации» (*ичжи* 移植), заключающуюся в том, что, по его мнению, в процессе перевода сутр на китайский язык переводчики «расширяли» семантическое поле используемых слов родного языка, добавляя к близким, но «идеологически нейтральным» значениям новое, буддийское, и вводя таким образом в оборот по сути слово с новым значением (или семантическим оттенком, однако превалирующим над остальными: таково, например, специфически буддийское значение нейтрального в принципе глагола *чи* 持 ‘держать, иметь при себе’ как ‘памятовать, удерживать в сознании’ и т.п.) [Zhu Guanming, 2008].

Данная гипотеза нашла своих последователей, которые вполне успешно применяют ее для анализа среднекитайской лексики, подвергшейся подобной семантической «трансплантации» (см., например, статью Цю Бина о возникновении в среднекитайском языке под буддийским влиянием явления прямого дополнения в виде слов *янь* 言 или *юй* 語 при глаголе *шо* 說 ‘говорить’, чего не наблюдается в языке текстов предшествующих периодов [Qiu Bing, 2008]).

В сфере словообразования материалы языка буддийских текстов также позволили исследователям сделать ряд открытий, связанных с той ролью и влиянием, которые оказал буддийский китайский язык на словообразовательные механизмы среднекитайского языка, а затем и *байхуа*. Так, Лян Сяохун 梁曉虹 в своей работе, посвященной влиянию структуры буддийской лексики на развитие китайского словообразования и словарного состава [Liang, 1994, p. 14-34], выделил четыре типа «гибридных» санскритско-китайских словообразовательных моделей, в которые входят: а) модель типа «санскритская транскрипция+китайское слово» (наподобие слова *Фо фа* 佛法 ‘учение Будды; Дхарма’); б) модель «китайское слово+санскритская транскрипция» (словосочетания типа *цаньчань* 參禪 ‘практиковать *дхьяну*, сосредоточение’, *гаосэн* 高僧 ‘выдающийся член *сангхи*, монах’)¹⁷; в) модель типа «новообразованный иероглиф+китайское слово» (например, *мо ван* 魔王 ‘царь демонов, Мара’, где иероглиф *мо* 魔

¹⁶ Это влияние представляется настолько серьезным, что высказывается даже идея о «буддизации китайской лексики» (Фо хуа Хань цы 佛化漢詞) [Лян 1994, с.65-85], в процессе которой за нейтральными семантически словами закрепляется (и сохраняется в дальнейшем) именно специфически буддийское значение.

¹⁷ Безынтересно отметить, что модели а) и б), т.н. полукальки, встречаются и в других языках (именно в контексте переводной книжной культуры), например, в текстах православной церкви на церковнославянском языке: так, фраза из «Херувимской песни» литургии св. Иоанна Златоуста «...ангельскими невидимо дориносима чинми...», т.е. «незримо сопровождаемого в качестве телохранителей ангельскими чинами» (культурная отсылка к ритуалу сопровождения римского императора телохранителям, первоначально буквально несшими его на закрепленном на копьях щите) содержит подобное слово-полукальку «дориносима», взятую из греч. *дорифороῦμενον*, с сохранением транскрибированного греч. *дору* ‘копье’ и переводом на славянский греч. *фороῦμενον* ‘несомого, носимого’. «Гробы повапленные» из Евангельского текста также являются подобной полукалькой, когда греч. глагол *βαλτω* в значении ‘окрашивать ч-л.; украшать; белить’ был попросту транскрибирован и оформлен славянскими словообразовательными элементами.

представляет собой новообразованный знак, в до-буддийском Китае не существовавший) и *d)* модель синонимического словосложения по типу «санскритское слово+китайское слово», где обе части представляют собой близкое или синонимичное по смыслу слово (типа *нигу* 尼姑 ‘бхикишуни, буддийская монахиня’, причем слог *ни* 尼 представляет собой урезанное [бичу]ни [苾芻]尼, а *гу* 姑 является исконно китайским обозначением женщины (обычно престарелой) с последующим развитием значения «инокиня»).

Немалое влияние на словообразовательные механизмы китайского языка оказали буддийские лексические модели «отрицательный элемент¹⁸+корнеслог» (как результат калькирования санскритского отрицательного префикса *a-*, *an-*) типа *бу жэнь* 不忍 ‘нестерпимый, непереносимый’, *вэй цзю* 未久 ‘недолгий, недолго; скорый’, *у чжи* 無知 ‘неведомый; непонимающий’, *фэй цзя* 非家 ‘лишенный дома; бездомный’, *у лян* 無量 ‘бесчисленный, неисчислимый’, *у шан* 無上 ‘непревзойденный, высочайший (как эпитет Будды), букв. «[тот,] выше [которого никого] нет» и т.п. Статистический анализ, проведенный Чжу Цинчжи на материале словарей современного китайского языка, показал, что эта модель сыграла большую роль в словообразовательных процессах, причем большая доля приходится на конструкции с отрицанием *бу* 不 и *у* 無 (соответственно 320 и 204 позиции), тогда как отрицательная морфема *фэй* 非 представлена всего лишь 27 примерами [Zhu Qingzhi, 2000].

Интерес исследователей в области словообразования привлекло также явление лексической контракции¹⁹ (*цзяньчэн гоуцыфа* 簡稱構詞法), столь частое в буддийских текстах (типа *сань ши* 三世 ‘три поколения/эпохи’ т.е. 過去世 ‘прошлое’, 現在世 ‘настоящее’, 將來世 ‘грядущее»; *сы го* 四果 ‘четыре плода [духовного совершенствования]’ и т.д.) и унаследованное современным китайским языком (*шуйлу цзяотун* 水陸交通 ‘водное и наземное сообщение’, *сянцзюй цзюйминь* 城鄉居民 ‘жители города и деревни’ и т.п.), в чем видится (и судя по всему — вполне справедливо) влияние именно буддийской словообразовательной парадигмы [Zhu Qingzhi, 2000].

Еще одной немаловажной темой, затрагиваемой в ходе изучения лексикологии буддийского китайского языка, стала проблема диссилабизации китайских слов (*шуаниньхуа* 雙音化), т.е. возрастание слов, состоящих из двух (и более) слогов, и постепенное вытеснение односложных слов (*даньинь цы* 單音詞) либо замена их на двуслоги. Ху Чижуй 胡敕瑞, проведя сравнительный анализ лексики из трактата «Лунь хэн» 論衡 и из поздниханьских буддийских текстов, отмечает поразительный рост двуслогов именно как аналогов или замены односложных слов классических китайских текстов (в «Лунь хэн» отмечено только 4 двусложных слова, тогда как буддийские тексты содержат ок. 93); очевидна тенденция как к фонологическому, так

¹⁸ Современные китайские языковеды используют термин «отрицательный префикс» (фоундин цянъчжуй 否定前綴), тогда как отечественная лингвистическая традиция предпочитает использовать понятие отрицательной частицы, либо отрицательной препозитивной морфемы [Горелов 1984, с. 43]. Более корректным нам представляется отечественное употребление термина.

¹⁹ В переводе данного термина словом «контракция» вместо «аббревиация» мы следуем за теоретической аргументацией В.И. Горелова [Горелов 1984, с. 85–92], предлагавшего рассматривать подобное явление в китайском именно как особую разновидность аббревиации в силу морфологических особенностей этого языка.

и словообразовательному замещению: так, однослог *бэй* 備 ‘уготовать, подготовить’ замещается на *бэйбянь* 備辦, *цзинь* 矜 ‘безответственный, надменный’ — на *цзыда* 自大 или *гунгао* 貢高, *ти* 涕 ‘слеза, слезы’ — на *яньлэй* 眼淚 и т.п. [Hu Chirui, 2002].

Среди причин этого исследователи выделяют, помимо внутренней эволюции словообразовательного механизма китайского языка (вызванной, несомненно, не в последнюю очередь фонетическими изменениями строя языка), ритмико-просодические требования текста (носящего в большинстве случаев прозоритмический характер), особенности буддийской разновидности китайского языка и влияние санскритского (или во всяком случае не китайского, а индо-иранского) оригинала, принимая во внимание богатую и развитую словообразовательную систему индоевропейских языков (особенно санскрита) [Liang, 1994; Yu Liming, 1993].

Грамматические особенности буддийских китайских текстов обратили на себя внимание исследователей уже в начале XX в.²⁰ и продолжали привлекать к себе интерес вплоть до начала 90-х гг., однако все это носило либо несистематически характер исследований *ad hoc*, либо было инкорпорировано в более общие историко-грамматические изыскания, оставаясь не более чем примерами, хотя и небезынтересными для изучения истории развития китайского языка.

Уже Лян Цичао 梁啟超 (1920/2001) замечал практическое отсутствие в буддийских текстах распространенных в *вэньяне* служебных слов и большое количество инверсивных предложений (*даочжуан цзюйфа* 倒装句法). Такие крупные китайские лингвисты, как Ван Ли и Люй Шусян 呂叔湘, использовали буддийские материалы в своих исследованиях 30-х и 40-х гг., затрагивая вопросы происхождения и развития местоимений третьего лица *та* 他, отрицательных частиц *у* 毋 и *勿*, определительной частицы *ди* 底 и пр.; Чжоу Илян 周一良 (сер. 40-х гг.) проследил возникновение конструкции «переходный глагол — *юй* 於 — дополнение» именно на основании буддийских текстов, отмечая, что до периода Поздняя Хань подобной конструкции не наблюдалось и она распространилась в китайском языке благодаря буддийскому влиянию; Гао Минкай 高名凱 (1948) обратил внимание на оформление местоимения *та* в местоимение 3 л. именно в буддийских текстах; Чжоу Фагао (1953), опираясь во многом именно на материал буддийских китайских текстов, поднял вопрос о возникновении и особом употреблении вспомогательного глагола *дэ* 得 и грамматикализации слова *ши* 是 и превращении его в связочное слово²¹.

Такого рода разрозненные, хотя и весьма важные исследования продолжались на начала 90-х гг. прошлого столетия, когда наконец изучение буддийского китайского языка стало оформляться в отдельное направление в историческом языкознании (во

²⁰ Справедливости ради надо отметить, что первым, кто обратил внимание на особенности буддийской разновидности китайского языка не только с фонетической и лексикологической точки зрения, но и со стороны грамматики, был Т. Уоттерс, посвятивший буддийскому китайскому целую главу своей монографии, вышедшей еще в 1899 г. В частности, Уоттерс отмечал сильное влияние санскрита на язык буддийских переводных сочинений в использовании слов *гу* 故 и *чжун* 中 как аналогов соответственных санскритских падежей инструменталиса (творительного ‘посредством, на основании ч.-л., к.-л.’) и локатива (местного ‘где-либо, в’).

²¹ Подробнее см. [Zhu Qingzhi, Zhu Guanming, 2006, p. 414–418].

многим благодаря работам Чжу Цинчжи, по сути выделившего китайский буддийский язык в отдельную историческую разновидность китайского и давшего ему его современное название).

В области изучения грамматических особенностей языка буддийских китайских текстов целесообразным представляется выделить два уровня, естественным образом связанных между собой, но справедливо (с целью проследить их историческое развитие более детально) рассматриваемых китайскими лингвистами по-отдельности: проблемы *морфологии* (конкретнее — т.н. служебных слов; реже — знаменательных) и вопросы *синтаксиса* (главным образом — некоторых синтаксических конструкций и ряда типов предложений)²².

Наибольший интерес в сфере *морфологических* категорий представляют в настоящее время следующие аспекты (во многом унаследованные от предшествующих исследователей, первыми сформулировавших эти проблемы, но также и целый ряд новых вопросов, ими не учтенных, или ревизия старых положений, представляющихся ныне неверными):

а) вопросы, связанные с возникновением или развитием категории *местоимений* (*дайцзы* 代词) — спектр исследований простирается от уже рассматривавшегося ранее *та* 他 (эволюционировавшего в буддийских текстах от значения ‘другой человек, тот (указание на дальний объект)’ до собственно личного местоимения ‘он, она’ (Сян Си 向熹 и Юй Сяожун 遇笑容 датируют возникновение этого значения периодом Лючао 六朝 (222–589), тогда как Юй Лимин 俞理明 и ряд других исследователей предлагают датировать этот переход эпохой Тан) до специфического использования слова *жэнь* 仁 в буддийских текстах как обозначения ‘оба; эти двое’ (проблема, впрочем, остается спорной; подробнее см. [Zhu Qingzhi, Zhu Guanming, 2006, p. 419]).

Внимание исследователей привлекло также возникновение указательных местоимений *чжэ* 這 и *на* 那 (а также использование последнего в функции вопросительного), датируемых достаточно ранним периодом (II–III в.н.э.) и в большом количестве встречающихся именно в буддийских текстах. Показателен также интерес к «местопредикативам» — сложным словам, получившим большое развитие уже в среднекитайском языке, обозначающим место нахождения (в или между, среди) или помещения — типа *цы/ши/би чжун* 此/是/彼中 и *цы/ши/би цзянь* 此/是/彼間 [Chen, 1999];

б) вопросы, касающиеся глагольного словообразования и появления новых форм глагольных конструкций (хотя этот раздел уместнее было бы отнести к синтаксису): например, развитие т.н. сериальной или цепочечной глагольной формы типа «глагол₁+глагол₂» уже в буддийских текстах, приписываемых Чжи Цяню 支謙 (т.е. примерно в сер. III в. н.э.) [Zhu Jianing]; проблемы возникновения и развития т.н. видо-временных показателей *лэ/ляо* 了, *чжэ/чжао* 著 (вопросы эти до сих пор остаются

²² В данной работе мы принимаем (особенно в том, что касается проблемы грамматических категорий китайского языка) терминологию и теоретические положения отечественной лингвистики, нашедшие свое отражение в [Горелов, 1989]; терминология некоторых китайских авторов может сильно отличаться не только от терминов, принятых в отечественной синологической лингвистике, но и от общепринятой китайской терминологической номенклатуры.

спорными, однако общепризнанным фактом является то, что большинство ученых относит начало грамматикализации этих некогда полнозначных глаголов именно эпохой буддийских переводов, приводя достаточно внушительный иллюстративный материал из сутр), а также т.н. инхотативного (начинательного) показателя *кань* 看 (аналогичного русскому «ну-ка» или суффиксу «-ка»: типа «давай-ка», «погляди-ка» и т.п.; несмотря на разницу во взглядах относительно точных функций и механизмов грамматикализации этого слова, — глагола со значением «глядеть» — исследователи в целом сходятся на времени его появления между III и V в., т.е. эпохами Вэй-Цзинь 魏晉 и Лючао 六朝).

Сюда же можно отнести и работы, посвященные изучению возникновения и оформления т.н. вспомогательных глаголов направления действия *лай* 來 и *цуй* 去 (см., напр., статью [Long, 2005]);

в) вопросы развития новых и замещения ими старых форм наречий (например, появление в буддийских текстах обобщающего наречия *гань* 敢, вытеснившего традиционное для произведений на *вэньяне* *фань* 凡; необычная функция редуцированного слова *ши* 時 (*шиси* 時時) в значении ‘вот-вот; чуть-чуть не’; появление сложносоставных наречий типа *цзяньгутун* 將無同; распространение наречия *доу* 都 и пр.), образования новых вспомогательных частиц с использованием (и переосмыслением) старых служебных слов (типа *со* 所: *сои* 所以, *юсо* 有所, *усо* 無所 и т.д.), употребления в новом значении экспрессивных конечных частиц *лай* 來 и *цуй* 去 (развившихся из функции вспомогательных глаголов направления действия) и др.²³

Что касается изучения *синтаксических* особенностей китайского буддийского, то в этой области можно выделить несколько наиболее интересных и перспективных направлений:

а) проблемы «копулятивных», или «связочных предложений» (*паньдуань цзюй* 判斷句), главным образом, время возникновения и развития связочной частицы *ши* 是 (первоначальное значение — указательное местоимение ‘это’)²⁴. Исследователи буддийских китайских текстов выделяют две крайние границы, в которых могло произойти оформление *ши* 是 в связку: самое раннее — эпоха Восточной Хань (東漢, I в. — нач. III в.), самое позднее — эпоха Тан (т.е. VII в. — нач. X в.)²⁵. Выдвигалась версия о том, что уже в период Вэй-Цзинь (魏晉, т.е. III-V вв.н.э.) в буддийских текстах конструкции с *ши* носят связочный характер (так, к такому выводу исследовате-

²³ Более детальный и подробный обзор и анализ подобных работ см. [Zhu Qingzhi, Zhu Guanming, p. 418–426], [Zhu Guanming, 2021, p. 168–170] и [Zhu Jianing, 2009, p. 45–54].

²⁴ Исходной моделью, по всей видимости, могла послужить распространенная в *вэньяне* рамочная конструкция *ши...е* 是...也 ‘это есть что-л.; это [значит] то-то’. Подробнее см. [Никитина, 2005, с. 246–247], где данная конструкция условно названа «разъяснительной».

²⁵ Ряд исследователей выдвигал версию о возникновении *ши* в качестве связки уже в эпоху Воюющих царств (戰國, т.е. между V в. и III в. до н.э.), однако данное предположение едва ли применимо к изучению буддийских китайских текстов, возникших гораздо позже. Подробнее см. [Zhu Qingzhi, Zhu Guanming, p. 427].

лей подвела часто встречающаяся в переводах сутр конструкция типа *юХшиХ* 有 Х 是 Х ‘такое-то есть то-то’, см., например, [Tang, 1993]).

Сюда же можно отнести и конструкцию типа «именная группа+имя+ши 是» (как, например, в предложении *Эрши сянван чжэ во шэнь ши е* 爾時象王者, 我身是也, букв. ‘в то время царь слонов — это и был я сам’ (слова Будды об одном из своих прежних воплощений)), относительно происхождения и функций которой среди ученых нет единого мнения (выдвигаются версии санскритского влияния, синтаксической транспозиции, либо отражения обычного для сино-тибетских языков порядка слов «подлежащее-дополнение-сказуемое», детальный обзор см. [Zhu Qingzhi, Zhu Guanming, 2000, p. 428-429], [Zhu Guanming, 2021, p.172])²⁶;

б) вопросы возникновения и развития конструкций с дополнительным элементом (*дунбу цзегоу* 動補結構)²⁷ типа современного *дасы* 打死 ‘забить насмерть’ (например, встречающаяся в буддийских текстах фраза *цзинь дан да жу цянь лян чи чжэ* 今當打汝前兩齒折 ‘вот сейчас выбью оба твоих передних зуба (букв. «сейчас ударю твоих передних два зуба [так, что они] сломаются»)), причем ряд исследователей датирует время появления подобных конструкций уже до-танской эпохой (не позднее периода Шести династий 六朝, т.е. III–VI вв. н.э.).

Исследователи колеблются в определении характера данного глагольного дополнения, предлагая варианты истолкования в диапазоне от результативного дополнения до дополнения «случайного» результата (при этом важно отметить, что такого рода конструкции в качестве дополнительного глагольного элемента содержат слово с отрицательным, негативным значением разрушения, утраты или причинения вреда, как-то: *сы* 死 ‘умирать’, *ша* 殺 ‘убить, привести к смерти, гибели’, *бай* 敗 ‘терять, лишаться’, *по* 破 ‘ломать, разбивать’, *шан* 傷 ‘ранить, поранить’, *хуай* 壞 ‘повредить, причинить вред’ и т.п., подробнее см. [Jiang Shaoyu, 1999].

Возникновение и распространение подобных конструкций исследователи связывают с тем, что ставшая нормой в буддийских текстах «четырёхзначная модель» текста (*сы цзы гэ вэньти* 四字格文體) вынуждала переводчиков прибегать к (нередко искусственной) диссилабизации слова (причем осуществлялось это по трем моделям: 1) соединение синонимичных или близких по значению слов (типа *каньцзянь* 看見 ‘смотреть’+ ‘видеть’); 2) к результативному глаголу присоединяется слово со значением действия, приводящего к этому результату (типа *дапо* 打破 ‘ударить’+ ‘разбить(ся)’); 3) присоединение глагола с нейтральным значением совершения действия вообще (типа *син* 行+глагол));

в) вопросы конструкций с препозицией дополнения (*чучжи ши* 處置式) — предшественников современных конструкций с *ба* 把 и *цзян* 將 (причем предложения с *цзян* 將 возникают уже в период Вэй-Цзинь (魏晉, т.е. III–V вв. н.э.) и становятся

²⁶ Мы, в свою очередь, придерживаемся мнения, что это одна из разновидностей конструкции, указанной в сн. 24.

²⁷ Терминологически мы следуем здесь [Горелов 1989, с.128], поскольку китайский термин *бу* 補語 отличается от обычного *бинью* 賓語 ‘дополнение’ по целому ряду признаков. В отечественном языкознании также используется термин ‘дополнительный член’.

многочисленными в текстах эпохи Суй (隋代, конец VI — начало VII вв. н.э.), тогда как конструкции с *ба* 把 датируются не раньше периода Тан). В китайских буддийских текстах аналогом двух этих показателей препозиции дополнения служили грамматикализованные морфемы *чи* 持 (глагольное значение ‘держать’) и *цзюй* 取 (с глагольным полноценным значением ‘брать’), употребление которых в данной функции фиксируется уже эпохой Восточная Хань (например, фраза из буддийского текста *чи фа ши юй жэнь* 持法施與人, буквально ‘держаться *дхармы*-закона [и] подавать вспомоществование людям’). Относительно причин возникновения и распространения такого типа конструкций среди исследователей нет единого мнения: выдвигаются предположения о развитии зафиксированной в древнекитайском языке конструкции с *и* 以 (типа *и...вэй...* 以... 為 ‘делать/считать кого-л./что-л. кем-л./чем-л.’), об упрощении сложной конструкции типа «*чи* 持/*цзюй* 取+дополнение₁+глагол+дополнение₂» в конструкцию «*чи* 持/*цзюй* 取+дополнение₁+глагол» с утратой второго дополнения либо его дублированием первым, и, наконец, гипотеза о возможном санскритском влиянии, учитывая, что в санскритских текстах дополнение часто предшествует глаголу (см., например, [Cao, Yu, 2000]);

г) проблемы возникновения, трансформации и дальнейшего развития пассивных конструкций (*бэйдун цзюй* 被動式), причем внимание уделяется как сложным (вероятнее всего, унаследованным из *вэньяня*) образованиям типа «*...вэй* 爲...*соцзянь* 所見+глагол» (причем в таких формах в буддийских текстах элемент *вэй* часто опускается, а элемент *цзянь* представляется уже грамматикализовавшимся, т.е. утратившим значение глагола ‘видеть’) (см., в частности, [Zhu Qingzhi, 2013]), так и возникновению и развитию пассивных конструкций с *бэй* 被, сохранившихся в современном китайском языке. Касательно возникновения последней конструкции мнения исследователей расходятся: одни видят в ней трансформацию древнекитайской конструкции «*...вэй* 爲...*со* 所+глагол», при которой *вэй* замещается *бэй* 被, элемент *со* 所 редуцируется и получается конструкция *бэй* 被+глагол; другие полагают, что имела место простая грамматикализация полнозначного глагола *бэй* 被 ‘покрывать(ся)’ с изменением значения на показатель пассива следующего за ним глагола; третьи выдвигают версию о трансформации конструкции типа «*X* 被 *Y* 害» ‘*X* претерпел вред от *Y*’. Единого мнения по этому вопросу пока не существует, однако проведенные статистические исследования показывают экстенсивный рост использования в буддийских текстах конструкций с *бэй* 被, начиная с эпохи Лючао (III–VI вв. н.э. — 15%) и до периода Тан (87%) (см. подробнее [Zhu Qingzhi, Zhu Guanming, 2006, p. 434–436], [Zhu Jianing, 2009, p. 42–43]).

Кроме вышеперечисленных тем, китайские исследователи, разумеется, затрагивают в своих исследованиях особенностей языка китайских буддийских текстов и многие другие: вопросы каузативных конструкций с элементом *лин* 令 (типа «глагол+*лин* 令+глагольная группа» — ‘сделать нечто приводит к тому, что возникает/происходит то-то’), развитие сравнительных конструкций типа «*жо* 若 *A* *жо* 若 *B*», анализ рамочных конструкций обобщающего типа (обычных для начала сутр) «*юй* 與+именная группа+*цзюй* 俱» ‘вместе с[о всеми]...; с... вместе’, «уподобительных»

оборотов типа «*жу* 如.....*дэн* 等 /*сюй* 許» — ‘подобно всем...; как и...’, временных конструкций с *вэйцэн ю* 未曾有 ‘пока не...; покуда не...’ и т.п. Однако приведенных выше примеров тем и направлений в изучении грамматических особенностей буддийского китайского языка кажется вполне достаточно для того, чтобы дать картину положения дел в данной сфере и показать важность и актуальность этих исследований не только для истории переводов буддийских текстов на китайский язык, но и для изучения собственно исторического развития самого китайского языка под влиянием т.н. буддийской его разновидности.

Выводы

Как можно видеть, за почти четыре десятилетия своего существования изучение языка буддийских китайских текстов затронуло самые разнообразные аспекты и области этого явления, включающие в себя как вопросы фонетики и грамматики (как в узком, морфологическом, так и в широком, синтаксическом, смыслах), так и проблемы лексикологии и семантики (в том числе и вопросы палеографического характера, касающиеся т.н. вариантных написаний иероглифов). Многое в этих исследованиях остается спорным, однако в целом становится очевидным, что такое явление, как буддийский китайский язык в качестве разновидности среднекитайского литературного языка, имеет вполне важное значение для целого ряда сфер исследования — истории языка, литературы, идеологии, истории религии в Китае и даже для этнопсихологии. Ниже мы попытаемся кратко отметить те проблемы и темы, которые, на наш взгляд, не получили удовлетворительного решения либо не были затронуты (по крайней мере в той степени, в которой, как нам кажется, они этого заслуживают).

1. Проблема названия и определения характера изучаемого явления. Большинство авторов использует термин «язык буддийских переводов, или буддийских классических сочинений» (*фодянь юйянь* 佛典語言), что, как нам представляется, неправомерно сужает границы явления, выходящего гораздо дальше за пределы просто переводной литературы.

Так, при подобном подходе за рамками исследования оказывается целый пласт текстов, не входящих в т.н. китайскую Трипитаку, но написанных именно на той разновидности китайского языка, которая формировалась в течение длительной истории переводов буддийских сутр (например, автохтонные тексты отдельных буддийских китайских школ, типа «Линь-цзи лу»²⁸ 臨濟錄, тексты *бяньвэней* и т.п.). Кроме того, не совсем проясненным остается характер языка, представляющегося при таком подходе лишь языком переводной литературы и существующим в рамках только письменной культуры, что, как очевидно, неверно.

Если попытаться сформулировать определение этого языка с учетом как узко лингвистических, так и социолингвистических особенностей, то наиболее приемлемым, на наш взгляд, кажется следующее: это *буддийский среднекитайский религиозно-*

²⁸ См. замечательный русский перевод с приложением грамматического очерка И.С. Гуревич: «Линь-цзи лу». Вступ. ст., пер. с кит., коммент. и граммат. очерк И.С. Гуревич. СПб., «Петербургское Востоковедение», 2001.

лект, при этом важно принять во внимание: а) специфически буддийский характер этого языка; б) хронологические рамки его формирования (приходящиеся именно на оформление среднекитайского) и в) его социолингвистический характер, рассматривая термин *религиолект*²⁹ как разновидность языка, имеющую хождение в определенной религиозной группе или общине и не ограничивающуюся исключительно письменными текстами (поскольку большинство членов религиозной группы были либо вообще неграмотными, либо малограмотными, что естественно предполагало устную форму коммуникации в большинстве случаев).

Поскольку же буддийская община не представляла собой изолированное явление, а была неразрывно инкорпорирована в тело китайского социума, то в процессе коммуникации неизбежно возникал языковой взаимообмен, в процессе которого буддийский религиолект проникал в живой для тех периодов язык, обогащая его и в свою очередь обогащаясь от него³⁰. Таким образом, феномен буддийского китайского языка представляет собой нечто большее, чем простой язык переводов.

2. Еще одной проблемой общего свойства представляется отсутствие критического издания китайских буддийских текстов *en masse* (при том, что отдельные произведения в последнее время стали издаваться критически в соответствии с требованиями современной текстологической науки), поскольку в «классических» изданиях (вроде ТСД³¹) содержится ряд ошибок, неизбежно перекочевывающих в электронные базы данных типа СВЕТА и тем самым затрудняющих или осложняющих работу с большими массивами данных.

3. Не меньшей проблемой оказывается отсутствие обобщающих историко-грамматических работ, которые охватывали бы по возможности весь период формирования и развития буддийского китайского языка, аналогичным работам отечественных языковедов (И.Т. Зограф, И.С. Гуревич и пр.), построенных на широком материале (не только буддийских текстов) и в широкой диахронной перспективе.

Сюда же можно отнести и проблему нехватки учебных пособий по этой специфической разновидности среднекитайского языка, востребованных не только буддологами, но и историками и лингвистами³².

²⁹ Термин был предложен в применении к этой разновидности китайского языка в 2009 г. немецким синологом Конрадом Майзигом, ограничившимся, правда, исключительно языком переводных текстов, что нам кажется неправомерным сужением проблемы.

³⁰ Сюда же следует добавить и влияние письменного языка вэньянь, а не только живого разговорного.

³¹ 大正新修大藏經 Тайсё синсю Дайдзокё (Заново отредактированная Трипитака годов Тайсё). Т. 1–100. Токио, 1960–1977. Изначально текст ТСД компилировался в первой четверти XX в. и включал самые разные тексты, в т.ч. и небуддийские (манихейские, христианские тексты цзинцзяо); текстологическая работа над ними, в силу определенных причин была проведена неудовлетворительно, отчего тексты содержат в себе немало ошибок и повторов.

³² Проблема отсутствия учебных пособий актуальна главным образом для западных, некитайских исследователей. Пособия типа Graham Lock, Gary S. Linebarger. Chinese Buddhist Texts. An Introductory Reader. (L., NY 2018) представляют собой скорее исключение. Китайские и японские учебные пособия построены по своим специфическим принципам и едва ли применимы (по крайней мере без существенной переработки) для обучения европейского студента.

Как видно из вышеизложенного, в области изучения буддийского китайского языка уже достигнуты определенные результаты, хотя и остается много спорных вопросов и неоднозначных выводов (что неизбежно для этого сравнительно молодого и пока еще только развивающегося направления); тем не менее сказанного кажется достаточным для того, чтобы привлечь внимание и интерес отечественных исследователей к этой важной и во многом недооцененной сфере китайской культуры, дальнейшее изучение которой (желательно в междисциплинарном аспекте) может принести новые открытия и предложить новые неожиданные перспективы.

Библиографический список

- Горелов В.И. Лексикология китайского языка. М.: «Просвещение», 1984.
 Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка. М.: «Просвещение», 1989.
 Никитина Т.Н. Грамматика древнекитайских текстов. М.: «Восток-Запад», 2005.
 Яхонтов С.Е. История языкознания в Китае (I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.) / История лингвистических учений. Древний мир. Л.: «Наука», 1980. С. 92–109.
 Яхонтов С.Е. История языкознания в Китае (XI–XIX вв.) / История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л.: «Наука», 1981. С. 224–247.

References

- Gorelov V.I. (1984). Leksikologija kitaiskogo jazyka [Lexicology of Chinese]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).
 Gorelov V.I. (1989). Teoreticheskaya grammatika kitaiskogo jazyka [Theoretical grammar of Chinese]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).
 Nikitina T.N. (2005). Grammatika drevnekitajskikh tekstov [A Grammar of old Chinese texts]. Moscow: Vostok-Zapad. (In Russian).
 Jaxontov S.E. (1980). Istoriya jazykoznaniya v Kitae (I tys. do n.e.-I tys. n.e.) [Historical survey on Chinese linguistic teachings: I millennium BC — I millennium CE]. Leningrad: Nauka. (In Russian).
 Jaxontov S.E. (1981). Istoriya jazykoznaniya v Kitae (XI-XIX v) [Historical survey on Chinese linguistic teachings: XI–XIX c.]. Leningrad: Nauka. (In Russian).
 * * *
 Cai Jinghao (1990). 蔡鏡浩. Wei-Jin Nanbeichao ciyu lishi 魏晉南北朝詞語例釋 [Words from Wei-Jin Nanbeichao period with examples and explanation]. Nanjing: Jiangsu guji chubanshe. (In Chinese).
 Cao Guangshun, Yu Xiaorong (2000). 曹廣順, 遇笑容. Zhongguo yijing zhong de chuzhishi 中古譯經中的處置式 [Disposal construction in Middle Chinese translated sutras]. Zhongguo yuwen 中國語文. No. 6. (In Chinese).
 Chen Wenjie (1999). 陳文傑. Cong zaoqi Hanyi fodian kan Zhonggu biaofoang suo de zhishi daici 從早期漢譯佛典看中古表方所的指示代詞 [Demonstrative pronouns of direction from early Chinese Buddhist translations]. Guhanyu yanjiu 古漢語研究. No. 4. (In Chinese).
 Coblin (1999). Periodization in Northwest Chinese Dialect History. Journal of Chinese Linguistics. 27.1. P. 104–119.
 Hu Chirui (2002). 胡敕瑞. Lunheng yu Dong Han fodian ciyu bijiao yanjiu 〈論衡〉與東漢佛典詞語比較研究 [Comparative studies of the lexicon of Lunheng and Eastern Han Buddhist Scriptures]. Chengdu: Ba Shu shu she. (In Chinese).
 Jiang Lihong (1998). 蔣禮鴻. Dunhuang bianwen ziyi tongshi 敦煌變文字義通釋 [Explanations of the meaning of characters from Dunhuang 'transformation texts']. Shanghai: Shanghai guji chubanshe. (In Chinese).
 Jiang Shaoyu (1999). 蔣紹愚. Hanyu donjieshi chansheng de shidai 漢語動結式產生的時代 [Date of the origin of resultative verbal model in Chinese]. Guoxue yanjiu 國學研究. No. 6. (In Chinese).

- Karlgren B. (1915). Etudes sur la phonologie chinoise. Archives d'études orientales, XV, 1–2. Upsala.
- Liang Qichao (1920/2001). 梁啟超. Fanyi wenxue yu fodian 翻譯文學與佛典 [Translated Literature and Buddhist Scriptures]. In: Foxue yanjiu shiba pian 佛學研究十八篇 [18 Chapters in Buddhist Studies]. Shanghai: Shanghai guji chubanshe. (In Chinese).
- Liang Xiaohong (1994). 梁曉虹. Fojiao ciyu de gouzao yu Hanyu cihui de fazhan 佛教詞語的構造與漢語詞彙的發展 [Lexicological structure of Buddhist words and the development of Chinese vocabulary]. Beijing: Beijing yuyanxueyuan chubanshe. (In Chinese).
- Long Guofu (2005). 龍國富. Cong Zhonggu fojing kan shitai dongci 'lai' ji qi yufahua 從中古佛經看事態助詞“來”及其語法化 [Verb lai and its grammaticalization from Middle Chinese Buddhist texts]. Yuyan kexue 語言科學. No. 1. (In Chinese).
- Luo Changpei (1933). 羅常培. Tang Wudai xibei fangyin 唐五代西北方音 [North-western dialect under Tang-Five Dynasties]. Shanghai. (In Chinese).
- Maspero H. (1920). Le dialecte de T'chang-ngan sous les T'ang. BEFEO 20, p. 1–119.
- Qiu Bing (2008). 邱冰. Shuo+shoushibinyu yan/you tanyuan 說+受事實語‘言’/‘語’探源 [Investigation into the origin of the construction shuo–recipient object yu/yan]. Tianzhong xuekan 天中學刊. No. 3. (In Chinese).
- Schlegel G. (1900). The secret of the Chinese method of transcribing foreign sounds. T'oung Pao. Ser. II. Vol. 1. No. 3. P. 219–253.
- Takata Tokio (1988). 高田時雄. Tonkoo shiryoo ni youru Chigokugoshi no kenkyuu — ku-jusseiki no kasei hougou 敦煌資料による中國語史の研究—九・十世紀の河西方言 [Research on the History of Chinese based on Dunhuang materials — Hexi dialect of 9–10 centuries]. Tokyo. (In Japanese).
- Tang Yuming (1993). 唐鈺明. Shanggu panduanju bianxi 上古判斷句辨析 [Old Chinese copulative sentences — distributive analysis]. Guhanyu yanjiu 古漢語研究. No. 4. (In Chinese).
- Wang Li (1980/2002). 王力. Hanyu shigao 漢語史稿 [Historical survey of Chinese]. Beijing: Zhonghua shuju. (In Chinese).
- Wang Yulu, Fang Yixin (1992). 王雲路, 方一新. Zhonggu Hanyu yuci lishi 中古漢語語詞例釋 [Middle Chinese words with notations and explanations]. Changchun: Jilin jiaoyu chubanshe. (In Chinese).
- Yu Liming (1993). 俞理明. Fojing wenxian yuyan 佛經文獻語言 [Language of Buddhist Scriptures]. Chengdu: Ba Shu shu she. (In Chinese).
- Yu Mei (1999). 俞敏. Yu Mei yuyanxue lunwen ji 俞敏語言學論文集 [Collected papers on linguistics]. Beijing: Shangwu yinshuguan. (In Chinese).
- Zhu Guanming (2008). 朱冠明. Yizhi: fojing fanyi yingxiang hanyu cihui de yizhong fangshi 移植：佛經翻譯影響漢語詞彙的一種方式 [Transplanting: one of the methods of Buddhist translations influencing Chinese vocabulary]. Yuyanxue luncong 語言學論叢. No. 37. (In Chinese).
- Zhu Guanming (2012). 朱冠明. Fojiao Hanyu yanjiu gaikuang 佛教漢語研究概況 [General survey of studies in Buddhist Chinese]. Wenxian yuyanxue 文獻語言學. No. 12. P. 155–186. (In Chinese).
- Zhu Jianing (2006). 竺家寧. Fojing yuyan yanjiu zongshu: cihui pian 佛經語言研究綜述：詞彙篇 [Review of studies in Buddhist Chinese language: Lexicology]. Fojiao tushuguan guankan 佛教圖書館館刊. No. 44. P. 66–86. (In Chinese).
- Zhu Jianing (2007). 竺家寧. Fojing yuyan yanjiu zongshu: ciyi de yanjiu 佛經語言研究綜述：詞義的研究 [Review of studies in Buddhist Chinese language: studies in lexical semantics]. Fojiao tushuguan guankan 佛教圖書館館刊, no. 45, p. 60–76 (In Chinese).
- Zhu Jianing (2008). 竺家寧. Fojing yuyan yanjiu zongshu: ciyi de yanjiu (shang, xia) 佛經語言研究綜述：音義的研究 (上, 下) [Review of studies in Buddhist Chinese language: phonetics and semantics, parts one and two]. Fojiao tushuguan guankan 佛教圖書館館刊. No. 47. P. 127–133; No. 48. P. 112–118. (In Chinese).
- Zhu Jianing (2009). 竺家寧. Fojing yuyan yanjiu zongshu: yinyun wenzi de yanjiu 佛經語言研究綜述：音韻文字的研究 [Review of studies in Buddhist Chinese language: phonology and characters]. Fojiao tushuguan guankan 佛教圖書館館刊. No. 49. P. 109–117. (In Chinese).
- Zhu Jianing (2009). 竺家寧. Fojing yuyan yanjiu zongshu: yufa de yanjiu 佛經語言研究綜述：語法的研究 [Review of studies in Buddhist Chinese language: grammar]. Fojiao tushuguan guankan 佛教圖書館館刊. No. 50. P. 40–57. (In Chinese).

Zhu Qingzhi (1999). 朱慶之. Fodian yu Hanyu yinyun yanjiu — 20 shiji guonei fojiao hanyu yanjiu huigu zhi yi 佛典与汉语音韵研究—20 世纪国内佛教汉语研究回顾之一 [Buddhist scriptures and Chinese phonetic studies — retrospective of 20th century Chinese Buddhist Chinese studies, part one]. Hanyushi yanjiu jikan 漢語史研究集刊. No. 1. P. 302–320. (In Chinese).

Zhu Qingzhi (2000). 朱慶之. Jing fanyi zhong de fangyi ji qi dui Hanyu cihui de yingxiang 經翻譯中的仿譯及其對漢語詞彙的影響 [Influence of translations of sutras on Chinese vocabulary]. In: Zhonggu jindai hanyu yanjiu 中古近代漢語研究 [Studies in Middle and Modern Chinese]. Shanghai: Shanghai jiaoyu chubanshe. (In Chinese).

Zhu Qingzhi (2013). 朱慶之. R wei A suojian V beidong jushi de liding: qian tan Li Mi zhi suojian-mingzhi R 爲 A 所見 V 被動句式的釐定：兼談李密〈陳情表〉之“所見明知” [Reconsiderations and corrections in the passive verbal model ‘R wei A suojian V’]. Guhanyu yanjiu 古漢語研究. No. 4. (In Chinese).

Zhu Qingzhi, Zhu Guanming (2006). 朱慶之, 朱冠明. Fodian yu Hanyu yufa yanjiu — 20 shiji guonei fojiao hanyu yanjiu huigu zhi er 佛典與漢語語法研究—20 世紀國內佛教漢語研究回顧之二 [Buddhist scriptures and Chinese grammatical studies — retrospective of 20th century Chinese Buddhist Chinese studies, part two]. Hanyushi yanjiu jikan 漢語史研究集刊. No. 9. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 05.08.2025. Received: 5 August 2025.

Принята к публикации: 21.09.2025. Accepted: 21 September 2025.

Н.А. Брылева

Репертуар традиционной музыкальной драмы в романе Цао Сюэциня «Сон в красном тереме»

Аннотация. Театр всегда играл большую роль в жизни китайского общества, сопровождая все значимые события и являясь неотъемлемой его частью. Роман Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» представляет впечатляющее количество сведений, посвященных традиционному музыкальному театру. В романе отражен многообразный жанровый спектр театральных постановок, которые были популярны в обществе. Однако сложность этого феномена заключается в том, что хотя информация о театре, актерам, представлениях показана в романе широко, для современного читателя эти сведения неочевидны. В статье систематизированы жанровые разновидности традиционной музыкальной драмы, упоминаемые в романе, представлены особенности ее исполнения, а также показан репертуар, раскрывающий многообразие изображенных в романе театральных постановок. Результат исследований показал, что разнообразие жанровых разновидностей музыкальных драм и пьес раскрывает картину бытования традиционного театра во времена написания романа, проясняет вкусы общества середины XVIII в. и позволяет лучше понять удивительную глубину романа «Сон в красном тереме».

Ключевые слова: «Сон в красном тереме», традиционная музыкальная драма, репертуар, пьеса, театр, период Мин-Цин

Автор: Брылёва Наталья Анатольевна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). E-mail: nusferatu09@mail.ru

N • A • 布雷廖娃

曹雪芹小说《红楼梦》中的传统戏曲剧目

摘要: 戏曲在中国社会生活中始终扮演着重要的角色，它伴随着一切重大事件，并构成社会不可分割的一部分。曹雪芹的小说《红楼梦》提供了丰富的传统戏曲信息，反映了当时社会流行的戏曲作品的多样性。然而，这种现象的复杂性在于，尽管小说中广泛呈现了关于剧院、演员和表演的信息，但这些信息对于现代读者来说并非一目了然。本文系统梳理了小说中提到的传统戏曲体裁，并介绍了它们的表演特点，并展示了一个表现小说中戏曲作品多样性的剧目。研究表明，戏曲体裁的

多样性揭示了小说创作时期传统戏曲的面貌，阐明了 18 世纪中期的社会品味，并有助于更好地理解《红楼梦》令人惊叹的深度。

关键词：《红楼梦》；传统戏曲；剧目；戏剧；明清时期

作者：纳塔利娅·阿纳托利耶夫娜·布雷廖娃，文化学副博士，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所高级研究员。E-mail: nusferatu09@mail.ru

Natalia A. Bryleva

The Repertoire of Traditional Musical Drama in Cao Xueqin's Novel «The Dream of the Red Chamber»

Abstract: Theatre has always played a significant role in Chinese society, accompanying all important events and being an integral part of social life. Cao Xueqin's novel «The Dream of the Red Chamber» provides a wealth of information about traditional musical theatre. The novel reflects a diverse range of theatrical genres that were popular at the time. However, the complexity of this phenomenon lies in the fact that although the novel contains extensive information about the theatre, actors, and performances, much of it is not immediately apparent to the modern reader. The article systematizes the genre varieties of traditional musical drama mentioned in the novel, describes their performance features, and highlights the repertoire that reveals the diversity of theatrical productions depicted in the text. The research shows that the variety of musical drama and play genres illustrates the landscape of traditional theatre during the period in which the novel was written, sheds light on the tastes of mid-18th-century society, and offers a deeper understanding of the remarkable depth of «The Dream of the Red Chamber».

Keywords: “The Dream of the Red Chamber”, traditional musical drama, repertoire, play, theatre, Ming-Qing period

Author: Natalia A. Bryleva, Candidate of Cultural Studies, Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: nusferatu09@mail.ru

Театр всегда являлся неотъемлемой частью жизни китайского общества. Любое большое событие в семье и городе, встреча важных гостей, религиозные праздники, частные застолья — все это сопровождалось театральными представлениями. Как в императорском дворце, так и для чиновничества, городского населения, даже в глухих захолустьях, театральные постановки были главным развлечением, оказывая большое влияние на жизнь населения. Французский миссионер аббат Гюк (Huc Évariste Régis, 1813–1860) очень колоритно описал свои впечатления от путешествия по Китаю и его знакомства с театром. Он писал, что нет такой нации, у которой так ярко проявляется страсть к театральным развлечениям. Он называл китайцев «нацией актеров», так как простой люд и даже чиновники с легкостью могли перевоплощаться в героев пьес. Удивляло его и то, насколько заблуждаются европейцы, считая

«...что Китай — это своего рода огромная академия, населенная мудрецами и философами» [Нус, 1855, р. 263]. По мнению аббата, Поднебесная гораздо больше похожа на огромную ярмарку, где среди постоянного потока покупателей и торговцев, бездельников и воров, во всех кварталах можно увидеть сцены, шутов и комедиантов, непрерывно развлекающих публику. Везде в городах и деревнях богатые и бедные, чиновники и простые люди, все китайцы без исключения, страстно увлекаются драматическими представлениями. Даже в маленькой деревне будет театральная сцена, а ежели ее нет, то для выступления построят временную [Нус, 1855, р. 264]. Для того, чтобы организовать представление подходил любой повод: богатый урожай или просьба о таковом, повышение по службе или опасность, которую необходимо предотвратить. Ради театрального представления, деревенские жители после трудового дня готовы были пройти долгий путь, а суeta и шум, которые сопровождают представление, напоминали ярмарку. [Нус, 1855, р. 266–267]. Подобную картину мы можем встретить и в романе.

Роман Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» — одна из вершин китайской литературы. Написанный в середине восемнадцатого века, уже на протяжении более чем двухсот лет заслуженно носит имя «энциклопедии китайского быта и культуры» и является предметом многочисленных исследований. Тема театра органично вплетена в повествование, что открывает нам прекрасную возможность не только взглянуть на жизнь семьи Цзя изнутри, но и позволяет рассмотреть театральную и около-театральную жизнь в романе.

В «Сне в красном тереме» более чем 40 главах в той или иной форме упоминаются театральные постановки, тексты классических пьес, представлены обширные сведения о внутреннем устройстве «домашних театральных трупп», воспитании актеров и вообще жизни и судьбе «домашних» актеров. Изложенные сжато, эти знания были понятны современникам и требовался лишь небольшой намек для понимания происходящего. Нам же требуются обширные материалы для того, чтобы заполнить лакуны. Так как музыкальные драмы и пьесы, сюжетные перипетии и персонажи романа тесно связаны между собой, это дает нам возможность взглянуть на роман Цао Сюэциня с совершенно иной позиции — как на источник сведений о культурных особенностях того времени. Благодаря этому мы можем определить популярность тех или иных типов музыкальных драм или репертуара, особенности исполнения и специфику пьес, распространенную в период написания романа.

Говоря о театральной теме, невозможно не отметить влияние южных регионов Китая для формирования особой культурной среды. Во второй половине эпохи Мин (1368–1644) и начале эпохи Цин (1644–1912) культурная жизнь в значительной мере сосредоточилась к югу от Янцзы. Район Цзяннани давно славился как центр литературы и искусства, место подготовки певцов для музыкальной драмы. Кроме того, это был центр экономического развития Китая, т.к. производимые здесь зерно, шелк, ткани, фарфор, предметы роскоши, соль, чай, рис и пр. шли не только на внутренний рынок, но и на экспорт. Неслучайно самые богатые торговцы были из этого региона. А благодаря развитой сети каналов, рекам и озерам торговые отношения по стране только расширялись. Вследствие этого, торговцы для ведения дел расселялись в северные регионы Китая, привозя с собой не только товары, но и культуру, театр.

Собираясь вдали от родины в землячествах¹ (хуй гуань, 會館), торговцы зачастую привозили театральные труппы из своих родных мест и устраивали представления. Эти факторы способствовали распространению региональных трупп и региональных музыкальных драм на Север. Об этом же пишет Ли Доу² (李鬥, 1749–1817) в сборнике «Записи о расписных лодках из Янчжоу» (Янчжоу хуафан лу, 楊洲畫舫錄) отмечая, что «соляные короли» содержали большие театральные труппы, используя их в рекламных целях и в целях привлечения могущественных покровителей. Известно, что когда по императорскому повелению в округ (Янчжоу) приезжал с инспекцией проверяющий, торговцы не только ставили грандиозные спектакли, но и строили изысканные павильоны-сцены, возводили театральные сцены на водной поверхности для увеселения высоких гостей [Li Dou, Wang Jun, 2007, p. 10–13]. Таким образом, региональные музыкальные драмы иян цян 弋陽腔, кунь цян 昆腔, банцзы цян 梆子腔 и пр. быстро распространились вдоль Янцзы и стали популярны.

Какие же разновидности музыкальных драм были представлены до и во время создания романа?³ Одна из ранних — южная музыкальная драма *нань-цзюй/нань-си* 南曲/南戲. Она возникла на юге Китая и закрепилась как новый вид театрального искусства в период Южной Сун (примерно 1127–1279) и развивалась до начала эпохи Мин, то есть с XII по XIV в. Место ее зарождения — город Вэньчжоу 温州 (совр. пров. Чжэцзян), поэтому одно из названий южной музыкальной драмы — «вэньчжоуские смешанные представления» (*вэньчжоу цзацзюй*, 温州雜劇)⁴. В основе *нань-си* лежали южные народные мелодии, однако с начала периода Юань (1271–1368) стали вплетаться мелодии северной *цзацзюй*. Большинство авторов пьес для южной музыкальной драмы были анонимными. Будучи важной вехой в системе формирования музыкальных драм на Юге, *нань-си* оказала большое влияние на возникновение и развитие более поздних региональных музыкальных драм, таких как *кунь цян*, *иан цян* и пр.

Другой формой драмы, популярной с эпохи Сун (960–1280), были юаньские смешанные представления (*юань цзацзюй*, 元雜劇), или северные смешанные представления (*бэй цзацзюй*, 北雜劇). Эта музыкальная драма достигла своего апогея в период Юань. *Цзацзюй* того времени сопровождалась игрой на струнных инструментах и, в соответствии с более смелым духом северного региона, была более живой и энергичной, чем мягкая и мелодичная южная драма. Постепенно ее популярность уменьшалась и к началу правления Цин она практически сошла со сцены.

¹ Землячество (хуй гуань, 會館) — организация людей по принципу принадлежности к одной профессии (тун-е, 同業) либо к одной местности (тун-сян, 同鄉). Самые ранние землячества были основаны при Юэлэ («Вечная радость», 永樂 1402–1424 девиз правления императора Мин Чжу Ди 朱棣) в Пекине, для чиновников, приехавших сдавать экзамены. В периоды правления под девизами Цзяцзин («Чудесное умиротворение», 嘉靖 1522–1566) и Ваньли («Бесчисленные годы», 萬曆 1572–1620) широко распространились по стране, а в эпоху Цин достигли максимального количества [Wang Haiyun, 2019].

² Ли Доу (李鬥, 1749–1817) имя Бэй-ю (北有), прозвание Ай-тан (艾塘) либо (艾堂), уроженец Цзянсу, цинский драматург, литератор. Основная работа «Записи о расписных лодках из Янчжоу» (Янчжоу хуафан лу, 楊洲畫舫錄).

³ Напомним, что роман был написан где-то с 1742/44 по 1749 г.

⁴ Кроме вэньчжоуских смешанных представлений (*вэньчжоу цзацзюй*, 温州雜劇), можно встретить такие названия, как южные пьесы (*нань си*, 南戲), театральные тексты/тексты [для] представлений (*си вэнь*, 戲文).

Еще одна разновидность музыкальной драмы появилась в конце эпохи Юань — начале периода Мин — драма *чуаньци* 傳奇. Она, наравне с северной цзацзюй, была популярна на юге Китая на протяжении всего периода Мин и раннего периода Цин. Отличительной особенностью чуаньци было сочетание южных и северных мелодий, а также большая продолжительность спектакля [Mei Sun, 1998]. Сюжетная линия в основном строилась на приключениях героев либо на любовных приключениях с включением фантастических персонажей. Драма чуаньци была весьма популярна у слушателей.

Следующие разновидности драмы можно обозначить как региональные музыкальные драмы: *иян цян* 弋陽腔 (позднее в Пекине ее именовали *гао цян* 高腔), *кунь цян* 崑腔, *бан цзы цян* 梆子腔 и пр. Их отличала народная основа в музыке, яркие сюжеты, диалектный язык. В силу своей новизны и эффектности они быстро распространились на север Китая. По мере совершенствования стиля, мелодий, техники исполнения сформировались два направления: это «изящная драма» (*я бу*, 雅部) то, что больше известно как куньшаньская музыкальная драма (*кунь цюй*, 崑曲), и «пестрая драма» (*хуа бу*, 花部) — представленная рядом региональных драм, в том числе *иян цян* 弋陽腔 (*гао-цян*, 高腔). На протяжении долгого времени между этими направлениями существовало соперничество. Начиная с правления под девизом Ваньли (1572–1620) и до начала правления под девизом Канси (1661–1722) куньшаньская музыкальная драма занимала ведущее положение на театральных подмостках. Однако постепенно становясь все более рафинированной, она утрачивает свои ведущие позиции и на смену ей приходит «пестрая» хуа бу с ее простым и живым языком, понятными и популярными сюжетами. Известный цинский знаток театра, Цянь Юн⁵ (錢泳, 1759–1844) в своих заметках «Собрание бесед из “Сада изобилия”» (*Люй юань цун хуа*, 履園叢話) в 12 цзюане «Театральные представления» писал: «Во время инспекции императора Хунли⁶ на юг, театральное исполнительское искусство достигло высшего расцвета. Особенно были развиты “изящная драма” я бу — это кунь цян и “пестрая драма” хуа бу — это пекинские напевы, циньские напевы, иянские напевы, напевы бан цзы, напевы лоло, напевы эр хуан — все относится к смешанному (простонародному) классу луань тань. Когда мне было семь-восемь лет, в Сучжоу были труппы “Цзи-сю” 集秀, “Хэ-сю” 合秀, лучшие в куньшаньской драме. Сейчас они давно забыты» [Qian Yong, 1979, p. 332].

Как мы видим, на рубеже эпох Мин и Цин палитра музыкальных драм, представленных в Китае, была весьма разнообразна. Такое многообразие, как отмечал уже упомянутый аббат Гюк, представляло возможность выбрать выступление по своему вкусу. Подобную картину мы обнаруживаем и в романе «Сон в красном тереме».

Музыкальные драмы, представленные в романе, условно можно разделить на три категории. Первая — пьесы для развлечения на официальных приемах и юбилейных торжествах в честь старших представителей семейств. Во время таких празднеств

⁵ Цянь Юн (錢泳, 1759–1844), имя Ли-цюнь 立群, прозвание Тай-сянь 台仙, Мэй-си 梅溪. Уроженец Цзянсу 江苏. Цинский писатель, каллиграф, учный. Долго был письмоводителем, объездил все окрестности Янцзы.

⁶ Айсинь Цзюэло Хунли (愛新覺羅 弘曆, 1711–1799), пятый император эпохи Цин, правил под девизом Цяньлун (乾隆, 1736–1759).

готовились определенные музыкальные пьесы, составлялись программы, потом уже из этих программ важные гости или юбиляры выбирали отдельные сцены. В романе мы видим несколько таких событий: официальный прием в честь приезда Юаньчунь 元春 в 19 главе. В 11 главе Цзя Цзин 賈敬, глава дома Нинго, празднует свой день рождения (шоу чэнь, 壽辰)⁷:

«Наступил день рождения Цзя Цзина...

.... — А развлечения какие-нибудь будут?

*— Господа вначале думали, что старый господин сам пожалуется, и потому не решились устраивать развлечения, — последовал ответ. — Но когда узнали, что старый господин не придет, пригласили актеров и музыкантов. Они в саду, готовят сцену для представления»*⁸ [Цао Сюэцинь, 1995, т.1, с. 159].

Следует напомнить, что Цзя Цзин занимается даосскими методами самосовершенствования, «...плавит киноварь, прокаливает ртуть...» [Цао Сюэцинь, 1995, т. 1, с. 38], ищет рецепт продления жизни, ведет аскетичный образ жизни и ничто «земное» его уже не привлекает. Однако это не значит, что семья не может пышно отметить его юбилей.

Вторая категория — это домашние праздники и религиозные ритуалы, где по собственному желанию слушатели выбирали акты из любимых пьес. К примеру: празднование дня рождения Фэнцзе в 43 главе, жертвоприношение перед Новым годом в 53 главе, ночная пирушка из 63 главы и пр. Третья категория — разнообразные игры *винные приказы* (цзю лин, 酒令), загадки, сочинение стихов, и пр., где можно увидеть отсылки или аллюзии на известные пьесы, стихи. Весьма показательна, на наш взгляд, глава 40, где играют в винный/застольный приказ и можно встретить аллюзии на Ду Фу, Тан Сянь-цзу, «Ши-цзин».

Обращает на себя внимание то, что в романе в большинстве случаев упоминания музыкальных драм — это отдельные выходы/акты (чу, 出), так называемые избранные фрагменты музыкальной драмы (чжэ-цзы си, 折子戏). Подобная практика зародилась в театральной среде в конце эпохи Мин начале периода Цин и была весьма распространена среди любителей музыкальной драмы. Зачастую извлекались наиболее популярные и законченные акты и исполнялись самостоятельно. А так как зритель был знаком с содержанием, то он мог в полной мере оценить мастерство актеров. Подтверждение этому во множестве можно найти на страницах романа. К примеру:

⁷ Время долголетия (шоу чэнь, 壽辰) — в традиционном Китае так обозначалась юбилейная дата пожилого человека, как правило от семидесяти лет и больше. Семья обычно устраивала большой праздник с банкетом, выражая почтение имениннику, дарили подарки с благопожелательной символикой и пожеланием длинной жизни. Сейчас на таких празднованиях можно заметить цифру десять, означающую то, что именинник празднует десять лет после шестидесяти, т.е. семидесятилетие. Кроме того, есть еще один термин для обозначения дня рождения пожилого человека — это шоу дань 壽誕 — не круглая дата после шестидесяти. В романе, в 25 главе как раз говорится о таком дне рождения жены Ван Цытэна: «Прошли еще сутки. Наступил день рождения супруги Ван Цытэна» [Цао Сюэцинь, 1995, т. 1, с. 351].

⁸ Здесь и далее автор в качестве иллюстрации будет использовать русский текст из трехтомного издания «Сна в красном тереме» 1995 г., с устоявшимся переводом, выполненным В.А. Панасюком.

глава 54, пир в саду по случаю праздника фонарей. Матушка Цзя зовет актрис из своего домашнего театра.

Пусть Фангуань в сопровождении флейты и свирели споет «Поиски сна».

— *Вы совершенно правы, почтенная госпожа, — заметила Вэньгуань. — Может быть, наши представления и не понравятся господам Ли и Сюэ, но все же послушайте нас.*

— *Конечно, — кивнула матушка Цзя.*

— *Как умна эта девочка! — воскликнули восхищенные тетушки Сюэ и Ли. — Не иначе как, следуя вашему примеру, она решила посмеяться над нами!*

— *Так ведь театр — это у нас так, между делом, — возразила матушка Цзя. — Дохода не приносит. — И, обратившись затем к Куйгуань, сказала:*

— *Пусть исполнят акт «Хуэймин относит письмо»⁹. Я хочу, чтобы каждый высказал свое мнение об игре актрис. Но смотри, играй с чувством, не то пеняй на себя!* [Цао Сюэцинь, 1995, т. 1, с. 212].

В 18 главе, Юаньчунь (гуйфэй) в новогодние праздники приезжает навестить родителей. Для ее развлечения тоже были исполнены несколько отдельных сцен из спектаклей: «Веселый пир» («Хао янь», 豪宴), «Моление о ниспослании мастерства в шитье» («Ци цяо», 乞巧), «Судьба бессмертного» («Сянь юань», 仙緣), «Блуждающая душа» («Ли хунь», 離魂). Все эти четыре акта представляют собой выборку из четырех пьес: «Пригоршня снега»¹⁰ («И пэн сюэ», 壹捧雪), «Дворец вечной жизни»¹¹ («Чан шэн дянь», 長生殿), «Сон в Ханьдане»¹² («Хань дань мэн», 邯鄲夢), «Пионовая беседка»¹³ («Му дань тин», 牡丹亭) — соответственно приведенным выше сценам. Как известно, эти сцены трактуются исследователями как предсказание судьбы семейства Цзя и самой гуйфэй.

⁹ Эпизод с письмом можно найти в добавочной сцене (се цзы, 楔子) во второй части «Как Цуй Ин-ин внимала ночью звукам циня», драмы Ван Шифу «Западный флигель» в переводе Л. Меншикова [Китайская классическая драма, 2003, с. 193–195].

¹⁰ «Пригоршня снега» («И пэн сюэ», 壹捧雪) — пьеса чуаньци, написанная минским драматургом Ли Юем (李玉, 1591?–1671?), в которой повествуется история о драгоценной нефритовой чаше под названием «Пригоршня снега».

¹¹ «Дворец вечной жизни» («Чан шэн дянь», 長生殿) — пьеса чуаньци, написанная цинским драматургом и поэтом Хун Шэном (洪升, 1645–1704), в которой рассказывается история любви танского императора Сюань-цзуна (685–762) и его наложницы Ян гуй-фэй.

¹² «Сон в Ханьдане» («Хань дань мэн», 邯鄲夢), или «Записи о Ханьдане» («Хань дань цзи», 邯鄲記) — пьеса чуаньци, написанная в 1601 г., последняя из «четырёх снов» минского драматурга Тан Сянь-цзу (湯顯祖 1550–1616). Входит в цикл «Четыре сна [в] Линьчуане» («Линьчуань сы мэн», 臨川四夢). В пьесе рассказывается о том, что бедный ученый Лу Шэн 盧生 уснул в гостинице Ханьдани и ему приснился сон, в котором он прожил счастливую жизнь. Проснувшись, понял, что за время сна даже каша не сварилась. «Сон в Ханьдане» был написан на основе новеллы танского писателя Шэнь Цзи-цзи (沈既濟 750–800) «Записки в изголовье» («Чжэнь чжу цзи», 枕中記). Русский текст новеллы «Изголовье» опубликован в сборнике «Танские новеллы» в переводе О.Л. Фишман. [Танские новеллы, 1955, с. 9–14].

¹³ «Пионовая беседка» («Му дань тин», 牡丹亭), или «Записи о возвращении души» («Хай хунь цзи», 還魂記) — пьеса чуаньци, была написана Тан Сянь-цзу в 1598 г. Одна из «Четырёх снов [в] Линьчуане».

Свидетельства о практике исполнения отдельных сцен можно увидеть в заметках современников Цао Сюэ-цзиня. Зачастую случалось так, что певец искусно исполнял одну или две роли, и его приглашали на выступление только с этой ролью. В своем сборнике заметок Ли Доу 李鬥 писал, что в периоды правления под девизами Тяньлун¹⁴ и Цзяцин¹⁵ жил исполнитель куньцзюй, некто Цзинь Дэ-хуэй 金德輝, уроженец Сучжоу, который виртуозно исполнял амплу молодых героинь (*сяо дань*, 小旦), но особенно он прославился исполнением роли Ду Линянь в сцене «В поисках грезы/поисках сна» («*Сюнь мэн*», 寻梦) из пьесы Тан Сянь-цзю «Пионовая беседка» [Li Dou, Wang Jun, 2007, pp. 152-153]. Или же можно вспомнить известнейшего исполнителя пекинской музыкальной драмы — Мэй Лань-фана (梅蘭芳 1894–1961) с его знаменитой ролью из «Опьяневшей наложницы» («*Гуй-фэй цзюй цзю*», 贵妃醉酒). Подобные примеры выбора отдельных актов спектаклей можно встретить в 11, 16, 22, 53 и других главах, это говорит о том, что явление было весьма распространено и нашло отражение в романе.

Следует заметить, что в романе описано множество разнообразных праздников и увеселений. Все это многообразие развлечений представлено наиболее популярными жанрами музыкальных драм.

Первая из них и самая многочисленная — репертуар куньшаньской драмы. Куньцзюй 崑曲 — музыкальная драма, которая с середины эпохи Мин до середины Цин (боле 300 лет) занимала ведущее место среди музыкальных драм. Благодаря усовершенствованиям драматурга и певца эпохи Мин Вэй Лян-фу (魏良辅, 1489?–1566?) куньцзюй являлась одной из самых популярных традиционных музыкальных драм, имела наибольшее влияние на музыкально-театральную среду того периода. Она отличалась певучестью и изящностью мелодий; высокохудожественной литературной основой; оркестром, состоящим в основном из струнных и духовых инструментов. Наиболее популярная сюжетная фабула — «счастливое воссоединение». Куньцзюй была распространена от Сучжоу до Пекина и любима среди всех категорий слушателей.

В «Сне в красном тереме» мы видим пьесы классического репертуара: «Пионовая беседка» («*Мудань тин*», 牡丹亭), «Дворец вечной жизни» («*Чан шэн дянь*», 长生殿), «Парный приказ о назначении на должности» («*Шуан гуань гао*», 雙官诰), или «Воспитанник третьей госпожи»¹⁶ («*Сань нян цзю цзю*», 三娘教子), «Горсть снега» («*И пэн сюэ*», 壹捧雪), «Путешествие на Запад» («*Си ю цзи*», 西遊記), «Записи о зо-

¹⁴ Император Цяньлун (乾隆, 1711–1799), император династии Цин, личное имя Хунли (弘历), годы правления 1735–1796.

¹⁵ Император Цзяцин (嘉慶, 1760–1820), император династии Цин, личное имя Юнъянь (永琰), годы правления 1796–1820.

¹⁶ «Парный приказ о назначении на должность» («*Шуан гуань гао*», 雙官诰) или «Воспитанник третьей госпожи» («*Сань нян цзю цзю*», 三娘教子) пьеса написанная по мотивам рассказа из сборника «Безмолвные пьесы» («*У шэн си*», 無聲戲) или «Драгоценная яшма» («*Лянь чэн би*», 連城璧) [Буквально: яшмовый диск [ценой] в несколько городов. По преданию это драгоценная яшма, в обмен на которую циньский ван предлагал пятнадцать городов. Образное значение: исключительно драгоценная вещь]. Автор — драматург конца эпохи Мин, начала Цин Ли Юй (李漁 1611–1680) [Zhao Shanlin, 2003]. История о Сюэ Гуане 薛廣, его верном слуге Сюэ Бао 薛保, третьей наложнице Ван 王 (Сань нян Ван ши 三娘王氏) и сыне наложницы Лю 劉氏, по имени Брат И 倚哥. Несмотря на трудности, Ван вырастила сына и была вознаграждена за это [Wu Xinlei, 2002, p. 125].

лотистом соболе»¹⁷ («Цзинь дяо цзи», 金貂記), «Лампа девяти лотосов»¹⁸ («Цзю лянь дэн», 九蓮燈), «Полное ложе дощечек»¹⁹ («Мань чуан ху», 滿床笏), «Сон в Нанькэ»²⁰ («Нанькэ мэн», 南柯夢) и целый ряд других пьес. Все эти пьесы представляют собой классический репертуар музыкальной драмы куньцзюй.

Выступления театральной труппы семейства Цзя главным образом представляли собой драму куньцзюй. Это объясняется тем, что матушка Цзя не любила шумных постановок, а так как это «домашняя труппа», то и репертуар, соответственно, подбирается под предпочтения хозяев. Кроме того, для этого в Сучжоу специально были куплены 12 маленьких девочек-актрис [Брылева, 2023]. А Сучжоу, как известно, являлся одним из центров по обучению куньцзюй. Куньшаньская драма была весьма популярна, особенно в среде ученых, чиновников и при императорском дворе. Не стоит забывать, что матушка Цзя принадлежит к чиновничьей среде, а там большой известностью пользовалась именно куньцзюй.

Вторая разновидность — это репертуар иянской музыкальной драмы. Музыкальная драма *иян цян* 弋陽腔 это региональная музыкальная драма уезда Иян (*Иян сянь*, 弋陽縣, пров. Цзянси 江西). Является одной из старейших, сформировалась как местная южная драма во второй половине периода Юань (1271–1368), а своего расцвета достигла в эпоху Мин (1368–1644) — начале Цин (1644–1912). Отличительной особенностью этой музыкальной драмы является то, что голоса исполнителей — сильные, звонкие; мелодическая основа — популярные городские и деревенские мелодии и песенки; пение сопровождают только ударные инструменты — гонги и барабаны; сюжеты для выступлений в большей степени основаны на известных историях и народных сюжетах, знакомых и понятных простым крестьянам и городским жителям. Язык изобилует местными диалектными словами, что делает ее еще ближе простым слушателям. А обилие шуточных сцен и большое количество акробатики сделало ее очень популярной в городской среде. Можно сказать, что это народная музыкальная драма. Среди образованного чиновничества она считалась грубой, вульгарной, шум-

¹⁷ «Записи о золотистом соболе» («Цзинь дяо цзи», 金貂記) История о том, как Сюэ Дин-шань 薛丁山, исправил несправедливость своего отца, генерала Сюэ Жэнь-гуя 薛仁貴. Написана в середине эпохи Мин, автор неизвестен. [Wu Xinlei, 2002, p. 72].

¹⁸ «Лампа девяти лотосов» («Цзю лянь дэн», 九蓮燈). Пьеса, написанная драматургом начала эпохи Цин Чжу Цзо-чао (朱佐朝, ?-?) История о том, как при помощи волшебной лампы Девяти лотосов была оправдана императрица Ши 史皇后 и верный министр Минь Юань 閔遠 [Wu Xinlei, 2002, p. 118–119].

¹⁹ «Полное ложе дощечек [для записей]» («Мань чуан ху», 滿床笏). История о знаменитом танском полководце Го Цзы-и 郭子儀, участвовавшем в подавлении мятежа Ань Лу-шаня 安祿山, за что был обласкан императором. На 60-летие к Го Цзы-и собрались его сыновья и зятья, все они были высокопоставленными чиновниками и преподнесли в дар дощечки [для записей] (ху, 笏). Написана в начале эпохи Цин драматургом Фань Си-чжэ (範希哲, ?-?). [Wu Xinlei, 2002, p. 127–128]. 滿床笏 — метафора достатка и процветания семьи.

²⁰ «Сон в Нанькэ» («Нанькэ мэн», 南柯夢) или «Заметки о Нанькэ» («Нанькэ цзи», 南柯記) пьеса Тан Сянь-цзу. В ней повествуется о том, как во сне, некий господин Чунь Юй-фэнь 淳于棼, выпив лишнего, уснул и попал в царство Хуай-ай го 槐安國, где прожил 20 лет. После пробуждения оказалось, что он уснул под деревом, где был муравейник. Пьеса написана на сюжет новеллы литератора эпохи Тан Ли Гун-цзо (李公佐, 778–848) «Повествование о правителе области Нанькэ» («Нанькэ тай шоу чуань», 南柯太守傳). [Wu Xinlei, 2002, p. 88–89].

ной и была совсем не популярна. Однако период маньчжурского владычества для иянской музыкальной драмы стал звездным часом: она приобрела популярность в Пекине, как среди простых жителей, так и у аристократов.

В романе постановок иянской музыкальной драмы не так много. Здесь ее исполняют во время торжеств на Чуныцзе 春節, как в 19 главе, или в честь дня рождения Сюэ Бао-чай, как в 22 главе.

В 22 главе это сцена под названием «Одежда, заложенная у Лю Эра»²¹ («Лю эр дан и», 劉二當衣), а в 19 главе были исполнены небольшие пьесы «Дин Лан узнает отца»²² («Дин-лан жэнь фу», 丁郎认父), «Хуан Бо-ян выстраивает магический лабиринт»²³ («Хуан Бо-ян да бай ми хунь чжэнь», 黃伯揚大擺迷魂陣), «Сунь Си-чжэ устраивает переполох в небесных чертогах»²⁴ («Сунь Син-чжэ да нао тянь гун», 孫行者大鬧天宮).

...Актёры толпами появлялись на сцене, размахивали знаменами, пировали, воскуривали благовония и взывали к Будде. Далеко вокруг разносились удары в гонги и барабаны. А братья, сыновья и племянники из рода Цзя угощали друг друга, смеялись и шутили с сестрами, наложницами, служанками [Цао Сюэцин, 1995, vol. 1, p. 266].

Из текста понятно, что это время веселья и репертуар соответствует моменту. По сравнению с куньцуй, иян цян совершенно другой тип музыкальной драмы — шумный, веселый, с многочисленными персонажами, акробатическими номерами в сопровождении ударных инструментов. Такой тип драмы больше подходит для празднования торжества в многолюдной веселой компании, нежели для наслаждения изысканными мелодиями и стихами в камерной обстановке. Таким образом, даже небольшой пример репертуара указывает на то, что в быту большой популярностью

²¹ «Одежда, заложенная у Лю Эра» («Лю эр дан и», 劉二當衣) — сцена из пьесы минского драматурга Шэн Ця (沈采, ?–?) «Записи о возвращенном поясе» («Хай дай цзи», 還帶記). История о танском министре Пэй Гу 裴度. Еще до своего возвышения, по пути на экзамен он был вынужден заложить свою одежду в лавке Лю Эра 劉二. [Wu Zonghui, 2021]

²² «Дин Лан узнает отца» («Дин лан жэнь фу», 丁郎认父), другое название «Отражение в зеркале» («Дуй лин хуа», 對菱花). Автор неизвестен. История сына опального министра Ду Луаня 杜鵑. После смерти отца, Ду Вэнь-сюэ 杜文學 был отправлен в ссылку в Хугуан 湖廣. Там он меняет имя на Ху Вэнь-сюэ 胡文學 и женится на дочери бывшего премьер-министра. Обстоятельства вынуждают его оставить семью. Через несколько лет сын Ху Вэнь-сюэ, Дин Лан 丁郎 отправляется искать отца. Несмотря ни на что, в скором времени отец и сын узнают друг друга, и семья воссоединяется.

²³ «Хуан Бо-ян выстраивает магический лабиринт» («Хуан Бо-ян да бай ми хунь чжэнь», 黃伯揚大擺迷魂陣) — пьеса неизвестного автора начала периода Цин. Литературной основой послужили «Сказки о веснах и осенях семи царств» («Ци го чуань цю пин хуа», 七國春秋平話). Повествует о том, как в период Воюющих царств военачальник царства Янь 燕國 Юэ И 樂毅 неоднократно терпел поражения от стратега Сунь Биня 孫臏 из царства Ци 齊國. Юэ И решает призывать своего наставника Хуан Бо-яна 黃伯揚 помочь в битве. При помощи магии наставник помогает Юэ И. Однако Сунь Бин и его наставник Гуй Гу-цзы 鬼谷子 разрушают магию, захватывают в плен Юэ И и Хуан Бо-яна.

²⁴ «Сунь Си-чжэ устраивает переполох в небесных чертогах» («Сунь Син-чжэ да нао тянь гун», 孫行者大鬧天宮), или «Переполох в Небесных чертогах» («Нао тянь гун», 鬧天宮), основан на 5 и 6 главах из знаменитого романа У Чэн-эня (吳承恩 1500–1582) «Путешествие на Запад» («Си ю цзи», 西遊記), в которой рассказывается как Сунь У-кун расстроил Персиковый мир.

пользовался жанр «изящной» музыкальной драмы *я-бу* 雅部, к которой относится куньцзюй, и «пестрой» *хуа-бу* 花部, включающей иянь-цзян и прочие региональные драмы. Однако отношение к жанрам в романе неоднозначное. Так, Бао-юй, Матушка Цзя, Дай-юй, Бао-чай и большинство сестер не любят шумных драм, в то время как мужская часть молодого поколения семейства Цзя (Цзя Чжэнь, Цзя Жун, Цзя Лянь, Цзя Цян) — отдают предпочтение веселым и шумным пьесам. Такое положение нашло отражение и в записях современников Цао Сюэ-циня.

Так, представитель императорского дома, знаток литературы, истории, маньчжурского фольклора Айсинь Цзюэло Чжао Лянь²⁵ (愛新覺羅·昭樞 1776–1830), рассуждая о музыке в «Записях на разные темы из павильона Сяо» (*Сяо тин цза лу*, 嘯亭雜錄), писал, что «...только куньцзюй сохранила дух древности... Неизвестно, когда возникла и[ян] цян, большие тарелки гремят, пение крикливое — это подлинное бедствие для слуха и зрения утонченного человека» [Zhao Lian, 2012, p. 167].

Другой маньчжур, чиновник Фуча Дуньчун (富察敦崇, 1855–?) в «Записях о сезонах в Яньцзине» (*Яньцзин суй ши цзи*), 燕京歲時記 писал: «Что касается столичного театра, то вкусы здесь различны. Перед годами правления под девизом Сяньфэн²⁶ самыми важными были кунь цян и гао цян 高腔 (то же, что и иянь цян. — Н.Б.). Гао цян [используют] гонги-цзинь 金 и барабаны-гу 鼓, нет струнных и духовых²⁷ [музыкальных инструментов], поют торжественно-печально, это старинный обычай земли Янь²⁸ 燕» [Fucha Dunchong, 1981, p. 94].

Как мы видим, все представленные пьесы из 18, 19, 22 глав весьма популярные у зрителей — это произведения известных авторов конца эпохи Мин и начала Цин (периодов Ваньли 1573–1620; Шуньчжи 1644–1661; Канси 1661–1722), т.е. самого расцвета куньцзюй, иянь цян и театрального искусства в целом.

Третья категория — это смешанные представления цзацзюй. Известный исследователь и знаток романа Дэн Юн-сян (鄧云乡, 1924–1999) в книге «Беседы о нравах и вещах в красном тереме» отмечал, что во времена написания романа среди того, что ставилось на сцене, в репертуарах больше всего значилось пьес чуань-си и цзацзюй. Существовало огромное количество неполных пьес, отдельных актов, множество неполных сценариев, которые существовали только в рукописном варианте и потому не сохранились [Deng Yunxiang, 2006, p. 25]. Но в данном случае это не только музыкально-драматические произведения, но и аллюзии, упоминания их литературных прототипов. В «Сне в красном тереме» упоминаются такие произведения, как «Записки о за-

²⁵ Айсинь Цзюэло Чжао Лянь (愛新覺羅·昭樞 1776–1830) — второе имя Цзи Сю 汲修, прозвание «Хозяин сандалового сосуда» (Тянь цзунь чжу жэнь, 檀樾主人), член императорской семьи, знаток литературы, истории, поэт, коллекционер. Основной труд «Записи на разные темы из павильона Сяо» (*Сяо тин цза лу*, 嘯亭雜錄) в десяти цзюанях и «Продолжения Записей» (*Сюй лу*, 續錄) в пяти цзюанях.

²⁶ Сяньфэн («Всеобщее изобилие», 咸豐) — девиз правления императора Айсинь Цзюэло И Чжу (愛新覺羅·奕詝, 1831–1861). Период правления с 1850 по 1861 г.

²⁷ В тексте оригинала технический термин «шелк и бамбук» (丝竹).

²⁸ Земли Янь (燕) — княжество в древнем Китае, существовавшее в эпоху Восточного Чжоу, в периоды Чуньцю и Чжаньго. Столица Янь находилась в городе Цзи 薊 на территории современного Пекина. Царство занимало территорию примерно современной провинции Хэбэй и далее к северо-востоку, включая Ляодунский полуостров.

падном флигеле» («*Си ся цзи*», 西廂記) Ван Ши-фу²⁹ (王實甫, 1260–1316/1336?); «Ба-ван поднимает треножник»³⁰ («*Ба ван цзюй дин*», 霸王舉鼎); «Меряться сокровищами в Линьтуне»³¹ («*Линьтун доу бао*», 臨潼斗寶); «Белая змея» («*Бай шэ цзи*», 白蛇記) и т.д. К примеру, услышав про «Белую змею», мы с большой вероятностью вспомним «Историю о Белой змее», описанную Фэн Мэнлуном в «*Повести о Белой змейке*» [Прodelки Праздного Дракона, 1989]. Однако в тексте романа дается подсказка.

Через некоторое время Цзя Чжэнь поднялся к матушке Цзя и сказал:

— Мы только что тянули жребий, и он выпал на сцену из пьесы «Белая змея».

— А о чем пьеса? — поинтересовалась матушка Цзя. — О том, как основатель династии Хань — Гаоцзу — отрубил голову Белой змее и воссел на трон, — ответил Цзя Чжэнь [Цао Сюэцин, 1995, vol. 1, p. 425].

Здесь речь идет о сюжете, взятом из «Исторических хроник» («*Ши цзи*», 史記), о том, как Лю Бан (будущий император Гаоцзу, основатель Западной Хань 西漢) убил Белую змею, а позже основал новую династию. К сожалению, точно сказать, что это была за пьеса, невозможно. Однако есть некоторые сведения в «Записях об умерших драматургах»³² («*Лу гуй бу*», 錄鬼簿) о пьесе «Рассечь белую змею» («*Чжань бай шэ*», 斬白蛇) или «Ханьский Гаоцзу на болоте рассекает Белую змею» («*Хань Гаоцзу цзэ чжун чжань бай шэ*», 漢高祖澤中斬白蛇) [Zhong Sicheng, 2024]. В «Реестре образцовых звуков великой гармонии»³³ («*Тай хэ чжэнь инь пу*», 太和正音

²⁹ Ван Ши-фу (王實甫, 1260–1316/1336?) второе имя Дэ Синь 德信. Родился в Хэбэе 河北省. Известный драматург эпохи Юань. Автор пьесы «Записки о западном флигеле»

³⁰ К сожалению, бывает невозможно точно идентифицировать произведение, особенно эпох Юань — начала Мин. Так, «Ба-ван поднимает треножник» («*Ба ван цзюй дин*», 霸王舉鼎) — предположительно, сцена из пьесы юаньского драматурга Гао Вэнь-сю (高文秀, ?). Однако пьеса утеряна, а записи о нем в «Записях об умерших драматургах» («*Лу гуй бу*», 錄鬼簿) очень скудны (комментарий №146, 385) [Zhong Sicheng, 2024].

³¹ В 75 главе романа «меряться сокровищами в Линьтуне» используется как идиома, означающая «хвастовство богатством», характеризующая поведение Цзя Чжэня, его родни и знакомых во время траура по отцу. Основана на истории периода Чжоу. Кроме того, была анонимная юаньская драма «Меряться сокровищами в Линьтуне» («*Линьтун доу бао*», 臨潼斗寶), или «[Правители] восемнадцати княжеств собрались в Линьтуне» («*Ши ба го хуэй линьтун*», 十八國會臨潼), повествующая о том, что в период Вёсен и Осени, циньский Му гун 穆公, в борьбе за господство, приглашает правителей восемнадцати княжеств в Линьтун. Там они хвастаются сокровищами своих княжеств. Чуский сановник У Цзы-суй 伍子綰, разгадав намерения Му гуна, подняв треножник, продемонстрировал свою силу и усмирил Му гуна. На сегодня существуют постановки хэнаньской юй-цзюй 豫劇, пекинской цзин-цзюй 京劇.

³² «Записи об умерших драматургах» («*Лу гуй бу*», 錄鬼簿), или «Записи о духах» в двух цзюанях — единственные в своем роде записи, где кратко описаны биографии, произведения и другая информация о драматургах, начиная с последних лет периода Цзинь до середины эпохи Юань. Позднее записи были расширены и дополнены. Автор «Записей об умерших драматургах» литератор и театральный драматург периода Юань Чжун Сы-чэн (鍾嗣成, 1279?–1360?), второе имя Цзи-сянь 繼先, прозвание Чоу-чжай 醜齋, уроженец города Бяньцзин 汴京 (ныне город Кайфэн 開封, пров. Хэнань 河南).

³³ «Реестр образцовых звуков великой гармонии» («*Тай хэ чжэнь инь пу*», 太和正音譜) составлен примерно в 1398 г. минским драматургом, либреттистом Чжу Цюанем (朱權, 1378–1448), семнадцатым сыном первого императора эпохи Мин Тай-цзу 太祖. В реестре говорится об образцовых юаньских драмах цзацзюй, о талантливых исполнителях, об основных типовых мелодиях и правилах композиции и пр.

譜) говорится, что драматург и поэт Бо Пу³⁴ (白樸, 1226–1306) написал пьесу цзацзюй «Рассечь белую змею» [Zhong Sicheng, 2024]. Сам текст пьесы был утерян, но, опираясь на роман, можно предположить, что это может быть она.

«Записки о западном флигеле» Ван Ши-фу упоминаются в романе чаще всего. Появляются они в двух воплощениях: музыкальном и литературном. Если говорить о музыкальном воплощении пьесы, стоит сделать уточнение. Дело в том, что драма Ван Ши-фу имеет два музыкальных воплощения: одно из них — это пьеса цзацзюй «Западный флигель» («Си сянь», 西廂), также известная как северная музыкальная драма (бэй цюй, 北曲) «Северный западный флигель» («Бэй си сянь», 北西廂). Есть еще пьеса «Южный западный флигель» («Нань си сянь», 南西廂), которая является переработанной примерно в 1522 г. драматургом эпохи Мин Ли Жи-хуа 李日華³⁵ драмой Ван Ши-фу. Китайские исследователи отмечают, что в 54 главе, где матушка Цзя обсуждает исполнение актрисами из домашней труппы сцены «Хуэймин относит письмо»³⁶ и вспоминает себя в молодости, как раз говорится о «Южном западном флигеле» [Liu Yuwei, 2017, p. 27]. Отсылку к «Западному флигелю» можно встретить в 23 главе, где Бао-юй и Дай-юй читают строки из пьесы. Пьеса упоминается в 35, 51, 40, 42, 49, 54, 58, 62, 63 главах, когда Бао-юй, Дай-юй, Бао-чай, Тань-чунь вспоминают в той или иной форме стихотворные строки.

Четвертая категория — южная музыкальная драма (нань си, 南戲). Наиболее важные пьесы репертуара нань-си, представленные в романе это «Записи о пипе»³⁷ («Пипа цзи», 琵琶記) Гао Мина³⁸ (高明 1305–?) и «Записи о терновой шпильке»³⁹ («Цзин чай

³⁴ Бо Пу (白樸, 1226–1306) — первое имя Хэн 恒, второе имя Жэнь-фу 仁甫, которое он поменял на Пу 樸, неофициальное имя Тай-шу 太素, прозвание Лань-гу 蘭谷. Один из четырех великих юаньских драматургов в жанре цзацзюй и поэт в жанрах цы и цюй.

³⁵ Ли Жи-хуа (李日華, ?) — драматург эпохи Мин, переработал пьесу Ван Ши-фу (王實甫, 1260–1316/1336?) «Записи о западном флигеле» («Си сянь цзи», 西廂記), переписав текст, написал чуаньци 傳奇 «Западный флигель на южные мотивы» («Нань дяо си сянь цзи», 南調西廂記), более известная как «Южный западный флигель» («Нань си сянь цзи», 南西廂記) в 36 картинах/выходах. Фабула была во многом основана на пьесе Ван Ши-фу, а стихи были адаптированы для южных мелодий, что широко практиковалось. Позднее, в период Цзяцзин (1521–1567) другой драматург Лу Цай (陸采, 1497–1537), не удовлетворенный работой Ли Жи-хуа, написал еще один «Южный западный флигель», который известен как «Западный флигель Лу Тянь-чи» («Лу Тянь-чи сисянь цзи», 陸天池西廂記) в 27 актах. Придерживаясь общей фабулы, Лу Цай написал новый текст, более подходящий для исполнения в стилистике южной музыкальной драмы [Liu Yuwei, 2017, p. 25–27].

³⁶ «Хуэймин относит письмо» («Хуэймин ся шу», 惠明下書) — сцена из чуаньци 傳奇 «Западный флигель на южные мотивы» («Нань дяо сисянь цзи», 南調西廂記) в 36 картинах/выходах автор, Ли Жи-хуа.

³⁷ «Записи о пипе» («Пипа цзи», 琵琶記) история об ученом Восточной Хань Цай Бо-цзе 蔡伯喈 и его верной жене Чжао У-нян 趙五娘. Написана примерно в 1350 г. В научной литературе Китая считается «родоначальницей южных пьес». Основой для пьесы Гао Мина стала народная драма «Добротельная Чжао» («Чжао чжэнь нюй», 趙貞女). Подробнее об истории написания пьесы можно прочитать в книге «Гао Цзэчэн и его пьеса «Пипа цзи» [Маяцкий, 2015].

³⁸ Гао Мин (高明 1305–?) второе имя Цзэчэн 則誠, Хуэйшу 晦叔, прозвание Цайгэнь даожэнь 萊根道人, прозвище Господин из Дунцзя (Дунцзя сянь шэн, 東嘉先生), Дунцзя 東嘉 — другое название Вэньчжоу 溫州. Родился в уезде Жуян 瑞安, городского округа Вэньчжоу 溫州 (ныне провинция Чжэцзян 浙江). Драматург эпохи Мин. Автор пьесы «Пипа цзи», см. [Маяцкий, 2015].

³⁹ «Записи о терновой шпильке» (Цзин чай цзи, 荊釵記) драма нань-си, автор неизвестен. По одной из версий ее написал юаньский драматург Кэ Даныцю (柯丹丘, ?–?) для куньчюй. Ван Говэй

цзи», 荊釵記). Упоминание о «Пипа цзи» можно увидеть в главах 42, 62. В 44 главе описывается празднование дня рождения Фэнцзе, где исполняют сцену «Муж [совершает] жертвоприношение» («Нань цзи», 男祭) из пьесы «Записи о терновой шпильке». В 85 главе, где празднуют повышение по службе отца Баоюя и день рождения Дайюй, упоминается сцена под названием «Поедая мякину» («Чи кан», 吃糠). Это 21 акт из пьесы Гао Мина «Пипа цзи», в котором говорится о том, как после отъезда в Пекин Цай Боцзе, его жена Чжао Унян, исполняя свой долг и содержа родителей, вынуждена много трудиться и испытывать невзгоды. Что же касается конкретного музыкального воплощения, то в данном случае трудно идентифицировать театральное воплощение, т.к. пьеса Гао Мина приобрела колоссальную популярность, и сюжет, либо отдельные картины, стали прототипами музыкальных драм различных направлений [Маяцкий, 2015, с. 74–76].

Подводя некоторые итоги, следует отметить то, что хотя в тексте статьи представлен общий обзор репертуара традиционной музыкальной драмы романа, это позволяет сделать некоторые выводы. Можно сказать, что в «Сне в красном тереме» в большом количестве представлены разнообразные музыкальные драмы, большая часть репертуара которых это классические драмы периодов Юань, Мин и начала Цин. Музыкальные драмы, представленные в романе, это постановки исполнявшиеся в период правления Канси-Юнчжэн-Цяньлун, т.е. во времена расцвета музыкальной драмы. Наибольшее количество пьес в романе — это пьесы куньшаньской и иянской музыкальных драм, которые были популярны в конце периода Мин и начале периода Цин. Хотя в романе встречаются северные цзацзюй и южные чуаньси, есть отсылки к музыкальным драмам нань-си, они представлены лишь небольшим количеством отдельных актов. В основном репертуар состоит из любовной лирики куньцзюй, что ярко отражает не только предпочтения аристократии в выборе пьес, но и ситуацию в театральной сфере эпохи в целом. Изящная куньшаньская драма для образованных аристократов была предпочтительнее, чем шумная и самобытная иянская драма. Следует добавить, что в романе отчасти представлена картина жизни и бытования музыкальной драмы начала периода Цин. Таким образом, литературное произведение выступает не только проводником в мир персонажей и их чаяний, но и становится источником информации о наиболее популярных направлениях театрального искусства этого периода, репертуаре и особенностях исполнения китайской музыкальной драмы.

Библиографический список

Брылева Н.А. Китайский театр сицзюй на страницах романа «Сон в красном тереме»: феномен «домашнего театра» в период Цин // Проблемы литератур Дальнего Востока: труды X международной научной конференции / Отв. Ред А.А. Родионов. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023. С. 202–213.

王国维 считал, что пьесу написал Чжу Цюань (朱權, 1378–1448), семнадцатый сын первого императора эпохи Мин Тай-цзю 太祖. В пьесе повествуется о бедном ученом Ван Шипэне 王十朋 и его жене Цзянь Юйлянь 錢玉蓮. Вскоре после свадьбы Ван Шипэн отправляется в Пекин. Там он блестяще сдает экзамены и получает должность. Премьер-министр хочет выдать за него свою дочь, но Ван Шипэн отказывается. До его жены доходят ложные сведения о том, что Ван умер. Сам Ван Шипэн тоже слышал, что его жена умерла. Через несколько лет, направляясь к новому месту службы, Шипэн встречает Юйлянь, и пара воссоединяется [Wu Xinlei, 2002, p. 65–66].

Китайская классическая драма / Перевод с китайского, предисловие, комментарий Л.Н. Меньшикова. Предисловие В.В. Петрова. СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2003.

Маяцкий Д.И. Гао Цзэчэн и его пьеса «Пипа цзи». СПб.: Изд. С.-Петербург. Ун-та, 2015.

Прodelki Праздного Дракона: Двадцать пять повестей XVI-XVII веков / Пер. с кит. Д. Воскресенского; ред. кол.: Г. Гац [и др.]. М.: Художественная литература, 1989.

Танские новеллы / Пер. с китайск., послесл. и примеч. О. Л. Фишман. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1955.

Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме. В 3 т.; т. 1, т. 2, т. 3 / Пер. скит. В. Панасюка; Редкол.: Л. Делюсин и др.; Вступ. ст. Гао Мана; Ред. пер. С. Хохловой; Стихи в пер. И. Голубева; Примеч. И. Голубева и В. Панасюка. М.: Худож. лит., Ладомир, 1995.

References

Bryleva, N.A. (2023). Kitayskiy teatr sitsyuy na stranitsakh romana "Son v krasnom tereme": fenomen "domashnego teatra" v period Tsin [The Chinese Sijiu Theater in the pages of the novel "Dream of the Red Chamber": the phenomenon of "home theatre" during the Qing period]. Problems of Literature of the Far East: Proceedings of the X International Scientific Conference. Ed. Edited by A.A. Rodionov. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2023. pp. 202-213. (In Russian).

Kitayskaya klassicheskaya drama. (2003). [Chinese Classical Drama]. Translated from Chinese, preface, commentary by L.N. Menshikov. Preface by V.V. Petrov. SPb.: "Severo-Zapad Press". (In Russian).

Mayatskiy, D.I. (2015). Gao Tszechén i ego pyesa "Pipa tsi" [Gao Zhecheng and His Play "Pipa Ji"]. SPb.: Izd. S.-Peterb. Un-ta. (In Russian).

Prodelki Prazdnogo Drakona: Dvadsat pyat povestey XVI-XVII vekov. (1989). [Pranks of the Idle Dragon: Twenty-Five Tales of the 16th-17th Centuries]. Translated from the Chinese and notes by D. Voskresensky; edited by G. Gats [and others]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Tanskiye novelly. (1955). [Tang Novellas]. Translated from the Chinese by O.L. Fishman. Moscow: Izd-vo Akad. Nauk SSSR. (In Russian).

Tsao Syuetsin. (1995). Son v krasnom tereme. V 3 t.; t. 1. t. 2. t. 3 [The Dream of the Red Chamber. In 3 volumes; vol. 1., vol. 2, vol. 3]. Translated from the Chinese by V. Panasyuka; Redkol.: L. Delyusin et al.; Preface by S. Gaoman; Edited by S. Khokhlova; Poems translated by I. Golubev; Notes by I. Golubev and V. Panasyuk. Moscow: Khudozh. lit., Ladomir. (In Russian).

* * *

Deng Yunxiang 邓云乡 (2006). Hong lou feng su ming wu tan 红楼梦俗名物谭 [Conversations about morals and things in the Red Chamber]. Beijing: Wen hua yi shu chubanshe. (In Chinese).

Fucha Dunchong 富察敦崇 (1981). Yanjing sui shi ji 燕京岁时记 [Records of the seasons in Yangjing]. Beijing: Beijing guji chubanshe. (In Chinese).

Huc Evariste Régis. (1855). The Chinese empire: forming a sequel to the work entitled "Recollections of a journey through Tartary and Thibet". Vol. 1. London: Longman, Brown, Green and Longmans.

Li Dou 李門, Wang, Jun 王军 (2007). Yang zhou hua fang lu. 扬州画舫录 [The Painted Boats from Yangzhou]. Beijing: Zhonghua shuju. (In Chinese).

Liu Yuwei 刘玉伟 (2017). Qing dai xiao shuo zhong de xiqu cai liao yan jiu (boshi xue wei lun wen) 清代小说中的戏曲材料研究 (博士学位论文) [A study of materials on traditional Chinese musical drama in Qing era novels (Doctoral dissertation)]. Shanghai da xue wen xue. (In Chinese).

Mei Sun. (1998). The Division between Nanxi and Chuanqi, *American Journal of Chinese Studies*. Vol. 5. No. 2. P. 248–256.

Qian Yong 钱泳. (1979). Lü yuan cong hua 履园叢話 [A collection of talks from the Garden of Plenty]. Beijing: Zhonghua shuju chuban. (In Chinese).

Wang Haiyun 王海云. (2019). Ming qing zhi ji jiang nan di qu min jian ci shan shi ye liu bian tan xi (shuo shi xue wei lun wen) 明清之际江南地区民间慈善事业流变探析 (硕士学位论文) [An Analysis of the Flux of Folk Philanthropy in Jiangnan Area during the Ming and Qing Dynasties (Master's thesis)]. Shanxi shifan daxue. (In Chinese).

Wu Xinlei 吴新雷. (2002). *Zhongguo kunju da ci dian* 中国昆剧大辞典 [A large dictionary of Chinese drama kunqu.]. Nanjing: Nanjing da xue chubanshe. (In Chinese).

Wu Zonghui 吴宗辉. (2021). “Hong lou meng” zhi “Liu er dang yi” kao lun — cong hong yan suo jiao zhu ben zhu shi xiu ding shuo qi 《红楼梦》之《刘二当衣》考论 - 从红研所校注本注释修订说起 [A Study of “The Dream of the Red Chamber” and “The Clothes laid by Liu Er” on the Annotation and Editing of the Hunyan University Collated and Commented Edition]. *Hong lou meng xue kan*. No. 4. P. 257-271. (In Chinese).

Zhao Lian 昭槿. (2012). *Xiao ting za lu, xu lu* 萧亭杂录, 续录 [Notes on various topics from the Xiao Pavilion]. Shanghai: Shanghai guji chubanshe. (In Chinese).

Zhao Shanlin 赵山林. (2003). *Da xue sheng zhong guo gu dian wen xue ci dian* 大学生中国古典文学词典 [Dictionary of Chinese Classical Literature for Students]. Guangzhou: Guangdong jiaoyu chubanshe. (In Chinese).

Zhong Sicheng 鍾嗣成. (2024). *Lu gui bo* 錄鬼簿 [Records of deceased playwrights]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=506039> (accessed: 23.07.2024). (In Chinese).

Zhu Quan 朱權. (2024). *Taihe zheng yin pu* 太和正音譜 [Formulary for the correct sounds of great harmony]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=557215> (accessed: 27.07.2024). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 25.07.2025. Received: 25 July 2025.

Принята к публикации: 10.09.2025. Accepted: 10 September 2025.

А.Г. Алексанян

Наставник Ма, беззаботно странствующий в Дао: К 75-летию Владимира Вячеславовича Малявина

А • G • 阿列克萨尼扬

在“道”中逍遥漫步的马师:

祝贺弗拉基米尔 • 维亚切斯拉沃维奇 • 马利亚温 75 岁寿辰

A.G. Aleksanyan

Master Ma, Carefree Wanderer in the Dao: On the 75th Anniversary of Vladimir Vyacheslavovich Malyavin

13 сентября 2025 г. исполнилось семьдесят пять лет выдающемуся отечественному китаисту Владимиру Вячеславовичу Малявину (*кит.* 馬良文 *Ма Лянвэнь*), и писать ему поздравления официальным и сухим слогом кажется верхом безвкусицы. Можно, конечно, подробно перечислить даты и «вехи», дать официальную и бездушную характеристику, формально и шаблонно «поздравить и пожелать...», однако представляется, что сам юбиляр охотнее примет пусть и неловкое, но искреннее поздравление в каком-нибудь нестандартном, необычном виде. Мы посчитали, что наиболее подходящим в данном случае будет стилизация под похвальные речи танских эссеистов — велеречивые и выпренные «ваяния дракона в сердцевине письмен», как нельзя лучше подходящие к его «танской», если так можно выразиться, личности, совмещающей в себе ученого, мыслителя, писателя и практика *тайцзицюань*.

Конечно, писать такие послания к лицу Хань Юю или Пу Сунлину, умело и искусно умеющим вплетать узор словес в текст и изящно выгравировать мельчайшие детали, однако за неимением таковых за дело берется скромный и малоталантливый варвар из северной страны, лишь слегка вкусивший крохи ханьской тысячелетней культуры, и оттого его несовершенное произведение полно неровностей и шероховатостей. Увы нам, нынешним, и как далеки мы от мастеров былых времен. Итак, начнем.

Владимир Вячеславович Малявин

«Наставник Ма (馬師 *Ма ши*), чей фамильный знак Ма 馬, а имя — Лянвэнь 良文, родился в год *гэн-инь* 庚寅 в восьмую луну во второй день (13 сентября 1950 года) в семье достойных ученых-*ши* 士. С ранних лет наставник Ма отличался любознательностью и усердием, приводившими в изумление окружающих, так что люди говорили: “Вот, в роду Ма появился достойный сын”. Наставник Ма усердно постигал в училище премудрость, в совершенстве овладел старинным языком, читал с почтением учителей Куна и Мэна (孔孟 *Кун-Мэн*)¹, радостно дивился писаниям Лао и Чжуана (老莊 *Лао-Чжуан*)², не чужд был и дивных строф поэзии, пытливно разбирал истории-*ши* (史書 *шишу*)³ прошлых династий и, что называется, гармонично соединял в своей груди премудрость «трех учений» (三教 *саньцзяо*)⁴. Учителя и соученики не могли надивиться на него.

В году *жэнь-цзы* 壬子 (1972) наставник Ма отбыл за море, дабы усовершенствовать свои познания в ханьском наречии в училище “Южного моря” (南洋大学)⁵, где весьма преуспел и свел знакомство со многими учеными мужами со всех концов мира. Как говорится, “знания его утучнялись (厚 *хоу*), а мудрость прирастала (博 *бо*)”.

Вернувшись из заморских стран, наставник Ма неумоимо возвращал младую поросль бамбука, пропалывал усердно грядки знаний, щедро увлажнял молодые побеги, наставляя еще не забравших волосы в прическу служилого в древней премудрости. Усилия его видны: сколь много славных имен произросло под его попечением, сколько всходов талантливых принесла его забота!

¹ Т.е. сочинения Конфуция и Мэн-цзы, вообще конфуцианские сочинения.

² Т.е. Лао-цзы и Чжуан-цзы, даосские произведения вообще.

³ Т.е. исторические хроники. Автор намекает на университетскую специализацию В.В. Малявина как историка.

⁴ Т.е. конфуцианство, буддизм и даосизм.

⁵ Наньянский университет в Сингапуре, существовавший с 1956 по 1980 г., где стажировался В.В. Малявин.

Уча младых, наставник Ма не забывал и о “кисти и туши” (筆墨 *бимо*)⁶: всех сочинений его нельзя и перечесть (不可勝記 *букэ шэн цзи*). Пытливый ум его прозревал сквозь завесу столетий коловращение династий и исход и упадок сильных семей (門閥之衰落 *мэньфа чжи шуайло*)⁷, а беглая кисть заносила плоды его размышлений на шелк; дух его парил среди семи мудрецов из Бамбуковой рощи (竹林七賢 *чжулинь цисянь*)⁸, а мысли о них ложились стремительными знаками на бумагу свитка; в сердце своем наставник Ма возносился на вершины и погружался в бездны Дао, перелагая сокровенно-таинственные (玄妙 *сюаньмяо*) строки “[Трактата в] пять тысяч знаков” (五千字 *у цянй цзы*)⁹ и “Южного цветка” (南華 *Нань хуа*)¹⁰; его быстрее ветра мчащаяся кисть перенесла на бумагу его размышления о жизни Куна¹¹ и Чжу-ана¹²; твердый дух направил, а тушь послушно улеглась на шелк, выписывая мудрость “кулака Великого Предела” (太極拳 *тайцзицюань*)¹³; наставник Ма переложил со старинного языка и толкованиями обрамил учение Суня о законах ратных (孫子兵法 *Суньцзы бинфа*)¹⁴... О, всего не перечислить!

В году *жэнь-суй* 壬戌 (1982) наставник Ма отплыл в страну варваров Во (倭)¹⁵, где посетил училище в Восточной столице (東京)¹⁶. Немало родственных по духу мужей он встретил там. В году *у-чэнь* 戊辰 (1988) стяжал, что называется, “кушак и шапку”¹⁷, в “лесах ученых-ши” (士林 *шилинь*) прогуливался вольно, бродя туда-сюда¹⁸. В году *дин-чоу* 丁丑 (1997) снова ветер вольный позвал наставника Ма в путь, и он отплыл к Драгоценному Острову (寶島 *бао дао*)¹⁹, где долго пробыл, уча других в училище, что у реки Даньшуй (淡江大學)²⁰, и сам учась немало.

Однако тоска по родным местам (故鄉之悲 *гусян чжи бэй*) вернула наставника Ма на родину, и вот, в году *дин-ю* 丁酉 (2017), он снова вернулся в “лес мужей-ученых”, ступает по тропинкам снова, когда-то хоженным, и снова, как некогда, бамбук молодой растит²¹, и кисть его усталости не знает, и тушь на ней не высыхает.

⁶ Т.е. о научных работах.

⁷ Гибель древней империи. М.: Наука, 1983; Империя ученых. М.: Европа, 2007.

⁸ Жуань Цзи. О жизни и творчестве китайского поэта и мыслителя Жуань Цзи. М.: Наука, 1985.

⁹ Т.е. «Дао-дэ цзин». Лао-цзы, Дао-дэ цзин, книга о Пути жизни. М., 2006.

¹⁰ Т.е. «Чжуан-цзы». 南華真經 — «Истинные трактаты Южного цветка/Китая» — почтительное наименование текстов, приписываемых кисти Чжуан Чжоу. Чжуан-цзы: даосские каноны. М., 2002.

¹¹ Конфуций. М.: Молодая гвардия, 1992.

¹² Чжуан-цзы. М.: Наука, 1985.

¹³ Традиции «внутренних школ» ушу. М., 1993; Тайцзицюань. Классические тексты, принципы, мастерство. М., 2011.

¹⁴ Китайская военная стратегия. М., 2002.

¹⁵ Старое название Японии.

¹⁶ Речь идет о стажировке В.В. Малявина в Токийском университете в 1982 г.

¹⁷ Образный намек на защиту докторской диссертации В.В. Малявиным в 1988 г.

¹⁸ Под «лесами ученых» автор имеет в виду работу В.В. Малявина в системе АН: в Институте этнографии, Институте Дальнего Востока и др.

¹⁹ Одно из старых названий Тайваня.

²⁰ Речь идет о профессорской работе В.В. Малявина в Тамканском университете (Тайвань) с 1997 по 2017 г.

²¹ Образный намек на возобновление педагогической деятельности В.В. Малявина.

Разнообразен и всеохватен наставник Ма: говорит — и словно свирель Земли звучит, мыслит — и словно флейта Неба ей отзывается²²; возьмется за кисть, чуть обмакнет ее в тушь — и вот бегут по шелку быстрые знаки, и сердца образы запечатлеваются в них. Покуда пребывал он на острове Драгоценности, окаймленном земными террасами²³, вступил он на пути-дао в Драконьи Врата (入龍門 *жу Луньмэнь*) и постиг искусство кулака Великого Предела у наставников Линя и Гао²⁴ — дух их несломим и крепок, слит с Дао; наставник Ма усвоил их уроки — идет драконом, поступью тигриной (龍行虎步 *лун син ху бу*)²⁵.

Как известно, малое знание разнится от великого, как громкие речи — от тихих, и горлице с цикадой не стоит с птицей Пэн (鵬)²⁶ равняться. Иные из современников говорят: писания наставника Ма высоки как горные пики, режущие облака (高峰入雲

²² Аллюзия на метафоры Чжуан-цзы «флейта Земли» (地籟 *ди лай*) и «флейта Неба» (天籟 *Тянь лай*) из второй главы «Уравнивание вещей» (齊物論 *Ци у лунь*) из одноименного произведения.

²³ Аллюзия на Тайвань.

²⁴ Аллюзия на ученичество В.В. Малявина у наставников тайцзицюань школы Лунмэнь (龍門, Драконьи врата) Линь А-луна и Гао Лю-дэ.

²⁵ Образное обозначение уверенности и твердости.

²⁶ Аллюзия на первую главу «Чжуан-цзы» «Беззаботное странствование» (逍遙遊 *Сяою ю*).

гаофэн жу юнь), глубоки и темны как Северная Бездна (北冥 бэй мин), где уж нам уразуметь их (奚以知其然也 *си и чжи ци жань е*)?²⁷ Иные зубоскалят и смеются: наставник Ма-де заблудился в Дао и в беззаботных странствиях своих себя утратил.

Я, недостойный, скажу так: первым недурно вспомнить, что учитель Кун, взойдя на вершину Тайшань и обозрев окрест, увидел царство Лу маленьким-премаленьким. Так, с высоты видится далеко, на тысячи *ли*, и может статься, что только внуки-правнуки узнают, прав или нет наставник Ма — покажет Дао. Вторым же не стоит забывать о перепелке и птице Пэн²⁸: кому и кочка — целый мир, кому — и неба лазоревого мало. И это также явит Дао.

Хвала гласит (贊曰 *цзань юэ*)²⁹:

Наставник Ма — как опишу его? Драконий лик (龍顏 лун янь)³⁰, тигровая походка, Остов крепок как скала, а мышцы и сухожилия — мягки и гибки.

Ци-сила равномерно наполняет все члены и хранилища³¹; взгляд остр,

Пронизывает мир до основания. Наставник Ма спокоен и уверен,

Хранит Единое (守一 *шоу и*), вкушает ветер и пьет росу (餐風飲露 *цань фэн инь лу*)³².

Вдох-выдох, словно дышит Ком Великий (大塊噫氣 *Да Куай ици*)³³.

Бредет вперед — *цилин* (麟 *лин*) ему навстречу,

Присядет отдохнуть под деревом — так фениксы (鳳 *фэн*) слетаются,

Нахмурится — дракон в ответ шумит,

Смеется — черепаха-гуй (龜 *гуи*) лик кажет³⁴.

Вокруг — ученые мужи как тучи собрались (雲集 *юнь цзи*),

Учеников не счесть — как чешуи у рыбы (鱗萃 *лин цуй*)³⁵.

Наставник Ма стремится свой бег по поднебесью

Подобно тезде, Скакуну Небес³⁶.

Что тут еще сказать? Смолкаю...

Неловкой кистью я, неспособный (不能 *бу нэн*), начертал в году *и-сы* 乙巳 (2025)».

²⁷ Прямая цитата из первой главы «Чжуан-цзы».

²⁸ Аллюзия на притчу о перепелке и птице Пэн из первой главы «Чжуан-цзы».

²⁹ Традиционная формула в панегириках.

³⁰ Образное обозначение благородного облика.

³¹ «Хранилища» (藏 *цзан*) в даосской «внутренней алхимии» и традиционной китайской медицине означают внутренние органы. Равномерное распределение ци в организме считается признаком здоровья и долголетия.

³² Аллюзии на даосские практики сосредоточения и отшельничества.

³³ Прямая цитата из второй главы «Чжуан-цзы».

³⁴ Перечисленные волшебные существа являются благовещими символами.

³⁵ В текстах на *вэньяне* «облака» и «чешуя» в наречном значении перед глаголами «собираться, скапливаться» выступают метафорой неисчислимого множества.

³⁶ Игра слов: фамильный знак Ма 馬 имеет буквальное значение «лошадь»; тезкой наставника Ма является Небесный Скакун 天馬 Тянь ма, мифологическое существо, ассоциирующееся с мудростью и благодатью.

И.Ю. Зуенко¹

Труды Владимира Малявина — насто́льные книги китаеведа

Аннотация. Статья представляет собой личные воспоминания и профессиональную рефлексию автора — российского китаеведа, чье профессиональное становление пришлось на 2000–2010-е гг. — о фундаментальном труде Владимира Малявина «Китайская цивилизация» и других важных книгах исследователя, отметившего в сентябре 2025 года свое 75-летие. В статье раскрывается роль указанных книг в формировании целостного образа Китая, а также прослеживается научный путь самого Малявина, чьи работы, созданные в достаточно молодом возрасте, претендовали на статус прорывных для отечественного и мирового китаеведения. Материал служит одновременно благодарностью одному из ярких представителей старшего поколения китаеведов и рекомендацией для начинающих специалистов к прочтению ключевых трудов юбиляра.

Ключевые слова: востоковедение, китаеведение, цивилизация, библиография, Малявин.

I • Yu • 祖延科

弗拉基米尔·马利亚温的著作——汉学家的必读书。 祝贺马利亚温 75 岁寿辰

摘要: 本文展现了作者——一位职业生涯始于 2000 年代和 2010 年代的俄罗斯汉学家——对弗拉基米尔·马利亚温开创性的《中华文明》及其其他重要著作的个人回忆和职业反思。弗拉基米尔·马利亚温于 2025 年 9 月庆祝了其 75 岁生日。本文探讨了这些著作在塑造中国整体形象方面所发挥的作用，并追溯了马利亚温本人的学术历程。他在相当年轻时创作的著作被认为是俄罗斯乃至国际汉学的突破性著作。马

¹ Зуенко Иван Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). 伊万·尤里耶维奇·祖延科, 历史学副博士, 莫斯科国际关系学院东方学教研室副教授, 俄罗斯科学院中国与当代亚洲研究所世界政治与战略分析中心首席研究员. Ivan Yuryevich Zuenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Oriental Studies, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia; Leading Researcher at the Center for World Politics and Strategic Analysis, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS). E-mail: i.zuenko@inno.mgimo.ru.

利亚温作为老一辈汉学家的杰出代表之一，谨以此文对其表示感谢，并推荐新手学者阅读他的主要著作。

关键词：东方学；汉学；文明；书单；马利亚温

I.Yu. Zuenko

Vladimir Malyavin's Writings as Handbooks for China Experts

Abstract. The article presents the personal recollections and professional reflections of the author — a Russian sinologist whose academic formation took place in the 2000s–2010s — on the fundamental work “Chinese Civilization” by Vladimir Malyavin, as well as on other important books by the scholar, who celebrated his 75th birthday in September 2025. The article reveals the role of these works in shaping a holistic image of China and traces Malyavin’s own scholarly path, whose early works aspired to a breakthrough status in both Russian and global sinology. The material serves as both a tribute to one of the most prominent representatives of the senior generation of sinologists and a recommendation for young specialists to read the key works of the jubilarian.

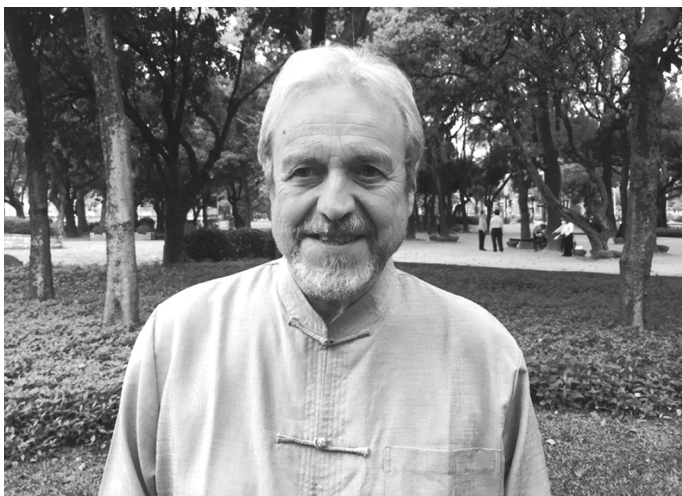
Keywords: Oriental studies, sinology, civilization, bibliography, Malyavin.

Когда я только поступил в Восточный институт Дальневосточного госуниверситета в 2000 г., на одной из первых лекций по курсу социальной антропологии, который читал Андрей Валентинович Александров (1952–2014)², мы, вчерашние школьники, еще почти ничего не знавшие о Китае, услышали рекомендацию: *«Купите себе книгу Малявина “Китайская цивилизация” и прочитайте. Пока не прочитаете, за другие работы не садитесь»*.

Книга эта действительно только появилась в магазинах и библиотеках и была вполне доступна. На фоне большинства других книг по Китаеведению (и востоковедению в целом), изданных в основном еще во времена Советского Союза, не на самой хорошей бумаге, зачастую в блеклой мягкой обложке, она выглядела очень выигрышно. Солидная, толстая, с иллюстрациями, с веским, емким названием на красивой обложке, — ее хотелось держать в руках, возить с собой, читать в общественном транспорте, иметь на письменном столе вместе с учебниками и прописями по каллиграфии. Таковы были первые впечатления.

Позже, прочитав ее несколько раз (а некоторые разделы — по несколько десятков раз), я убедился, что и внутреннее ее содержание — настоящий клад. Эта монография фактически стала моей первой Китаеведной книгой. Более того — смешно сказать, но она появилась у меня раньше, чем какой-либо китайско-русский словарь (карманные словарики, которые мы брали на занятия или «в поле», не в счет), потому что так называемый «шанхайский словарь» был мной приобретен только на третьем курсе, а до этого вполне нормальной практикой было ходить заниматься со словарем в читальный зал.

² Подробнее об этом выдающемся учёном и педагоге можно прочитать здесь: Зуенко И.Ю. Памяти наших учителей: кафедра истории китайской цивилизации ДВГУ // Известия Восточного института. 2025. № 4. С. 50–57; Зуенко И.Ю. Научный вклад А.В. Александрова в изучение древней истории Китая // Известия Восточного института. 2017. № 1 (33). С. 11–16.

Так вот. «Китайская цивилизация» Владимира Малявина [Малявин, 2000a] на долгие годы заняла место на рабочем столе или на ближней книжной полке, откуда доставалась, когда нужно было быстро сориентироваться в культурно-исторической системе координат Китая или получить краткую, но емкую авторитетную цитату по тому или иному аспекту китайской культуры. И так было не только у меня.

Когда после свадьбы (моей избранницей, само собой, тоже стала выпускница факультета китаеведения), мы с моей супругой занимались созданием уже общей, семейной библиотеки, объединяя привезенные из родительских квартир книги, выяснилось, что некоторые работы — ключевые для подготовки начинающих китаеведов — у нас оказались в двух экземплярах. «Китайская цивилизация» Владимира Малявина, естественно, была среди таковых.

И теперь уже я сам, став преподавателем и занимаясь подготовкой новых поколений российских китаеведов, рекомендую эту книгу первокурсникам — наравне, например, с многотомной «Духовной культурой Китая».

В 2024 г. у меня появилась возможность вдобавок к старой книге 2000 г. рекомендовать и ее фактическое переиздание (как говорится в таких случаях, «улучшенное и исправленное») — монографию «Китайский мир. Корни и крона» [Малявин, 2024a].

Значение этих книг для создания у начинающих китаеведов комплексного, цельного образа изучаемой страны сложно переоценить. Начинаясь с очерков, посвященных той природной среде, в которой возникла, сформировалась китайская цивилизация, продолжаясь вполне стандартными для этого жанра, обзорными, сжатыми очерками по историческому развитию, политической и социально-экономической системе, в последующих разделах («Мудрость», «Религии», «Быт, нравы, обрядность» и т.д.) книга дает исчерпывающие ответы на вопросы, что скрывается за внешними атрибутами Китая, какова сущность этой самой *цивилизации*.

Позже, занимаясь историей Китая, я открыл для себя также серию «Этническая история китайцев», состоящую из шести книг, изданных в 1978–1993 гг. Это абсо-

лютно прорывное для своего времени издание, меняющее сам подход, с которым мы изучаем китайскую историю. В данном случае честь соавторства пяти из шести книг Владимир Малявин делит с другими выдающимися исследователями: Михаилом Викторовичем Сафроновым, Николаем Николаевичем Чебоксаровым (1907–1980), Леонардом Сергеевичем Переломовым (1928–2018) и, прежде всего, Михаилом Васильевичем Крюковым (1932–2024), которого в одном из своих интервью назвал своим учителем³, — и, нужно сказать, отдельные разделы «Китайской цивилизации» перекликаются с соответствующими частями «Этнической истории». Но от этого вклад В.В. Малявина не становится менее значимым. Тем более наработки ученого по классической истории Китая, отраженные в многотомной коллективной серии, дополняются индивидуальной монографией «Гибель древней империи» [Малявин, 1983], об усилении так называемых «сильных домов» и кризисе империи Хань, которая по новаторству подхода и языку изложения также, можно утверждать, опередила свое время.

И тут мы подошли к еще одному феномену, который произвел впечатление на меня в годы студенчества. Владимира Вячеславовича я четко воспринимал как современника: его статьи и интервью попадались в Интернете, он дважды приезжал к нам в Дальневосточный университет читать лекции, но прочитанные мной от корки до корки книги по этнической истории — при всей их гениальности — отчетливо ассоциировались с «прежними временами» и былыми достижениями отечественной науки. Обратившись к биографии авторов и выходным данным книг, легко было подсчитать, что Малявину на момент создания этих выдающихся трудов было чуть за 30 лет. Какая результативность! Какой замечательный пример для молодых исследователей!

Вместе с тем отдельные факты из профессиональной биографии Владимира Вячеславовича — раз уж мы перешли к ней — оказываются характерными именно для его поколения и с позиций сегодняшнего дня выглядят парадоксально и поучительно. Ведь как это известно из интервью ученого, он подобно очень многим выдающимся китаистам — выпускникам 1960–70-х гг., изначально хотел поступить на японское отделение, но не прошел по конкурсу (что, впрочем, не помешало ему выучить японский язык уже параллельно с китайским, а позднее стажироваться в Японии). Поэтому изначально он вряд ли воспринимал изучение Китая как свою мечту. Но оказавшись на этом пути, стремился добиться совершенства — и преуспел в этом!

В 1972 г. после окончания института он год стажировался в Сингапуре («вместо Китая, куда ехать было нельзя, и уж тем более, упаси Бог, Тайваня»⁴), в Наньянском университете. Вернувшись в Москву, начал преподавать в МГУ. В 27 лет получил ученую степень кандидата исторических наук, защитив диссертацию по теме «Сильные дома в Китае в III веке н.э.» [Малявин, 1976]. А в 38 лет — степень доктора исторических наук, защитив диссертацию «Формирование раннефеодальной идеологии в Китае» [Малявин, 1987]. И только после этого — в 1988 г. — состоялась его пер-

³ Владимир Вячеславович Малявин. Проект: «Китаеведение — устная история». URL: <https://pandia.org/text/77/130/523.php>. (дата обращения: 10.09.2025). Посвящение М.В. Крюкову, сделанное В.В. Малявиным, см. [Малявин, 2024].

⁴ Владимир Малявин. Центр «Средоточие». URL: <https://sredotochie.ru/o-nas/rukovoditel/> (дата обращения: 10.09.2025).

вая (!) поездка в Китай, на стажировку в Пекинский педагогический университет, где он занимался научными исследованиями на кафедре фольклористики, народной литературы и народной религии.

Вот это пример для молодых китайедов, которые в период пандемийной закрытости Китая сетовали, что без регулярных поездок в страну изучаемого языка у них нет мотивации и стимула к профессиональному росту!

Начиная с 1990-х, как признает сам Владимир Вячеславович, он начал отходить от традиционной работы историка — «от описания фактов перешел к проникновению за факты». В поле его научных интересов все больше входили духовные практики, традиционная эстетика и антропология. В этот же период он стал активно заниматься переводами и комментированием древнекитайских текстов.

Поскольку эти сферы многогранного китайедного знания от моих научных интересов и профессиональных обязанностей далеки (а возможно — и, более того, вероятно, — я до них еще не дорос), тут мне оценить достижения Владимира Вячеславовича гораздо сложнее. Могу сказать, что «Сумерки Дао» того же 2000 г. издания [Малявин, 2000b] и «Китай управляемый» 2005 г. [Малявин, 2005], которые среди нас, студентов-восточников, передавались из рук в руки как сокровенное знание, так и остались мной до конца непонятыми.

С другой стороны, многие пассажи из много раз читаной-перечитаной «Китайской цивилизации» также раскрывались лишь со временем, обретая новый смысл по мере того, как мое собственное понимание Китая углублялось и усложнялось.

К таковым относится фрагмент из заключительной части книги, на который я часто опираюсь в попытках ответить на расхожий вопрос со стороны: «В чем сущность китайской цивилизации?»

«Понять китайскую цивилизацию — значит прежде всего понять причины ее необыкновенной устойчивости при столь же поразительном многообразии локальных форм. <...> Китайская цивилизация характеризуется не просто их сосуществованием, но и наличием определенного иерархического порядка. Что же лежит в основе такого порядка? Ключевое понятие — “ритуал” (“ли”). Для китайцев ритуал — не просто обряд или формальность. Ритуал в китайском поведении есть правильное и должное поведение, в котором непосредственно воплощаются принципы мироздания, сама правда жизни» [Малявин, 2000a, С. 597].

И еще одна мысль, которая, как мне кажется, бьет в само «средоточие»⁵ смыслов, связанных с китайской цивилизацией. Цитирую ее полностью: «Подлинная сила китайской культуры проистекает из поразительной внутренней преемственности ее форм, из неоспоримой, выверенной опытом сотен поколений последовательности. Его корень — в безупречном доверии к силе самой жизни, одновременно по-детски наивном и бесконечно мудром. Инстинкт, просветленный сознанием, и сознание, примиренное с инстинктом, — вот альфа и омега китайской мудрости, секрет необычной жизненности наследия Китая» [Малявин, 2000a, С. 5]⁶.

⁵ Автор неслучайно использовал здесь это слово — в данном случае используется отсылка к названию культурного центра, возглавляемого В.В. Малявиным.

⁶ Также эти идеи развиваются в статье [Малявин, 2022].

13 сентября 2025 г. Владимиру Вячеславовичу Малявину, доктору исторических наук, профессору, профессору-исследователю факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики, главному научному сотруднику Института Китая и современной Азии Российской академии наук, члену редакционного совета журнала «Российское Китаеведение» исполнилось 75 лет.

От лица всей редакции журнала «Российское Китаеведение» поздравляю юбиляра! Как отметил в одном из своих интервью сам Владимир Вячеславович, цитируя великого историка В.О. Ключевского, «биография ученого — его книги»⁷. Круглая дата — отличный повод для того, чтобы еще раз вспомнить книги, написанные юбиляром, многие из которых, как это уже сказано выше, стали подлинными настольными книгами российских Китаеведов.

Ниже представлена избранная библиография В.В. Малявина (заметим, что электронные версии большей части книг доступны на официальном персональном сайте⁸), которая, согласно мысли, представленной выше, и есть лучшая биографическая справка для выдающегося исследователя.

Библиографический список

- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978. 336 с.
- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. 328 с.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII—XIII вв.). М.: Наука, 1984. 336 с.
- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М.: Наука, 1987. 312 с.
- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Этническая история китайцев в XIX — начале XX в. М.: Восточная литература, 1993. 413 с.
- Малявин В.В. Гибель древней империи. М.: Наука, 1983. 225 с.
- Малявин В.В. Жуань Цзи. О жизни и творчестве китайского поэта и мыслителя Жуань Цзи. М.: Наука, 1978. 167 с. (Писатели и ученые Востока).
- Малявин В.В. Империя ученых. М.: Европа, 2007. 378 с.
- Малявин В.В. Китай в XVI—XVII вв.: Традиция и культура. М.: Искусство, 1995. 287 с. (Эпоха, быт, искусство).
- Малявин В.В. Китайская цивилизация. М.: Астрель, 2000а. 627 с.
- Малявин В.В. Китайский мир. Корни и крона. М.: Рипол Классик, 2024а. 776 с.
- Малявин В.В. Китай управляемый: Старый добрый менеджмент. М.: Европа, 2005. 303 с.
- Малявин В.В. Конфуций. М.: Молодая гвардия, 1992. 335 с. (Жизнь замечательных людей).
- Малявин В.В. Михаил Васильевич Крюков (1932–1924). In Memoriam // Российское Китаеведение, 2024b. № 3. С. 106–108.
- Малявин В.В. О китайской цивилизации // Российское Китаеведение, 2022. № 1. С. 95–111.

⁷ Эксклюзивное интервью Владимира Малявина // Магазета. URL: <https://magazeta.com/malyavin>. (дата обращения: 12.09.2025). Точная цитата В.О. Ключевского: «В жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли».

⁸ См. <https://sredotochie.ru/> (дата обращения: 10.09.2025).

- Маливин В.В. Повседневная жизнь Китая в эпоху Мин. М.: Молодая гвардия, 2008. 496 с.
- Маливин В.В. Сильные дома и идейная борьба в Китае II—III вв. Автореф. дисс. к.и.н. М., МГУ. 1976.
- Маливин В.В. Сумерки Дао: Культура Китая на пороге Нового времени. М.: Дизайн, 2000b. 436 с.
- Маливин В.В. Традиционная эстетика в странах Дальнего Востока. М.: Знание, 1987. 62 с.
- Маливин В.В. Формирование раннефеодальной идеологии в Китае. Автореф. дисс. ... д.и.н. М., МГУ. 1987.
- Маливин В.В. Цветы в тумане: взгляды в Азию. М.: Наука, 2012. 382с.
- Маливин В.В. Чжуан-цзы. М.: Наука, 1985. 309 с. (Писатели и ученые Востока).

References

- Kriukov M.V., Maliavin V.V., Sofronov M.V. (1978). Drevnie kitaitsy: problemy etnogeneza [The Ancient Chinese: Problems of Ethnogenesis]. Moscow: Nauka. 336 p. (In Russian).
- Kriukov M.V., Maliavin V.V., Sofronov M.V. (1979). Kitaiskii etnos na poroge srednikh vekov [The Chinese Ethnos on the Eve of the Middle Ages]. Moscow: Nauka. 328 p. (In Russian).
- Kriukov M.V., Maliavin V.V., Sofronov M.V. (1984). Kitaiskii etnos v srednie veka (VII–XIII vv.) [The Chinese Ethnos in the Middle Ages (7th–13th Centuries)]. Moscow: Nauka. 336 p. (In Russian).
- Kriukov M.V., Maliavin V.V., Sofronov M.V. (1987). Etnicheskaia istoriia kitaitsev na rubezhe srednevekov'ia i novogo vremeni [The Ethnic History of the Chinese at the Turn of the Middle Ages and Modern Times]. Moscow: Nauka. 312 p. (In Russian).
- Kriukov M.V., Maliavin V.V., Sofronov M.V., Cheboksarov N.N. (1993). Etnicheskaia istoriia kitaitsev v XIX — nachale XX v. [The Ethnic History of the Chinese in the 19th — Early 20th Century]. Moscow: Vostochnaia literatura. 413 p. (In Russian).
- Maliavin V.V. (1983). Gibel' drevnei imperii [The Fall of the Ancient Empire]. Moscow: Nauka. 225 p. (In Russian).
- Maliavin V.V. (1978). Zhuan Ji. O zhizni i tvorchestve kitaiskogo poeta i myslitelia Zhuan Ji [Ruan Ji: On the Life and Work of the Chinese Poet and Thinker]. Moscow: Nauka. 167 p. (Pisateli i uchenye Vostoka). (In Russian).
- Maliavin V.V. (2007). Imperiia uchenykh [Empire of Scholars]. Moscow: Evropa. 378 p. (In Russian).
- Maliavin V.V. (1995). Kitai v XVI–XVII vv.: Traditsiia i kul'tura [China in the 16th–17th Centuries: Tradition and Culture]. Moscow: Iskusstvo. 287 p. (Epokha, byt, iskusstvo). (In Russian).
- Maliavin V.V. (2000a). Kitaiskaia tsivilizatsiia [Chinese Civilization]. Moscow: Astrel'. 627 p. (In Russian).
- Maliavin V.V. (2024a). Kitaiskii mir. Korni i krona [The Chinese World: Roots and Crown]. Moscow: Ripol Klassik. 776 p. (In Russian).
- Maliavin V.V. (2005). Kitai upravliaemyi: Staryi dobryi menedzhment [China Governed: Good Old Management]. Moscow: Evropa. 303 p. (In Russian).
- Maliavin V.V. (1992). Konfutsii [Confucius]. Moscow: Molodaia gvardiia. 335 p. (Zhizn' zamechatel'nykh liudei). (In Russian).
- Maliavin V.V. (2024b). Mikhail Vasil'evich Kriukov (1932–1924). In Memoriam [Mikhail Vasilievich Kriukov (1932–1924). In Memoriam]. Rossiiskoe kitaevedenie [Russian Sinology]. No. 3. P. 106–108. (In Russian).
- Maliavin V.V. (2022). O kitaiskoi tsivilizatsii [On Chinese Civilization]. Rossiiskoe kitaevedenie. No. 1. P. 95–111. (In Russian).
- Maliavin V.V. (2008). Povsednevnaia zhizn' Kitaia v epokhu Min [Everyday Life in China during the Ming Dynasty]. Moscow: Molodaia gvardiia. 496 p. (In Russian).
- Maliavin V.V. (1976). Sil'nye doma i ideinaia bor'ba v Kitae II–III vv. [Powerful Clans and Ideological Struggle in China in the 2nd–3rd Centuries]. Avtoref. diss. kand. ist. nauk. Moscow: MGU. (In Russian).

Maliavin V.V. (2000b). Sumerki Dao: Kul'tura Kitaia na poroge Novogo vremeni [Twilight of Dao: Chinese Culture on the Eve of Modern Times]. Moscow: Dizain. 436 p. (In Russian).

Maliavin V.V. (1987). Traditsionnaia estetika v stranakh Dal'nego Vostoka [Traditional Aesthetics in the Countries of the Far East]. Moscow: Znanie. 62 p. (In Russian).

Maliavin V.V. (1987). Formirovanie rannefeodal'noi ideologii v Kitae [The Formation of Early Feudal Ideology in China]. Avtoref. diss. dokt. ist. nauk. Moscow: MGU. (In Russian).

Maliavin V.V. (2012). Tsvety v tumane: vgliadyvaias' v Aziyu [Flowers in the Mist: Gazing into Asia]. Moscow: Nauka. 382 p. (In Russian).

Maliavin V.V. (1985). Chzhuan-tszy [Zhuangzi]. Moscow: Nauka. 309 p. (Pisateli i uchenye Vostoka). (In Russian).

*А.В. Лукин*¹

Российское китаеведение и развитие технологий искусственного интеллекта²

А • V • 卢金

Россия汉学与人工智能技术的发展

A.V. Lukin

Russian Sinology and the Development of Artificial Intelligence Technologies

Уважаемые коллеги!

Большое спасибо за приглашение выступить на этом авторитетном международном форуме китаеведов — Девятой всемирной конференции по китаеведению.

Основная тема сегодняшнего форума — «Китайские исследования в эпоху искусственного интеллекта» — крайне актуальна в сегодняшнем мире. Сегодня активно обсуждаются различные аспекты ИИ — от философских вопросов о том, сможет ли так называемый искусственный интеллект стать действительным интеллектом, то есть создавать новые идеи, и в этом смысле составить конкуренции человеческому интеллекту, до вполне практических проблем: не заменит ли ИИ значительную часть рабочей силы и что тогда делать с высвободившимися людьми, или, что особенно актуально для нас, профессоров: как обучать студентов, любые письменные работы они будут писать не самостоятельно, но с использованием программ ИИ.

¹ Лукин Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). A.V. 卢金, 历史学科学博士, 教授, 俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所学术所长。Alexander Lukin, DPhil, Professor, Academic Head of the Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS). ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru.

² Выступление А.В. Лукина на Девятой всемирной конференции по китаеведению, Шэньчжэнь, 7 июня 2025 г.

Я не новичок в дискуссиях китаеведов. Так, в 2012 г. мне посчастливилось участвовать в Третьей всемирной конференции по китаеведению, которая проходила в Народном университете в Пекине. Но в то время исследования в области ИИ еще только начинались, и все эти вопросы еще не стояли на повестке дня. Сегодня мы живем в совсем другом мире, в мире ИИ, который дошел и до нашей области, области китаеведения. И мы должны идти в ногу со временем.

Исторически российское китаеведение всегда шло в ногу со временем. Это объясняется особым географическим положением России. Исследования Китая начались в России в конце XVII века, тогда, когда территории двух империи встретились на Дальнем Востоке Евразии. Поэтому позаимствовав многое из европейского китаеведения, фактически, являясь его частью, с самого начала оно отличалось более практической направленностью, сочетанием фундаментальных исследований и информированием правительства, снабжением его информацией для принятия конкретных внешнеполитических решений.

Первые контакты между русскими и китайскими дипломатами выявили, что в тогдашней России не только плохо знают соседнюю страну, но никто не знаком с ее языком. По некоторым данным, побывавшие в 1618–1619 гг. в Китае казаки во главе в Иваном Петлиным привезли в Россию грамоту (письмо) императора Ваньли, но ее смогли перевести только через столетие. Из-за этой истории в русский язык даже вошло выражение «китайская грамота». Так называют надпись или письмо, которые написаны так непонятно или неразборчиво, что их невозможно прочитать.

А переговоры в Нерчинске, которые привели к первому русско-китайскому договору, заключенному между Русским царством и Империей Цин в 1689 г., приходилось переводить через третий язык. Цинские представители говорили на маньчжурском языке, жившие тогда в Китае иезуиты переводили на латынь, а русский переводчик переводил с латыни на русский.

Поэтому уже в начале XVIII в. император Петр 1 издал указ о подготовке в России переводчиков с китайского языка, которые должны были переводить переговоры, а также китайские документы, книги по истории, законодательству и культуре этой страны.

Тогда же, в 1715 г. была основана Русская православная духовная миссия в Китае, сотрудники которой формально были посланы в Пекин для того, чтобы русские пленные, поступившие на службу в маньчжурскую армию, имели возможность молиться в православной церкви. Однако в реальности миссия превратилась в центр китаеведения. В нее направлялись студенты для обучения языкам цинской империи, которым поручалось переводить китайские книги и документы, художники с заданием рисовать картины о разных сторонах китайской жизни, врачи для «обмена медицинским опытом». Приезжали туда и сотрудники, которые должны были побольше узнать о различных китайских технологиях, например технологии производства фарфора. Сегодня, согласно некоторым исследованиям, эти технологии были применены при создании в 1744 г. Невской порцелиновой мануфактуры. Это известное в России предприятие работает до сегодняшнего дня под именем «Императорский фарфоровый завод». Кроме того, до открытия официальной дипломатической миссии в Пекине в 1861 г. Духовная миссия фактически осуществляла функции российского посольства.

Многие руководители и сотрудники миссии стали выдающимися китаеоведами. Так, начальник 9-й миссии архимандрит Иакинф (Бичурин) в 1819–1851 гг. выпустил в свет 14 книг и около 100 статей Китая и сопредельных странах, был избран членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук, стал почетным иностранным членом Парижского Азиатского общества и приобрел общеевропейскую известность. Начальник 15-й миссии архимандрит Палладий (Кафаров, 1817–1878) стал одним из основоположников российской академической синологии. Он составил «Полный русско-китайский словарь» и создал классическую систему русской транскрипции китайского языка, настолько совершенную, что с небольшими изменениями мы пользуемся ею и сегодня.

Другая важная особенность российского китаеведения была обусловлена тем, что Россия была не только европейским, но еще и евразийским государством. Азия была для нее не чем-то внешним, но всегда частью ее самой. Вплоть до того, что в XIII в. Россия и Китай одновременно попали под власть монголов и формально стали частями монгольской империи. Позднее Россия включила в себя территории Азии, населенные самыми разными народами, которые исповедовали ислам и буддизм, также распространенные в Китае. И сегодня три российских региона: Калмыкия, Тува и Бурятия, — населены народами, традиционная религия которых — буддизм тибетского направления. Неслучайно именно в Бурятском научном центре РАН сконцентрированы монгольские, тибетские и буддийские исследования. Бурятские и калмыцкие ученые поддерживают активные связи с китайскими коллегами.

Довольно развиты в России и дунганские исследования. Это связано с тем, что в СССР на территории Казахстана и Киргизии проживало несколько десятков тысяч дунган, и даже издавалась газета и другая литература на дунганском языке (фактически, диалекте китайского). При этом для записи использовалась кириллица.

Российские китаеведы традиционно симпатизировали Китаю, даже XIX в. они не считали его отсталой страной, видели его мощный потенциал. Приведу слова выдающегося китаеоведа академика В.П. Васильева, сказанные в 1883 г., когда Китай уже сильно ослаб под давлением империалистических держав: «Можно положительно утверждать, что Китай имеет все данные, чтобы достигнуть самой высшей точки умственного, промышленного и вместе политического прогресса. Его принцип глубокого уважения к науке, стремление всего народа учиться с необыкновенным напряжением, не стесняясь количеством лет, показывает, что там может вырасти нация самая образованная в свете, что она может создать ученых, которые могут не только разрабатывать науку сообща с остальным миром, но даже не остановятся на общем уровне... Китайцы могут отличаться и в артистическом и художественном отношении. Далее, нет ремесла, нет промысла, нет ни одной торговой ветви, в которой за китайца можно бы бояться, что он отстанет от других. И так как все это будет сделано тщательно и дешево, то мир может быть завален китайскими товарами. Может дойти дело даже до того, что китаец захватит все рынки и промыслы всего света»³.

³ Васильев В.П. Современное положение Азии. Китайский прогресс. СПб.: Тип.И. М. Стасюлевича, 1883. С. 24.

В советское время китаеведение, как и все науки, стало сильно идеологизированным. Кроме того, многие выдающиеся китаеведы подверглись преследованиям. Но, несмотря на это, российская школа китаеведения сохранила свой высокий уровень. Это во многом связано с тем, что структура власти и управления в Китае как в республиканский период, так и после 1949 г., имеет много общего с советской системой, поэтому россиянам часто проще ее понимать, чем специалистам, не имеющим опыта жизни в подобных условиях.

В то же время советское китаеведение сохраняло свою практическую направленность. В Китае хорошо известны имена китаеведов, одновременно работавших и как ученые, и как дипломаты и сотрудники других государственных учреждений: издатель стихотворений Мао Цзэдуна академик Н.Т. Федоренко, академик С.Л. Тихвинский, представлявший СССР на церемонии провозглашения КНР 1 октября 1949 г., недавно ушедший от нас академик В.С. Мясников, посол в Китае И.А. Рогачев и его отец, выдающийся переводчик А.П. Рогачев, автор переводов классических романов «Речные заводы» и «Путешествие на Запад» и многие другие.

Сразу после распада СССР российская наука в целом, в том числе китаеведение, пережила сложный период сокращения финансирования, нехватки кадров, ухода специалистов из науки в бизнес и эмиграцию. Однако сегодня положение восстановлено и российское китаеведение достигло значительных успехов. Свидетельство тому — например, изданная в 6 томах с 2006 по 2010 г. и получившая Государственную премию России энциклопедия «Духовная культура Китая» — самое подробное из существующих на русском языке энциклопедических изданий, посвященных китайской цивилизации. Другое издание — «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» в 10 томах издавалось с 2013 по 2018 г. В настоящее время оба издания переводятся на китайский язык в Китае.

Росту успехов китаеведения во многом способствовала политика поворота России к Азии и установление тесного стратегического партнерства между Россией и Китаем. Сегодня российско-китайские отношения бурно развиваются, создана разветвленная система сотрудничества между политическим руководством и правительствами двух стран, между регионами, городами, предприятиями, вузами, общественными организациями. С 2010 г. Китай прочно занимает место первого торгового партнера России, торговый оборот вырос примерно до 250 млрд долл. в год. Сегодня трудно найти российскую компанию или учреждение, которое не имело бы китайского партнера. Это ведет к росту популярности китайского языка, который изучается почти во всех университетах страны и даже во многих школах, и стал вторым по популярности в стране после английского, обогнав традиционно востребованные французский и немецкий. В этой обстановке нам, специалистам по Китаю, остается только отвечать на общественный запрос на китайскую экспертизу и следить за качеством обучения.

И все это происходит в эпоху роста применения ИИ, что также необходимо учитывать. Я скептически слушаю разговоры о том, что ИИ несет только хорошее и скоро заменит человека. Машина, созданная человеком, никогда не будет способна заменить основную человеческую функцию: способность мыслить в смысле создания новых идей, и делать нравственный выбор, потому что эти способности нерукотворны.

Машина использует только ту информацию, которая вложена в нее человеком. Но она способна гораздо более эффективно, чем сам человек, находить нужное из заложенной в нее информации и находить оптимальный вариант на основе этой информации.

Эти полезные способности рано или поздно будут адаптированы человеческой цивилизацией, так же как ранее были адаптированы другие достижения: радиосвязь, телефон, компьютер, интернет и т.п. И как прежние достижения, ИИ, конечно, может серьезно продвинуть некоторые области науки и техники.

Мы в России активно применяем методологии анализа данных и ИИ в исследованиях по востоковедению, в том числе в китаеведении. Например, в рамках *Московского проекта изучения китайского общества*, который под моим руководством осуществляется в МГИМО, выработана новая методология анализа китайских социальных сетей с использованием технологий обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP), в частности, таких инструментов NLP, как:

— лингвистическое сегментирование китайского текста (Chinese Word Segmentation) — разделение китайского текста на слова и словосочетания (так как в китайском языке отсутствуют пробелы);

— извлечение информации (Information Extraction) — автоматическое построение структурированных данных из неструктурированных или слабоструктурированных китайских текстов);

— классификация эмоций (Emotion Classification) — определение основной эмоции в тексте;

— анализ тональности текста (Sentiment Analysis, или Opinion Mining) — классификация полярности текста (определение, является ли выраженное в нем мнение позитивным, негативным или нейтральным);

— извлечение отношений (Relation Extraction) — выявление соотношений между лексическими единицами в рамках заданной семантической парадигмы (семантического поля).

Вчера на секции я представил один из результатов этих исследований, который содержит анализ мема «боевой народ», используемый в китайских социальных сетях для характеристики россиян⁴.

Уже несколько лет в Институте востоковедения РАН издается научный журнал «Цифровое востоковедение».

Что касается собственно искусственного интеллекта, то он используется для изучения китайского языка (ИИ-преподаватель), расшифровки древних текстов, поиска данных и научной литературы, переводов текстов, предварительной оценки студенческих работ и т.п. Такое использование ИИ будет расти.

В то же время следует отметить два важных момента. Во-первых, в науке и образовании развитии ИИ — это не только новые возможности, но и серьезные вызовы. Например, развитие технологий переводов может привести к иллюзии понимания чужой культуры без ее серьезного изучения, которое может дать только собственное

⁴ См.: Сюэ Ж., Лукин А.В., Бочарова А.П. Развитие стереотипа «боевой народ» о россиянах (дискурс- и контент-анализ китайских медиа и социальной сети «Вэйбо») // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 100–113.

владение ее языком. Я уже не говорю о распространенных сегодня попытках несамостоятельного составления учебных и даже научных текстов.

Во-вторых, в китаеведении, как и в гуманитарной сфере вообще, роль человека не только никогда не исчезнет, но и не снизится, так как оно изучает человека, его мысли и поведение, которые не поддаются цифровизации. И это в нашу эпоху цифровизации не следует забывать.

*С.Н. Гончаров*¹

**Россия и Китай:
взаимное влияние на исторические судьбы друг друга.
От ханьского императора У-ди до наших дней**

S • N • 贡恰罗夫

俄罗斯与中国：从汉武帝至今对彼此历史命运的相互影响

S. N. Goncharov

**The Influence of Russia and China on the Historical Fortunes of Each Other:
From Emperor Wu of Han until Today**

Вместо введения

1. Феноменальный рост китайской экономики, безусловно, стал одним из самых выдающихся событий всемирной истории последней четверти XX в. В течение первой четверти XXI в. стало совершенно очевидным, что при всех несомненных проблемах, которые существуют в этой экономике, она развивается не просто за счет огромных резервов дешевой рабочей силы (к настоящему времени таковые практически исчерпаны), но и посредством все более активного и широкого использования новых и высоких технологий. Выяснилось также, что скептицизм, ранее высказывавшийся в связи с возможностью применения китайской иероглифической письменности для разработки и применения компьютерных программ и технологий, явля-

¹ Гончаров Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН. 谢尔盖·尼古拉耶维奇·贡恰罗夫, 历史学副博士, 俄罗斯科学院东方学研究所中国部首席研究员. Sergey Nikolaevich Goncharov, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Department of China, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-8774-0869. E-mail: goncharovsn@gmail.com.

ется совершенно неоправданным. Более того, внезапно стало очевидным, что такая письменность и связанный с нею характерный для китайской культуры мыслительный метод открывают уникальные новые возможности для развития искусственного интеллекта, которыми не обладают другие языковые и культурные системы. В своей программной статье А.И. Кобзев раскрывает специфику китайского «дихотомичного» мышления и высказывает обоснованное предположение о том, что его широкое применение способно в существенной степени определить дальнейшие пути прогресса человечества². Формирующееся новое понимание ранее недооцениваемого интеллектуально-культурного потенциала китайской цивилизации побуждает и к предпринятию попыток переоценки влияния Срединного государства на всемирно-исторические процессы — в том числе в столь важной сфере, как его взаимоотношения с Россией.

2. Когда в середине 60-х гг. зарубежным наблюдателям стало, наконец, ясно, что между Москвой и Пекином назревает серьезный конфликт, резко возрос интерес к изучению истории этих взаимосвязей. «Вторая волна» всплеска интереса к истории советско-китайских отношений наблюдалась в конце 90-х — начале 2000 — х гг., когда завершилась их нормализация и стало формироваться стратегическое партнерство. В это время за рубежами России и Китая сложилось достаточно скептическое отношение к серьезности перспектив сотрудничества между двумя государствами. Третья волна интереса к истории контактов между Москвой и Пекином наблюдается в настоящее время. Теперь зарубежные эксперты стали куда более серьезно относиться к потенциалу такого взаимодействия и предлагают самые разные объяснения причин, приведших к выходу этих отношений на столь высокий уровень.

3. Стала во все большей степени ощущаться потребность в том, чтобы глубже понять сущностное содержание этих двусторонних контактов, выйти за пределы традиционного хронологического изложения фактов из истории российско-китайских отношений. Примером успешной и продуктивной попытки движения в таком направлении можно назвать, например, работу А. В. Лукина, посвященную эволюции представлений о Китае в России на протяжении всего периода активных контактов между двумя государствами³.

4. Кроме того, появилась потребность в том, чтобы выйти за традиционные рамки, отсчитывающие историю современных российско-китайских отношений либо от Октябрьской революции в России в 1917 г., либо от момента образования Нового Китая в 1949 г. И в России,⁴ и за рубежом⁵ появились работы, в которых предпринимается попытка если не осмысления, то изложения истории двусторонних связей как единого процесса, который начался примерно 400 лет назад, с момента первых дипломатических контактов между двумя государствами.

² Кобзев А.И. Китайский путь человечества // Восток (Oriens). 2016. № 4. С. 16–27.

³ Lukin A. (2003). *The Bear Watches the Dragon: Russia's Perceptions of China and the Evolution of Russian-Chinese Relations since the Eighteenth Century*. London; New York: Routledge.

⁴ Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М.: Вест Мир, 2013.

⁵ Snow P. (2023). *China and Russia: Four Centuries of Conflict and Concord*. New Haven; London: Yale University Press.

5. Автору этого текста довелось долгие годы заниматься изучением средневековой и современной внешнеполитической доктрины Китая, историей внешней политики этой страны и советско(российско)-китайских отношений. В результате этих изысканий, переговоров с китайскими партнерами и общения с коллегами, сложилось убеждение в том, что существует некая глубинная, не наблюдаемая на поверхности взаимосвязь, взаимное влияние между историческими судьбами двух государств и населяющих их народов. Этот текст представляет собой попытку реконструировать важнейшие примеры подобного взаимного влияния, и одновременно — попытку на примере российско-китайского взаимодействия раскрыть ключевую роль такого глобального «биполярного» взаимного резонирования в исторических судьбах Евразии. Прошу коллег не критиковать за достаточно многочисленные ссылки на собственные работы — это вызвано только тем, что сюжет этот вызревал много лет, преломляясь через очень разнообразные, казалось бы, не связанные друг с другом темы из различных эпох. Кроме того, мне посчастливилось долгие годы проработать в Китае и посетить многие из уникальных исторических памятников этой страны. Каждый такой визит, помимо всего прочего, вызывал достаточно эмоциональные размышления относительно возможной связи китайского исторического процесса с развитием всемирной истории и истории России. Поэтому я позволил себе отразить в тексте некоторые впечатления о таких визитах.

6. Основная идея данного текста состоит в том, что формирование геополитического облика Евразии в течение по крайней мере последних двух столетий в огромной степени определялось взаимодействием между такими центрами силы, как Россия и Китай. Это взаимодействие на самом деле имеет более чем тысячелетнюю историю и с течением веков становилось все более тесным и всесторонним.

7. В этом тексте автор ни в коем случае не претендует на всесторонний и глубокий анализ многочисленных сложнейших исторических проблем, которые по необходимости в нем затрагиваются. Свою задачу я видел только в привлечении внимания коллег к тому, что на ряд хорошо известных сюжетов можно посмотреть и под углом взаимного влияния России и Китая на исторические судьбы друг друга. Многие из высказываемых соображений наверняка способны вызвать обоснованные возражения. Именно для облегчения возможного обмена мнениями и его конкретизации текст смонтирован из ряда пронумерованных пассажей.

8. Хотелось бы особо подчеркнуть, что все соображения автора и сделанные им выводы отражают исключительно его личную точку зрения, ни в коем случае не принадлежат каким-либо научно-исследовательским или государственным структурам Российской Федерации. Автор также несет полную ответственность за точность и достоверность приводимого в тексте фактического материала.

9. В процессе подготовки текста к печати с ним ознакомились многие коллеги по дипломатической службе, на которой автор состоял 20 лет назад, и по исследовательской работе, которой он занимается в настоящее время. Хотелось бы особо поблагодарить за детальные и исключительно полезные комментарии и замечания Чрезвычайных и Полномочных послов Российской Федерации Л.П. Моисеева и А.Н. Рожкова. Я чрезвычайно признателен моим коллегам по работе в Отделе Китая Института Востоковедения РАН С.В. Дмитриеву и Н.А. Орловой, за целый ряд исключительно цен-

ных конкретных замечаний и исправлений, а также А.И. Кобзеву и Н.В. Руденко, которые ознакомились с самыми ранними вариантами рукописи, подвергшейся после этого коренной переработке.

1. «Великое переселение народов» и принятие Русью православия

1.1. Сложнейшие проблемы взаимоотношений между империей Хань (汉朝, 202 до н.э. — 220 н.э.) и протогосударственным конгломератом кочевых племен сюнну (匈奴) рассматриваются в огромном числе научных монографий и статей. Материальным проявлением такого противостояния и одновременно монументом ему стала Великая стена. Не углубляясь в бездны нерешенных проблем, существующих внутри темы этого исторического противоборства и сосуществования, отметим только, что переломным стал период правления императора У-ди (武帝, 156 — 87 до н.э.). Его полководцы нанесли сюнну ряд сокрушительных поражений и выбили их из цепи оазисов к западу от Китая, игравших важнейшую роль в жизнеобеспечении кочевников⁶. В конечном счете под давлением сил империи Хань сюнну распались на южную и северную группы. При этом «южные сюнну» попали в орбиту влияния китайской империи, а северные вынуждены были начать движение в западном направлении⁷.

⁶ Man J. (2019). *Barbarians at the Wall: The First Nomadic Empire and the Making of China*. London: Corgi Books. P. 143–185. В храме Даймяо (岱庙) у подножья священной горы Тайшань (泰山) в провинции Шаньдун располагается «двор кипарисов эпохи Хань» (汉柏院). Растущие там пять древних кипарисовых деревьев были посажены в эпоху правления императора У-ди, который, следуя требованиям ритуала, несколько раз совершал восхождение на Тайшань. Глядя на эти величественные деревья и понимая, что они ведут свой век с тех времен, когда начался решающий этап процесса, приведшего к уходу части гуннов на Запад и к великому переселению народов, испытываешь совершенно непередаваемые эмоции. На могиле Хо Цюбина (霍去病, 140–117 до н.э.), одного из легендарных полководцев той эпохи, в пригороде современного города Сиань (был столицей империи Хань и носил тогда название Сяньян (咸阳)) стоит знаменитая статуя боевого коня, который запечатывает поверженного воина сюнну. Реплики этой статуи воспроизведены во многих местах — например, на стене VIP-терминала сианьского международного аэропорта. Впрочем, существует и иная интерпретация этой скульптурной композиции: «Одна из статуй имеет особое значение. Обычно описываемая, как “лошадь, топчущая варвара”, она представляется явным символом достижений Хо. Однако такая идея исходит от Виктора Сегалена — французского этнографа и историка искусства и была высказана им в 1914 г., когда он впервые описал эту скульптуру. На самом деле там не происходит никакого запятывания. Эта прекрасная композиция, изваянная из массива гранита весом 3,8 тонны, изображает лошадь, которая просто стоит, расставив ноги над варваром с густой бородой, которого можно узнать по луку в его левой руке и стреле в правой. Похоже на то, что это — статическое изображение идеальной ситуации, при которой лошадь и варвар находятся в официальных отношениях между высшим и низшим, в тот период, когда и горы Цилинь и Западный край были включены в состав империи (Хань — С.Г.)» [Man, p. 161–162].

⁷ Ibid., p. 189–214, 247–264. В современном Китае, безусловно, доминирующей является точка зрения, согласно которой именно сюнну, разгромленные империей Хань, двинулись затем на запад и стали причиной «великого переселения народов», а также гибели Западной Римской империи (см. например популярное изложение этой версии в 李作奎, “将日耳曼人驱出丛林, 使罗马帝国走向灭亡。匈奴西进改变欧洲历史” [Ли Цзокуй. Выгнали германцев из лесных чащ, привели к тому, что Римская империя двинулась к гибели. Продвижение сюнну на запад изменило историю Европы], “环球时报” [Global Times]. 02.02.2005).

В научных кругах нет полного консенсуса относительно того, тождественны ли «северные сюнну», ушедшие от рубежей Срединного государства на запад, «гуннам», обрушившимся на Европу неизвестно откуда. В последнее время, однако же, появляется все больше самых разнообразных косвенных свидетельств наличия родственной связи между этими этническими группами. Верно и другое — в процессе движения на запад (оно, как подсчитали современные специалисты, осуществлялось со средней скоростью от 50 до 90 км в год и происходило по мере быстрого истощения вновь завоеванных пастбищ) сюнну смешивались с этническими группами, которые встречались им на пути и изменяли вследствие этого свой облик. Их движение представляло собой непрерывную цепь сражений и стычек за пастбища, источники воды и продовольствие, что превратило их в еще более мощную, чем прежде, машину, предназначенную для боевых действий и грабежей. Таким образом, миграция «северных сюнну» на Запад, вызванная их стратегическим поражением в противостоянии империи Хань, инициировала «великое переселение» сначала народов, обитавших в Великой Евразийской степи, а затем и в Европе. По данным античных источников, в 158 г. гунны были замечены у Волги и нижнего Дона⁸. На собственно европейских рубежах они появились в 350 г.

1.2. В 395 г., вскоре после появления гуннов в Европе, римская империя распалась на Западную и Восточную части. Среди современных историков существует вполне устоявшееся мнение о том, что военные удары гуннов и «великое переселение народов», вызванное их движением на Запад, стали прямыми причинами гибели Западной Римской империи⁹. В процессе агонии империи Рим был разграблен дважды (в 410 г. — готами и в 455 г. — вандалами). В 476 г. один из варварских военачальников, находившихся на службе у Западной империи, сверг последнего из ее императоров, и она прекратила свое существование. После этого «Вечный город» не раз подвергался новым разграблениям и, несмотря на отдельные попытки восстановления, приходил во все больший упадок.

1.3. В середине V в. великий вождь гуннов Атилла (?–453) начал вторжение в Восточную Римскую империю. Ее император Феодосий II (408–450) после нескольких поражений от степняков и невзирая на возражения воинственных придворных, в 447 г. принял решение согласиться на выплату гуннам значительной дани. Не приходится сомневаться, что одним из факторов, побудивших императора настоять на такой непопулярной политике, была информация о происшедшем совсем незадолго до этого первом разграблении Рима. В результате Атилла прекратил наступление и повернул на Запад. Таким образом был спасен Константинополь, остались нетронутыми Малая Азия и Египет — основные регионы, которые являлись тогда источниками поступления налогов. Это важнейшее событие дало импульс к постепенной выработке Византией особой дипломатической стратегии, состоявшей в том, чтобы подкупать тех варваров, которые располагались на флангах или в тылу варварских этнических или протогосударственных образований, которые представляли в каждый период времени главную угрозу Константинополю, побуждать этих подкупленных

⁸ Ibid., p. 265–290.

⁹ Heather P. (1995). The Huns and the End of the Roman Empire in the West. The English Historical Review. 1995. Vol. 110. No. 435 (Feb.). P. 4–41.

варваров нападать на основных противников Византии¹⁰. Такая стратегия, как правило, оказывалась успешной. Главная причина тому состояла в удивительной эффективности и устойчивости византийской налоговой системы, которая продолжала исправно функционировать даже после опустошительного разграбления Константинополя крестоносцами в 1204 г. и вплоть до его взятия турками в 1453 г.¹¹

1.4. Помимо таких военно-дипломатических методов Византия также широко применяла в своей политике в отношении варваров и «мягкую силу», основными элементами которой были развитие торговли и распространение христианской веры. С начала VII в. и вплоть до середины VIII в. наблюдается упадок мощи Византии. На этот период приходится разрушительные внутренние бунты, масштабные вторжения войск персов и арабов. Империя выстояла, и на последующие 300 лет приходится возрождение ее мощи, когда она вновь стала способна эффективно применять весь богатый арсенал средств и методов осуществления внешней политики¹².

1.5. Именно в этот период начинаются все более активные контакты между Византией и Русью. В отношениях между ними ярко проявили себя все методы внешнеполитической деятельности, существовавшие в то время — Византия воевала с Русью, натравливала на нее степных кочевников, однако также периодически на возмездной основе привлекала вооруженные силы русичей для борьбы с собственными врагами¹³. Не менее активно применялось и воздействие с применением «мягкой силы». Здесь между Византией и Русью сформировались отношения, напоминавшие контакты между Римской империей периода ее расцвета и германскими племенами. Применительно к Руси торговля по «пути из варяг в греки» не только рассматривалась как средство удовлетворения потребностей и получения прибыли, но и как метод, позволяющий «цивилизовать варваров» с тем, чтобы в долгосрочной перспективе, в той или иной форме инкорпорировать их в состав империи¹⁴.

¹⁰ Все это, разумеется, очень и очень напоминает такие китайские стратегические установки, как «поддерживать дипломатические отношения с дальними для того, чтобы наносить удары по ближним» (远交近攻) и «использовать варваров для того, чтобы обуздывать варваров» (以夷制夷), которые активно испокон веков применялись Средним государством в его борьбе с северными народами.

¹¹ Люттвак Э.Н. Стратегия византийской империи. 2-е изд., испр. и доп. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020. С. 90–143.

¹² Treadgold W. (1998). The Persistence of Byzantium. The Wilson Quarterly. Vol. 22. No. 4 (Autumn). P. 66–91.

¹³ Характерен в этом смысле политический фон, на котором состоялось крещение Руси. В сентябре 987 г. византийский император Василий II Болгаробойца направил посольство в Киев к великому князю Владимиру. Во время переговоров договорились о том, что последний пошлет войска для того, чтобы помочь Константинополю справиться с восстанием полководца Варда Фоки, который провозгласил себя императором. Взамен Владимир должен был получить в жены дочь Василия II Анну, при условии принятия христианства правителем Руси и ее народом. В апреле 988 г. шеститысячный отряд русских склонил чашу весов в битве с мятежниками в пользу Константинополя. Этот отряд остался на службе у византийского императора, произошло крещение Руси, однако Василий II отказался выдавать дочь за Владимира. Тогда весной — летом 989 г. русское войско отправилось походом на Херсон, который являлся владением Византийской империи. См. Porpe A. (1976). The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine–Russian Relations between 986–89. Dumbarton Oaks Papers. Vol. 30. P. 197–199.

¹⁴ Хоскинг Д. Россия и русские: История. Кн. 1. М.: Транзиткнига, 2003. С. 48–49.

1.6. Безусловно, важнейшую самостоятельную роль сыграло принятие Русью христианства. Существуют различные версии того, откуда изначально эта религия пришла в Киевскую Русь. Автору кажется убедительной точка зрения академика М.Н. Тихомирова, который аргументированно доказывает обоснованность традиционной точки зрения о том, что пришла она из Византии.

Судя по всему, верным является и его мнение о том, что знаменитое повествование о выборе князем Владимиром византийской версии православия из числа нескольких разных религий скорее всего носит назидательно-риторический характер и отражает какие-то религиозные дебаты, существовавшие в тогдашней Руси, а также ее контакты с представителями Священной Римской империи, мусульманами — арабами и иудеями — хазарами. В условиях абсолютной приоритетности для Киева дипломатических, военных, торговых и культурных связей с Константинополем вряд ли существовала реалистичная альтернатива выбору византийского варианта православия¹⁵.

1.7. Получается, что такой важный, подлинно судьбоносный шаг, как выбор Русью византийской версии православия в очень значительной степени связан с уничтожением гуннами Западной Римской империи. Появление гуннов в Европе, в свою очередь, имело своей главной причиной то стратегическое поражение, которое они в конечном счете потерпели в противостоянии империи Хань. В силу всего этого впоследствии в Москве именно Константинополь считали «вторым Римом», пришедшим на смену безвозвратно ушедшему с исторической сцены «первому Риму» и передавшим Московскому царству «эстафетную палочку» православной легитимности.

2. Рост самосознания «северных варваров» и укрепление Московской Руси

2.1. Ни в коем случае нельзя представлять «северных варваров» в качестве примитивных дикарей, способных лишь на то, чтобы из века в век совершать разрушительные и однообразные набеги и походы на Срединное государство. В реальной жизни каждый из народов, которых китайцы относили к категории «северных варваров», достаточно динамично развивался, не только усваивая достижения китайской цивилизации, но и изучая опыт своих предшественников.

Попробуем кратко проиллюстрировать некоторые основные этапы этого не слишком хорошо известного процесса.

2.2. С 286 по 439 г. Северный Китай был охвачен постоянными войнами. В это время (традиционно данный период именуется эпохой «16 государств» 十六国) здесь шла борьба между различными образованиями, многие из которых были созданы вождями «северных варваров» различного этнического происхождения (五胡, «пять видов северных варваров», среди которых были и упоминавшиеся выше потомки «южных сюнну»).

До создания собственных государственных образований такие племена, как правило, подобно вышеупомянутым сюнну, долгое время проживали на территории китайской империи Хань и ее наследников, принимали китайские имена, язык и обычаи, служили

¹⁵ Tikhomirov M.N. (1959). The Origins of Christianity in Russia. History. Vol. 44. No. 152. P. 199–211.

при дворе китайских правителей и зачастую занимали там самые высокие посты¹⁶. Правители некоторых из подобных государств сознательно проводили политику китаизации, пытаясь использовать разработанные в Срединном государстве институты управления для построения и укрепления собственной централизованной власти¹⁷.

2.3. В конце IV в. племена сяньби (которые во II в. нанесли серьезные поражения сунну) захватили обширные территории Северного Китая и основали государство Тоба (拓跋 — имя правящего рода сяньби) (Северная Вэй (386–535)). Через некоторое время правители этого государства приняли решение о том, что их собственные культура и обычаи не представляют ценности на фоне китайской культуры, и поэтому необходимо полностью заимствовать культуру Срединного государства, фактически отказавшись от своей. Судя по всему, императорский указ о смене культуры и обычаев был проведен в жизнь со всей серьезностью¹⁸. Кроме того, правители Северной Вэй осуществили целый ряд идеологических и символических (полное принятие китайской ритуальной системы, подбор подходящего природного элемента, являющегося присущим государству, внесение в летописи необходимых астрономических и прочих природных знамений) шагов для того, чтобы «вписать» свое государство в цепочку легитимных китайских государственных образований¹⁹.

Ситуация полностью изменилась примерно через 900 лет, к периоду между X и XIII вв. В это время кидани (потомки сяньби) создали государство Ляо (907–1125), чжурчжэни — империю Цзинь (1115–1234), а тангуты — государство Западное Ся (1038–1227).

Все эти народы обладали качественно более высоким уровнем самосознания, чем сяньби. Это, прежде всего, выражалось в том, что каждый из них создал чрезвычайно развитую и сложную систему письменности, разительно отличавшуюся от китайской²⁰.

¹⁶ Corradini P. (2006). Sinicized Barbarian Rulers in Medieval China. *Rivista degli Studi Orientali* (Nuova Serie). Vol. 79, 1–4. P. 87–96.

¹⁷ Honey D.B. (1996). Sinification as Statecraft in Conquest Dynasties of China: Two Early Medieval Case Studies. *Journal of Asian History*. Vol. 30. No. 2. P. 115–151.

¹⁸ Deng S., Qiu Q. (2024). Sinicization of Toba Xianbei in China Is a Model of Great National Integration. *International Journal of Education, Culture and Society*. No. 9(1). P. 21–26. Как всем известно, Северная Вэй (北魏) оставила после себя такие великолепные памятники как «симметричные» и огромные пещерные храмовые комплексы Юньган (云岗 близ современного Датун в провинции Шаньси) и Лунмэнь (龙门 близ Лояна в провинции Хэнань), а также монастырь Сюанькунсы (Висящий в пустоте) в провинции Шэньси на пути из Датун в Лоян. Юньганский и Лунмэньский комплексы являются памятниками буддистского искусства, Сюанькунсы (悬空寺) — храмом, в котором молились адепты буддизма, даосизма и конфуцианства. В обоих пещерных комплексах имеются огромные и очень выразительные статуи, имеющие портретное сходство с императорами из рода Тоба, однако нет практически никаких элементов собственной культуры сяньби. Столица Северной Вэй была перенесена из Датун в Лоян с целью содействовать процессу китаизации и сломать сопротивление ему со стороны племенной аристократии сяньби.

¹⁹ Liu Puning (2018). Becoming the Ruler of the Central Realm: How the Northern Wei Dynasty Established Its Political Legitimacy. *Journal of Asian History*. Vol. 52. No. 1. P. 63–117.

²⁰ Есть сведения о том, что и в более ранние времена некоторые из северных народов разрабатывали собственную письменность. Ее образцы до нас не дошли, поскольку, судя по всему, она не имела слишком широкого распространения. Основатель государства Ляо Елюй Абаоцзи приказал разработать «большое» и «малое» киданское письмо исходя из осознанного стремления к сохранению своеобразия своего народа, к предотвращению растворения в море китайской культуры [Mote F.W. (2022). *Imperial China, 900–1800*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press. P. 42–43].

Не менее важным показателем уровня их самосознания был выбор ими названий государств. Когда сяньби захватили обширные земли Северного Китая, то присвоили своему государству название «Вэй», где Вэй было наименованием ранее располагавшегося на этих территориях древнего китайского царства. Таким образом они демонстрировали намерение включить собственное государственное образование в «мэйн-стрим» китайской культурно-исторической традиции. Их потомки выбрали избрали для названия собственного государства понятие, ничего общего не имевшее с наименованием какого-либо из древних китайских царств.

До настоящего времени существуют различные трактовки того, как понимать название Ляо (辽). Согласно одной версии, оно означает железо, сталь, согласно второй — обширные просторы, степь, пустыню. Наконец, в соответствии с третьей трактовкой речь идет о реке Ляо, на берегах которой зародился киданьский народ. В любом случае, здесь мы наблюдаем демонстративное стремление поставить себя вне китайского историко-культурного и географического «мейнстрима», подчеркнуть своеобразие и самобытность.

Аналогичным образом обстояло дело и с названием государства Цзинь. Ее основатель Ваньян (имя правящего рода чжурчжэней) Агуда (1068–1123, 完彦阿骨打, Храмовое имя Тай-цзу 太祖) в 1115 г., разъясняя выбор названия государства, заявил, что Ляо — это железо, которое хоть и прочно, но рано или поздно ржавеет. Поэтому, заявил Агуда, он решил назвать свое государство Цзинь (золотым), не подверженным ржавлению²¹.

Другая трактовка этого названия гласит, что государство назвали по имени «Золотой реки» (Аньчуху по-чжурчжэньски) на берегах которой зародился этот народ.

2.4. Основатель государства Ляо Елюй Абаоцзи (872–926, 耶律阿保机, Храмовое имя Тай-цзу) глубоко размышлял об исторической судьбе многочисленных государств, создававшихся северными народами в прежние времена. Он пришел к выводу, что проводимая правителями этих государств политика китаизации подрывала начальную боевую мощь северных народов и создавала условия для краха их власти²².

Такой образ мышления вообще характерен для представителей «новой формации» правителей северных этносов, захватывавших Китай в эту эпоху. В полной мере осознав ценность собственных культуры и языка, эти народы также пришли к выводу о том, что их сохранение является залогом удержания власти над куда более многочисленным, чем они сами, китайским населением.

В результате были приняты решения о том, что наиболее эффективным является сохранение китайских методов управления и китайской бюрократии для того, чтобы руководить оказавшимся под властью «варварских» династий китайским населением. При этом северные завоеватели набирали значительное число «управленческих кадров» из числа людей, проживавших в районе современного Пекина.

Эти люди в течение многих веков обитали на территориях, которые контролировались различными группами «северных варваров», заключали с последними смешанные браки, перенимали их бытовые привычки и одежду. Ханьское население,

²¹ Jin shi 金史. (n.d.). Benji, juan 2 本纪, 卷二 [History of Jin, Basic Annals, vol. 2].

²² Mote F.W. Op. Cit. P. 37–38.

проживавшее в более южных регионах, не воспринимало этих «прото-пекинцев» как подлинных китайцев, считая их какой-то промежуточной группой между истинными китайцами и «варварами»²³.

2.5. В случае возникновения военно-политической необходимости кидани и чжурчжэни не видели ничего невозможного в том, чтобы идти еще дальше и создавать на китайской территории марионеточные государства, которые всецело управлялись китайцами, однако на деле полностью повиновались приказам их северных повелителей. Одно из таких государств (китайцы именовали его «фальшивым», то есть марионеточным Ци, 伪齐) охватывало территории современных провинций Шаньдун, Хэнань и Шэньси и вполне успешно просуществовало там целых семь лет (1130–1137), пока не было упразднено чжурчжэньскими хозяевами. Такие марионеточные государства играли не только роль стратегических «буферных зон», но и представляли собой механизм экономической эксплуатации оккупированных регионов. Так например, марионеточное государство Ци обязано было ежегодно выплачивать своим чжурчжэньским хозяевам дань в 350 000 связок монет²⁴.

2.6. Вместе с тем кидани и чжурчжэни также понимали критическую необходимость сохранения боевого духа собственных войск, предотвращения их растворения в китайском этносе. С этой целью в Ляо и Цзинь была создана так называемая дуалистическая система управления.

В ее рамках в государстве Ляо действовали два «тайных военных совета» (枢密院), один из которых отвечал за управление киданями, а другой — китайскими подданными. В государстве Цзинь, как мы уже отметили, китайцами управляли всецело в рамках привычной для них системы, а чжурчжэнями — посредством их своеобразных традиционных военизированных структур «мэнъянь» и «моукэ»²⁵.

2.7. Ключевое значение при рассмотрении нашей темы имеет период великих монгольских завоеваний, формирование Чингисханом и его потомками огромной Евразийской империи. Согласно устоявшемуся мнению, решающую роль в утверждении в монгольском государстве в период его становления, китайских методов управления, сыграли реформы, проведенные высокопоставленным чиновником киданьского происхождения Елюй Чуцаем (耶律楚材, 1190–1244). Его мать была китайкой. Этот человек, успешно служивший империи Цзинь, в конечном счете перешел на службу к Чингисхану, заслужил его уважение и доверие. После смерти Чингисхана в 1227 г. Угэдей (которого Чингисхан при жизни назначил наследником) сделал Елюй Чуцаем своим главным доверенным советником. Последний, будучи главным придворным астрологом, сыграл выдающуюся роль в том, что во время «великого курултая» 1229 г. Угэдей одолел соперников и был официально утвержден в качестве наследника Чингисхана.

²³ Гончаров С.Н. О термине «хань эр» в китайских источниках X–XIII веков // О Китае средневековом и современном: записки разных лет / Под общ. ред. акад. А. А. Кокошина. Новосибирск: «Наука», 2006. С. 21–33.

²⁴ Гончаров С.Н. Об одной традиции в истории средневекового Китая (Иноземные завоеватели в Китае X–XIII веков и зависимые от них государства) // Там же. С. 21–33; Зависимое от чжурчжэней государство Ци (1130–1137) // Там же. С. 44–100.

²⁵ См. Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127–1142). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 58–59.

Именно через таких деятелей, как Елюй Чуцай, происходило усвоение монгольской верхушкой богатого опыта управления Китаем, накопленного и империей Цзинь, и другими «династиями-завоевателями».

2.8. В соответствии с традиционной точкой зрения, к моменту утверждения этого официального статуса Угэдея, в монгольской верхушке существовало две группы, представлявших совершенно различные подходы к управлению завоеванным к тому времени населением Северного Китая: «Представители первой группы стремились утвердить эффективную политику управления с использованием старых китайских моделей, в котором участвовали бы китайские чиновники, и также пытались избежать расчленения страны на наследственные владения монгольской аристократии... военная власть должна была принадлежать монголам и некоторым представителям китайских военных командиров, которые перешли на сторону монголов. Гражданская власть должна была быть передана в руки местной образованной элиты»²⁶. Елюй Чуцай был ведущим членом группы, которая разделяла такие позиции и поддерживалась Угэдем.

2.9. «Во вторую группу входили монгольские генералы, военные и влиятельные придворные, которые были противниками оседлого образа жизни, предполагавшего занятие сельским хозяйством и обитание в городах. Они выступали за полное уничтожение покоренного населения, за захват его земель и их превращение в пастбища»²⁷. Согласно этой традиционной версии, Елюй Чуцай добился права на проведение в 1230–1231 гг. эксперимента по сбору налогов с населения Северного Китая и с цифрами в руках доказал монгольской верхушке, что такой метод является неизмеримо более эффективным, чем уничтожение населения и превращение сельскохозяйственных угодий в пастбища.

Таким образом, в фольклорной традиции образ Елюй Чуцай утвердился в качестве спасителя китайского народа от «монгольского геноцида». Именно в этом качестве он удостоился чести быть запечатленным на памятнике, расположенном в очень красивом и малолюдном уголке парка Ихэюань в Пекине.

2.10. Похоже, что в данном случае мы имеем дело с легендой, подобной рассказу о выборе религии великим князем Владимиром. История о спасительной роли Елюй Чуцай неплохо отражает важнейшие процессы, проходившие в социуме вскоре после захвата монголами Северного Китая. Вместе с тем вряд ли можно говорить о некоей структурированной дискуссии между сторонниками двух вышеупомянутых точек зрения.

Ученый, глубоко изучавший социальную историю Северного Китая, констатирует, что в районах военных лагерей, где проживали семьи монгольских воинов, действительно имели место случаи, когда вырубались тутовые деревья, использовавшиеся для разведения шелкопряда, уничтожались урожаи сельскохозяйственных культур и вся эта территория превращалась в пастбища для скота²⁸.

²⁶ Sletneva T. (2022). Yelu Chucai's Movement in the Mongolian Court Described in Yuanshi. *Journal of East Asian Cultures*, 1. P. 39.

²⁷ Ibid, p. 40.

²⁸ de Rachewiltz I. (1966). Personnel and Personalities in the Early Mongol Period. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 9. No. 1/2 (Nov.). P. 133.

Это, однако же, не было главной и определяющей тенденцией. Таковая состояла в массовом принятии на монгольскую службу военных и гражданских чиновников, служивших тангутскому государству Ся, чжурчжэньской империи Цзинь и китайской Южной Сун. Это не могло не сопровождаться внедрением практиковавшейся в этих государствах системы управления.

Елюй Чуцай в начальные годы правления Угэдея действительно пытался внедрить систему централизованного налогообложения, однако проводимые им реформы оказались малоэффективными из-за саботажа и прямого сопротивления со стороны владельцев возникших в Северном Китае крупных латифундий, среди которых были не только монголы, но и перешедшие к ним на службу кидани, чжурчжэни и китайцы²⁹. Решение о выделении этих огромных наделов своей родне и преданным китайцам было принято тем самым Угэдем, который поддерживал Елюй Чуцай в его стремлении последовательно внедрять в империи китайские методы управления.

Нужно признать, что вообще внедрение дуалистических методов управления, а также связанная с этим практика организации марионеточных государств на первом этапе правления монголов усваивалась ими труднее, чем, например, киданями и чжурчжэнями³⁰.

Такое относительно более тяжелое принятие монголами методов дуалистического управления создавало существенные трения между ними и покоренным китайским населением. Не случайно, что монгольская империя Юань погибла не из-за вторжений внешних врагов, а из-за мощного внутреннего бунта.

Главное состояло в том, что идея марионеточных образований была жива, известна монголам и могла быть в любой момент применена ими на практике.

При всех трудностях и сбоях все-таки происходил процесс заимствования монголами китайских методов управления. Раздача монголами этих наделов, держателей которых монгольские правители рассматривали как своих «нукеров», товарищей по оружию, препятствовала созданию централизованной системы налогообложения, но не мешала внутри каждого из наделов управлять ханьским населением китайскими методами.

Таким образом, накануне принятия в 1235 г. решения о походе на Русь монголы уже стали исходить из того, что покоренными земледельцами нужно управлять с применением традиционных методов сбора налогов и организации выполнения повинностей, а не стремиться к их истреблению и превращению полей в пастбища.

²⁹ Ibid, p. 88–144.

³⁰ Даоский патриарх Чан-чунь (长春道人, светское имя Цю Чуцзи 丘处机, 1148–1227), вызванный на прием к Чингисхану, дабы поведать ему о секретах долголетия, посоветовал монгольскому владыке создать на территории китайской Срединной равнины марионеточное государство по типу уже упоминавшегося ранее государства Ци. Однако же с внедрением этих идей в практику все обстояло не здорово. В 1233 г., когда монголы уже разгромили основные силы чжурчжэней, военачальник Цуй Ли, находившийся в осажденном Кайфэне, перебил цзиньских министров и возвел на трон члена чжурчжэньского правящего клана под титулом Вэй-шао ван. Затем Цуй Ли вышел из города с дарами для того, чтобы сдаться монгольскому полководцу Субудэ. Цуй Ли не скрывал намерения повторить опыт Лю Юя, которого чжурчжэни возвели на престол в качестве правителя «фальшивого Ци». Эта попытка завершилась полным провалом — монголы перебили Цуй Ли и его семью [Гончаров. Дипломатия императорского Китая, с. 60–61].

2.11. Именно такая общая, с некоторыми местными вариациями, линия проводилась монголами при организации управления Русью³¹. На Юго-Западной Руси (Украине, в Переяславской и Киевской землях и в Подолии) монголы полностью убрали княжескую администрацию и заменили ее своим прямым управлением. Возможно, здесь сказалось стремление особенно жестко контролировать те территории, где живы были наиболее древние и сильные традиции собственной государственности. В Галицкой, Волынской, Смоленской и в Чернигов-Северской землях, равно как и в Восточной Руси, монголы установили собственное управление наряду с княжеской администрацией. В большей части страны монголы позволяли местным князьям продолжать править их княжествами под властью хана Золотой Орды и сюзеренитетом великого хана Монголии и Китая.

Такая форма правления отвечала практике выделения «наделов» и одновременно крайне напоминала создававшиеся киданями и чжурчжэнями марионеточные государства во главе с представителями местного населения. Как указывалось ранее, она, эта практика, применялась не только для создания «буферных зон» между собственными силами и противником, но и (через выплату дани) для эксплуатации местных жителей.

Нам прекрасно известно, сколь искусно воспользовались правители Великого княжества Московского такой предоставленной им свободой для маневра.

2.12. Кроме того, следуя китайской практике, установившейся начиная с периода Западной (Ранней) империи Хань (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.) и развитой в последующие эпохи, «северные варвары» позаимствовали две параллельные иерархические системы управления на региональном уровне — гражданская «вертикаль» возглавлялась чиновниками системы «тайшоу» (太守), а военная — чиновниками системы «дувэй» (都尉)³². Монголы позаимствовали эту структуру при разгроме государства Западные Ляо 西辽 (1124–1218), созданного «черными киданями» (кара-кидани) и явившегося наследником империи Ляо. Такая система была распространена монголами на все части своей империи. При этом в основанном монголами в Китае государстве Юань военные чиновники именовались *tanma(cí)*, а гражданские — *daluhuachi*. Применительно к Руси военные чиновники именовались *baskak*, а гражданские — *daruga*, *doroga*, *doraga*. При этом «баскаки», как правило, играли ведущую роль в уже завоеванных, но еще не покоренных землях, а гражданские — после стабилизации ситуации. Зачастую функции военных и гражданских чиновников накладывались друг на друга³³.

2.13. Во времена монгольского правления основными обязанностями населения Руси были выплата налогов и выделение рекрутов в армию. Для контроля за выполнением этих обязанностей периодически проводились переписи населения (в Среднем государстве, как известно, они осуществлялись, едва ли не начиная с периода

³¹ Вернадский Г. Монголы и Русь. Москва: Издательство «Ломоносов», 2023. С. 189–191.

³² Описание этой системы в период Западной Хань см.: Chen Maotong 陈茂同. (2004). *Zhongguo lidai guan zhi yange shi* 中国历代官职沿革史 [History of the Evolution of Official Posts in China Across the Dynasties]. Tianjin 天津: Baihua wenyi chubanshe 百花文艺出版社 [Baihua Literature & Art Publishing House]. P. 105.

³³ Ostrowski D. (1998). The “Tamma” and the Dual-Administrative Structure of the Mongol Empire // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 61. No. 2. P. 262–277.

Воюющих царств, 战国, 474–221 гг. до н.э.). Первоначально в ряде российских княжеств за сбор налогов отвечали «баскаки». Однако же, применительно к Северо-Восточной Руси понятие «баскак» исчезает со страниц летописей к 1310 г. «Надо полагать, что функции сбора дани и мобилизации войск были закреплены за русскими князьями. Контрольные функции были переданы специальному чиновнику — даруге (синоним баскака), который, однако, находился теперь при дворе хана, а не на территории вверенного ему княжества», — пишет Ю.В.Селезнёв³⁴.

2.14. Конечно же, ни в коем случае нельзя отрицать того, что история монгольского владычества была переполнена кровавыми карательными походами монголов для подавления восстаний, вспыхивавших в различных регионах Руси, грабительскими набегами и другими вооруженными конфликтами³⁵.

При всем при этом нельзя отрицать, что в очень серьезной степени содержание монгольского правления определялось тем, что применялись те институты и методы управления покоренным оседлым населением, которые в течение многих поколений усваивались северными соседями Срединного государства либо разрабатывались этими северными этносами самостоятельно. Таким образом Русь впервые напрямую испытала на себе влияние исторического опыта, возникшего в культурно-политическом ареале Срединной империи.

2.15. У периода монгольского владычества существовало еще одно, пожалуй, не менее важное измерение, которое в модной ныне терминологии можно определить, как «геополитическое». Попробуем очень кратко и схематично изложить историю Орды, руководствуясь при этом выводами Ю.В. Селезнева³⁶.

«Улус Джучи (в русских источниках XIII–XV вв. — Орда, а с XVI в. — Золотая Орда) был образован при выделении старшему сыну Чингиз-хана кочевого удела. Как убедительно показано М.Г. Сафаргалиевым, это произошло, а 1207–1208 гг.». После смерти Джучи-хана в феврале 1227 г. во главе улуса встал его второй сын Бату (Батый). Именно при нем Русь, как известно, стала частью Джучиева улуса.

В 1260-х гг. Монгольская империя переживала острый политический кризис. Берке — глава улуса Джучи — поддержал Ариг-бугу в борьбе за верховный престол в Карокурме в то время, как глава Ирана Хулагу поддержал Хубилая. Победа Хубилая в борьбе за престол поставила улус Джучи в оппозицию центральной власти и привела к фактической независимости от нее.

³⁴ Что касается обязанности предоставлять людей в монгольское войско, то Александр Невский «отмолил» от этой «нужды» в 1262/1263 гг., во время своей последней поездки в Орду. «С этого времени в ордынских военных мероприятиях принимают участие дружины русских князей, комплектуемые по отечественным мобилизационным правилам и нормам под контролем княжеских чиновников, а не ордынских баскаков. Этот факт можно считать первым шагом к высвобождению от ордынской зависимости, ослаблению системы “ига”»³⁴. См.: Селезнёв Ю.В. Картины ордынского ига: монография. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 44–45.

³⁵ Согласно подсчетам, проведенным Ю.В. Селезневим, за период 1223–1502 гг. в источниках зафиксировано более 152 вооруженных столкновений русских и ордынских войск, русские княжества подвергались ордынским вторжениям более 100 раз. В монографии Ю.В. Селезнева в табличной форме приводятся сведения обо всех этих столкновениях. См.: Селезнёв Ю.В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2010. С. 24–190. Этим исследователем был проделан без преувеличения уникальный объем работы.

³⁶ Селезнев Ю.В. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносовъ, 2017. С. 42–44.

Автор хотел бы здесь особо подчеркнуть, что в 1264 г. Хубилай перенес столицу из степного Карокурума в Даду (Ханбалык, Пекин). Тем самым был сделан решительный шаг в его превращении из правителя всех монголов в китайского императора, которого в весьма незначительной степени волновали заботы Улуса Джучи.

После этого Орда испытывала как острые политические кризисы (1280–1300, 1360–1380 гг.), так и периоды подъема (1300–1357, 1380–1395, 1400–1407 гг.). Примерно начиная с 1419–1420 гг. разразился кризис, от которого Золотая Орда уже не смогла оправиться, наступил ее быстрый и необратимый распад.

2.16. Неотъемлемой частью отношений между Русью и монгольскими государствами были поездки русских князей в монгольские столицы за ярлыками (мандатами) на правление. С 1242 по 1445 г. 108 князей и три княгини совершили 266 таких поездок (в среднем по 2,5 поездки на каждого)³⁷. Совершенно понятно, что первоначально эти путешествия совершались в Карокурум, а после фактического разрыва отношений Улуса Джучи с центральной властью — в столицы Золотой Орды, которые располагались в среднем и нижнем течении Волги.

2.17. Совершенно очевидно и то, что, делаясь впечатлениями от ранних поездок в монгольские штаб-квартиры, российские правители не могли не сообщать подданным, что они имеют дело с мощной централизованной державой, основные силы которой, находящиеся на берегах «золотого Керулена и голубого Онона», всегда могут при необходимости прийти на помощь экспедиционному корпусу, захватившему Русь.

В последующие времена содержание впечатлений, получаемых при посещении столиц Золотой Орды не могло не измениться. Теперь речь могла идти о сильном, но не сверхсильном противнике, безнадежно изолированном от основных степных сил и во все большей степени подверженном дроблению в результате внутренних междоусобиц.

Будучи прекрасно осведомленными обо всех нюансах ситуации в Орде, русские князья стали занимать весьма агрессивную наступательную позицию и с 70-х гг. XIV в. «начинают активно вмешиваться в дела противоборствующих претендентов на ханский престол»³⁸.

Как продемонстрировал в своем прекрасном исследовании А.Т. Шашков, уже во второй половине XV в., задолго до окончательного падения Казанского ханства, Московская Русь начинает активную экспансию в северо-восточном направлении, приступает к энергичному вмешательству в отношения между государственными образованиями, располагавшимися на Урале и к востоку от него. Конечной целью было вновь пробить ведущий в Китай «великий меховой путь». Это направление внешнеполитической активности возникло у древнерусских княжеств еще в XII–XIII вв., однако было пресечено монгольским нашествием³⁹.

2.18. Мы помним, как в начале первого тысячелетия нашей эры мощное притяжение империи Хань разорвало этнос сюнну на северную и южную группы. При

³⁷ Там же, с.179. Подробную таблицу со сведениями о каждой из этих поездок см. в Селезнев Ю.В. Картины ордынского ига. М.: Ломоносовъ, 2022. С. 222–363.

³⁸ Селезнев Ю.В. Русско-ордынские конфликты. С. 13.

³⁹ Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 8–44.

этом южные сюнну, попавшие в орбиту китайского влияния, стали основателями целого ряда государственных образований в Северном Китае.

Примерно то же самое произошло с монгольским этносом в XIII в. Самая значительная и мощная его часть оказалась захвачена непреодолимым притяжением Срединного государства, покинула степную столицу и погрузилась в бездонные глубины китайской политико-культурной общности — хотя и не смогла в ней всецело раствориться.

Относительный геополитический вакуум, который возник в результате этого в самом Карокуруме и на исконных монгольских территориях вокруг него, как мы увидим, сыграет очень важную и отнюдь не самую позитивную роль в исторических судьбах монгольского этноса.

Отрыв Улуса Джучи от степной сердцевины монгольского этноса в стратегическом плане резко облегчил Руси борьбу за освобождение от монгольского господства и создал исторические предпосылки для дальнейшего дробления и ослабления Орды.

Уже первые успехи Руси в борьбе за свержение монгольского ига указали ей направление дальнейшей экспансии — на Восток, за Урал. Это направление было для наших предков не столь уж неизведанным — ведь примерно по этому пути двигались в XIII в., до перенесения монгольской столицы из Карокурума в Пекин, многие князья и их свиты.

Таким образом постепенно создавались условия для качественно нового этапа взаимодействия между двумя империями, в ходе которого они встретились лицом к лицу.

3. Встреча двух империй и пограничное размежевание

3.1. Первый из описанных случаев взаимного влияния России и Китая на исторические судьбы друг друга носил косвенный характер. В этом случае процессы, инициированные Срединным государством и приведшие к судьбоносным последствиям для древней Руси, начались задолго до того, как она появилась на свет.

Во втором случае это влияние было куда более непосредственным. Как и в первом случае, источником влияния был Китай, а Русь выступала в качестве объекта воздействия.

Третий случай, который будет рассмотрен в этом разделе, полностью отличается от первых двух в силу того, что активной стороной в нем впервые выступила российская, а также по той причине, что впервые в истории два государства вступили в прямые и чрезвычайно интенсивные контакты друг с другом.

3.2. Если мы посмотрим на географическую карту, то увидим, что естественным основным направлением территориальной экспансии России является восточное. Естественным пределом такой экспансии выступает Тихий океан. На Западе продвижение было ограничено наличием целой системы государств Восточной и Западной Европы, на юге — владениями Османской империи и Ирана, за которыми в XVII–XIX вв. стояли мощные западные союзники.

Если говорить об этом восточном направлении территориальной экспансии, то оно облегчалось сходством сурового климата Западной и Восточной Сибири с кли-

матом Северной и Центральной России, а также возможностью практиковать там такие виды деятельности, как земледелие и скотоводство в суровых северных условиях, охоту, рыболовство и собирательство.

Также крайне важно, что территории к востоку от Урала являлись источником пушнины — «мягкой валюты» того времени — а также золота, серебра, драгоценных и полудрагоценных камней, столь редких в европейской России. Фактором, сдерживавшим российскую экспансию в восточном направлении, сначала была мощная монгольская империя, а впоследствии Золотая Орда, подобная оторвавшейся от основного айсберга огромной льдине, которая с течением времени все больше размягчается, крошится и покрывается все более густой паутиной внутренних трещин, вызванных междоусобной борьбой за власть.

3.3. Для того чтобы понять особенности китайского отношения к территориальной экспансии, мы должны прежде всего вспомнить о том, что вплоть до XIX в. эта страна являлась крупнейшей экономикой мира, ВВП которой составлял до трети от мирового. В этих условиях Китай мало что приобретал в случае прямого завоевания территории соседей. Китай был заинтересован в лояльности сопредельных государств, в обеспечении гарантий того, что с их территории не будет исходить угроз безопасности для него. Идеальным методом достижения подобной цели служило подключение соответствующих государств к «мироустроительной» «даннической системе»⁴⁰.

В тех случаях, когда этот метод не срабатывал и правители Срединного государства видели признаки появления угроз на своей периферии, они могли идти на организацию военных походов против сопредельных стран. Приоритетным направлением реальной экспансии для Китая было западное — в сторону Центральной Азии — но не по той причине, что существовало стремление присоединить эти территории с целью хозяйственного освоения.

Западное направление было интересным, поскольку контроль над ним открывал сухопутные пути для торговли с Ближним Востоком и Европой, которая издревле была для Китая крайне выгодной. Самые успешные примеры китайской экспансии при династиях Хань и Тан связаны именно с реализацией стратегии пробивания таких торговых коридоров по маршруту Великого Шелкового пути.

На всех направлениях своей потенциальной геополитической экспансии Китай сталкивался с очень серьезными препятствиями. К югу и востоку от него, на территориях Юго-Восточной Азии, Корейского полуострова и Японии располагались зем-

⁴⁰ Согласно этой системе взглядов, господствовавшей в императорском Китае, правитель Срединного государства распространял свое влияние в его пределах и за ними через благую силу «дэ» (德), которая способна была устанавливать гармонию в природе, в душах людей и в человеческом обществе. Под воздействием этой благой силы «варвары четырех сторон света» (四夷), которые только внешне являлись людьми, но на самом деле имели «звериную сущность», «преобразовывались душою» и добровольно являлись с «данью» ко двору Сына Неба. В отечественной синологии содержание этой концепции было детально исследовано А.С. Мартыновым. См. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв. в традиционной системе политических представлений. М.: Наука, 1975. С. 6–46. См. также: Гончаров С.Н. Доктрина государственной власти и политическая практика в средневековом Китае. О Китае средневековом и современном... С. 100–112; Гончаров С.Н. Две традиции в дипломатии императорского Китая. Там же. С. 113–142.

ли, пригодные для традиционного китайского земледелия и потому в принципе заслуживающие внимания с точки зрения их присоединения. Проблема состояла в том, что в этих регионах сменяли друг друга государственные образования, которые, не смотря на сильнейшее культурное влияние со стороны Поднебесной, готовы были до последнего отстаивать свою государственную независимость.

В принципе, очень перспективным могло стать северное направление экспансии, естественным пределом которого являлся Ледовитый океан. Проблемы с этим направлением состояли в том, что северные территории совершенно не подходили для земледельческого производства в китайском стиле. Не менее серьезной проблемой было то, что на Севере Китая приходилось постоянно противостоять давлению со стороны государственных или квазигосударственных образований северных народов, неизменно нацеленных на агрессию в отношении феноменально богатого Срединного государства.

3.4. Изгнание китайцами монголов и основание собственной империи Мин (1368) произошло почти одновременно с разгромом татаро-монгольских войск в ходе Куликовской битвы (1380).

Следующим и логичным шагом в «эмансипации» Руси от монгольского господства было взятие Казани в 1552 г. Путь для восточной экспансии России был открыт⁴¹.

3.5. Одним из весомых факторов, сделавших возможным успехи Руси, было то, что, как уже упоминалось выше, ей пришлось иметь дело с Золотой Ордой, давно оторванной от основной степной базы и раздираемой внутренними распрями. Ситуация в Китае была совершенно иной⁴².

3.6. Изгнанные из Срединной империи силы империи Юань во главе с ее последним императором Тоган Темуром бежали на Север. К своему удивлению, они обнаружили, что существенная часть монгольского плато оказалась занята западно-монгольским племенным конгломератом ойратов. Постепенно осознав, что не могут изгнать их военным путем, силы Тогон Темура вынуждены были расселиться на территории современной Внутренней Монголии.

Многочисленные военные походы императоров государства Мин в начале XV в. не привели к разгрому этих наследников династии Юань.

Как следует из данных современных исследований, почвы на территории Срединного государства в целом характеризуются дефицитом химического элемента

⁴¹ А.Т. Шашков указывает, что «всего лишь за двенадцать лет (с 1585 по 1596 г.) за Уральским хребтом появилось, не считая Верхтагильского городка, девять русских городков и острогов, при этом семь из них стали центрами уездов» [Шашков, с. 8–44]. Любопытно, что в фундаментальном труде академика В.С. Мясникова, посвященном формированию российско-китайской границы отмечается, что российские власти в конце XVI — начале XVII веков активизировали содействие сибирским землепроходцам и направление посольских миссий ко двору империи Цин в ответ на «попытки английской дипломатии добиться от московского правительства разрешения на организацию сухопутной английской экспедиции к верховьям Оби и права транзитной торговли английских купцов через Сибирь со странами Востока». См.: Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений // Кастальский ключ китаеведа: сочинения в семи томах. Т. 3. М.: Наука, 2014. С. 45.

⁴² Последующее изложение основывается на: Elvesskrog J. (2017). The Tumu Incident and the Chinggisid Legacy in Inner Asia. The Silk Road. Vol. 15. P. 142–152.

селен, который, как выясняется, необходим для выращивания боевых коней. В силу этого империя Мин вынуждена была приобретать у монголов до двух миллионов лошадей ежегодно. Минские дипломаты стремились изобретать всевозможные методы для того, чтобы не покупать коней у потомков юаньских императоров, дабы не поддерживать этих главных противников экономически.

С этой целью они пытались наладить закупки лошадей у другой монгольской племенной группы, которая контролировала оазис Хами. Когда эти попытки провалились, правители Мин, следуя стародавней мудрости, постарались завязать торговые и союзнические отношения с ойратами, которые находились в тылу у потомков императоров Юань и постоянно враждовали с ними. Это привело к быстрому усилению ойратов.

Как утверждают современные специалисты по климатическим проблемам, с 1447 г. и по 1450 г. в северном Китае наблюдалось серьезное падение температуры и прогрессирующая засуха. Из-за серьезных неурожаев китайские власти не смогли мобилизовать необходимые ресурсы для ежегодной ярмарки по приобретению лошадей⁴³. В результате в 1449 г. правитель ойратов Эсен тайши с двух направлений вторгся в Срединную империю в районе Великой стены, примерно в 100 километрах от Пекина и в районе небольшого укрепленного пункта Туму нанес совершенно катастрофическое поражение 500-тысячной армии империи Мин.

Император Чжу Цичжэнь (朱祁镇, 1427–1464, храмовое имя Ин-цзун 英宗) был взят ойратами в плен.

Судя по всему, империя Мин так и не смогла оправиться от этого удара. После разгрома при Туму были прекращены походы против северных народов, Срединное государство перешло в «глухую оборону». После смерти в 1435 году великого мореплавателя Чжэн Хэ так и не были продолжены его экспедиции в Южные моря. Многие исследователи считают, что такой «уход в себя» лишил империю уникального шанса на то, чтобы еще более активизировать внешние торговые и культурные связи.

Это неизбежно стимулировало бы технологический прогресс и способно было на долгое время закрепить за Поднебесной роль мирового лидера. На этой развилке судьбы события вынудили правителей Мин предпочесть иной путь.

Триумф при Туму не принес величия и могущества ойратам. Вскоре после этого они потерпели поражение от «юаньских» монголов. Последние в свою очередь в первой половине XVII в. неоднократно были биты маньчжурами — новыми игроками, которые появились на северных рубежах Срединной империи. Именно этот этнос стал самым мощным в данном регионе, и только он способен был преградить путь русским отрядам, которые неумолимо приближались к китайским рубежам, продвигаясь от Урала на Восток.

3.7. Захватившие Китай в 1644 г. маньчжуры были потомками чжурчжэней и первоначально именовали свое государство «Золотым» («Цзинь» по-китайски) перенимая это наименование у предков. Нет никаких сомнений в том, что маньчжуры самым тщательным образом изучали опыт своих предшественников. В каком-то смысле их собственная практика управления явилась синтезом и развитием опыта всех

⁴³ Qing Pei (2016). Conquest of Beijing: Hidden Contribution of Climate Change to the Tumu Crisis, 1449–1450. Arcadia: Environment & Society Portal. No. 12 (Autumn).

северных народов, которые когда-либо устанавливали свое господство на всей территории Среднего государства или на *его* части.

Как мы помним, в период «16 государств» и Северной Вэй северные соседи Китая сознательно проводили политику китаизации, отказывались от собственной культуры и обычаев. Растворение в китайской культурной среде не обеспечило никакой из этих народностей создание эффективных и живучих государственных образований.

Государства Ляо и Цзинь извлекли из этого уроки. Сохраняя китайскую культуру и обычаи, они стремились не допустить утраты собственной идентичности, развивая, например, письменность, совершенно отличную от китайской. Путем внедрения дуалистической системы управления они старались сохранить боеспособность собственных войск. Такие методы оказались недостаточно действенными для того, чтобы справиться с монгольской военной машиной.

У монголов в первый период их правления имелись сторонники полного уничтожения китайского этноса и «превращения полей в пастбища». Монголы в целом позаимствовали китайские методы управления населением, однако не смогли создать унифицированную централизованную государственную машину по китайскому образцу, внедряя в Китае свою систему наделов.

Очень важным моментом было то, что монголы покинули свою изначальную столицу, оторвались от степной базы и разместили гарнизоны в гуще китайского населения. Это привело к деградации монгольских вооруженных сил⁴⁴.

Разрабатывая собственную политику, маньчжуры попытались не повторять ошибок своих предшественников. Это выразилось в следующих трех основных особенностях их собственной политики.

3.8. Первыми из «северных варваров» маньчжуры попытались навязать китайскому населению некоторые существенные элементы собственной бытовой культуры. Как известно, они стали, под угрозой суровых наказаний (вплоть до смертной казни) заставлять мужское население Китая высоко выбривать волосы на лбу и заплетать косу (прическа, принятая у маньчжуров), а также носить одежду маньчжурского фасона.

Кампания по внедрению этих мер сопровождалась массовым насилием и смертными казнями, которые приходилось применять к «отказникам». Эти меры, задумывавшиеся как зримый «тест на лояльность», стали причинами тотальной ненависти ханьского населения в отношении маньчжуров⁴⁵.

⁴⁴ «Как только Китай был захвачен, монгольские гарнизонные войска должны были обеспечивать свое существование за счет собственного сельскохозяйственного производства и за счет труда своих рабов на обезлюдивших землях Северного Китая, которые были им выделены в качестве наделов. Боеспособность наследственных военных семей монголов очень быстро упала. Монгольские военные командиры образовали сегрегированную наследственную касту замкнутой в себе самой аристократии, которая получала содержание — и представляли собой высший слой имперской военной бюрократии — но в целом происходило обнищание монгольских воинов в Китае. Они брали в жены китайских женщин, однако многие из них утрачивали свои земли и доходили до того, что продавали свои семьи или убегали, превращаясь в бродяг. Выяснилось, что быть наследственным воином в мирные времена — это несчастье». Fairbank J.K., Goldman M. China: A New History. 2nd enlarged ed. Cambridge, MA; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2006. P. 122.

⁴⁵ Rhoads E.J.M. (2006). Manchus and Han: Ethnic Relations and Political Power in Late Qing and Early Republican China, 1861–1928. Seattle: University of Washington Press. P. 15–16.

3.9. Маньчжуры усвоили опыт предшественников и ввели особую систему управления для собственных войск. Они состояли из трех «комплектов» вооруженных сил, каждый из которых формировался по этническому признаку (маньчжуры, монголы, ханьцы) и состоял из восьми «знамен» (корпусов). Эти подразделения были дислоцированы по всей территории страны. Каждое из «восьми знамен» делилось на более узкие категории. Отличие от периода Юань состояло в том, что эти кадровые войска получали жалование⁴⁶, а не жили исключительно за счет выделенных им участков земли.

3.10. Еще одним важным уроком, который был извлечен маньчжурами из монгольского опыта, был вывод о том, что нельзя размещать войска в гуще многочисленного ханьского населения, что необходимо создавать условия для их изолированного от местного населения обитания. В результате по всей стране цинские гарнизоны были размещены в специальных «маньчжурских городах», отделенных стенами от частей городов, где проживало ханьское население. Плотность населения в таких городах была в разы меньше, чем в ханьских кварталах, и они занимали 20–30% общих городских площадей⁴⁷.

3.11. Следующий очень и очень важный, сделанный маньчжурами, вывод состоял в том, что северные народы, захватывающие Китай, ни в коем случае не должны отрываться от собственной географической родины.

Цинские власти приняли решение о том, чтобы создать на территории нынешних провинций Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь и восточной части Автономного района Внутренняя Монголия своеобразный заповедник, на территорию которого запрещалась миграция ханьского населения из «внутренних» китайских провинций, где не разрешалось заниматься сельским хозяйством, строить дороги и поселения. В этом районе должны были проживать маньчжуры, сохраняющие в первозданной чистоте свои обычаи и интенсивно занимающиеся военным делом.

Со временем этот район отделили от «внутренних» районов охраняемой оградой, которая именовалась «Ивовым палисадом». Первый миграционный запрет был издан в 1668 г. Отменять ограничения постепенно стали только начиная с 1860 г.⁴⁸

3.12. Такое трепетное внимание к защите колыбели своего народа объясняет, почему маньчжуры сочли величайшей угрозой собственной безопасности основание русскими казаками Албазинского острога, находившегося на дальних подступах к «малой родине» маньчжуров. После целого ряда ожесточенных боев, русские силы, существенно уступавшие маньчжурам и по численности, и по вооруженности, потерпели поражение. В результате состоявшихся переговоров был заключен Нерчинский мирный договор (1689), впервые установивший разграничение между Россией и Китаем. Главным стратегическим итогом подписания этого договора стало то, что на

⁴⁶ В войсках могло состоять также определенное количество воинов, которые не получали содержания, поскольку не прошли соответствующий отбор (фактически — экзамен) [Ibid, p. 33)].

⁴⁷ Ibid., p. 37–41.

⁴⁸ Liu Ping 刘平. “Chuang guandong”: Qingdai yilai de Dongbei yimin 闯关东”: 清代以来的东北移民 [“Chuang Guandong”: Northeast Migration since the Qing]. Guojia Qingshi zuanxiu gongcheng 国家清史纂修工程 Zhonghua wenshi wang 中华文史网 [National Qing History Compilation Project China Literature & History Portal].

достаточно продолжительное время была остановлена русская экспансия в Восточном направлении⁴⁹.

3.13. Торговля между российскими и цинскими купцами развернулась вскоре *после* подписания в 1727 г. Кяхтинского договора. На границе с российской стороны был построен торговый город Кяхта, а с китайской — Маймайчэн⁵⁰. Вскоре торговый оборот принял огромные масштабы⁵¹. Достаточно сказать, что в 1775 г. пошлины от купцов, торговавших в Кяхте, составили 68,5% всех таможенных поступлений в бюджет Российской империи.

3.14. С китайской стороны основным предметом экспорта стал чай. Его продажа, несомненно, была выгодной для китайской стороны, серьезно стимулировала экономическое развитие⁵². Основную выгоду от этого получали южные провинции Китая, где выращивали, обрабатывали и паковали чай, населенные пункты, находившиеся вдоль «великого чайного пути», а также предприимчивые купцы и банкиры (в основ-

⁴⁹ «Нерчинский договор 27 августа 1689 г.» // Бакрадзе Д.З. Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. М.: Книга по требованию, 2013. С.1–6 (Тексты на русском и латинском языках), с. 6–10 — текст на маньчжурском языке. Эта книга является репринтной копией «Сборника договоров», изданного российским МИД в 1889 году. См.: Мясников В.С. Договорными статьями утвердили... С. 98–127. Как известно, после захвата Албазинского острога маньчжуры отвезли в Пекин группу плененных казаков, к которым впоследствии присоединился православный священник. Поскольку это были отменные вояки, которые не владели местными языками и потому никак не могли участвовать в придворных интригах, их определили в императорскую гвардию. Им были пожалованы земли внутри пекинской городской стены у ворот Дунчжимэнь (东直门). Впоследствии там была создана православная духовная миссия. Потомки этих казаков, именующие себя «албазинцами», до 1955 г. проживали на территории духовной миссии или по соседству с ней. Вплоть до наших времен они сохранили сознание собственной идентичности и православную веру [Becker J. (2002). Christmas Worth Half-Century Waiting. The Red Guards Have Gone, but an Obstinate Bureaucracy Continues to Thwart China's Russian Orthodox Believers in their Bid to Keep the Faith Alive. South China Morning Post. January 9.]. С 1958 г. там располагается Посольство Советского Союза в КНР (теперь — российское посольство). Там имеется великолепный парк с каналами и прудами. Автору довелось прожить там с семьей почти 10 лет. Горжусь тем, что смог многое сделать для благоустройства этой территории. Также любопытно, что Албазинский острог находится всего в 88 км от Сковородино. Это — точка на Транссибирской железной дороге, наиболее близкая к российско-китайской границе. Именно в Сковородино от нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» отходит ответвление трубопровода на Китай длиной 64 километра 500 метров. Автору довелось принимать участие в многолетних переговорах по этому нефтепроводу с китайскими партнерами.

⁵⁰ Кяхтинский трактат от 21 октября 1727 г. / Бакрадзе Д.З. Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. М., 2013. С. 50–74. (Текст на русском языке); Маньчжурский текст Кяхтинского договора от 21 октября 1727 г. // Там же. С. 61–92.

⁵¹ Отличное описание всего спектра вопросов, связанных с Кяхтинской торговлей, содержится в брошюре — Носков И.А. Кяхта. Иркутск: Типография Штаба войск, 1861.

⁵² Китайские купцы, осуществлявшие торговлю в Кяхте, в основном происходили из провинции Шаньси (晋商). В этой провинции находится замечательный город Пинъю (平遥) — один из немногих китайских городов, сохранивших средневековый архитектурный облик. Через Пинъю проходил в Кяхту «чайный путь». Именно там расположено помещение первого в Китае банка, который обслуживал чайную торговлю. В 2019 г. Пинъю стал городом-побратимом российской Кяхты. Примерно в 150 километрах от Пекина расположена деревня «Чуаньдися», которая является значимым памятником старой культуры. Это один из немногих транспортных «хабов», которые остались на «Великом северном чайном пути». Около этой деревни сохранился приличный кусок мощеной дороги, который имел конечным пунктом Маймайчэн и Кяхту.

ном из провинции Шаньси), которые организовывали и осуществляли торговые операции.

3.15. Принципиально важно то, что основным экспортным товаром с российской стороны была пушнина и другие товары таежного промысла. Это создавало огромные стимулы для развития сибирской экономики и привлекало на земли к востоку от Урала значительное количество работающих и предприимчивых людей. Не меньшее значение имел транспортный бизнес на территории Сибири, который тащил за собой развитие целого спектра хозяйственных отраслей.

Таким образом, сама по себе кяхтинская торговля служила мощнейшим стимулом для освоения сибирских земель. Период, когда Нерчинский договор не давал возможности российскому миграционному потоку продвигаться далее на Восток, был временем накопления потенциала, который должен был раскрыться сразу после исчезновения политических препятствий для его реализации. Примечательно, что китайская сторона через свое участие в этой торговле фактически финансировала формирование подобного потенциала.

3.16. Чайный экспорт также стал основным видом торговли империи Цин с Британской империей. Масштабы ее по тем временам также были огромными. В отличие от Кяхтинской торговли с Россией эта торговля не была сбалансированной, и британцам приходилось отправлять в Срединную империю значительные объемы серебра. В самом конце XVII в. британским двором была направлена к цинскому двору огромная делегация во главе с виконтом Маккарти (Маккартней). Целью ее было договориться об открытии Китая для британских купцов и британских товаров. Как всем хорошо известно, на все эти предложения китайская сторона ответила высокомерным отказом в «мироустроительном духе».

Британцы стали искать иные способы сбалансировать торговлю и в итоге в беспрецедентных масштабах развернули поставки опиума в Китай. В результате наркомания стала для Срединного государства серьезной проблемой. На запрет поставок со стороны цинских властей Великобритания ответила применением вооруженной силы. В результате состоявшихся в XIX в. двух вооруженных конфликтов китайские войска были наголову разбиты. Империя Цин вынуждена была подписать с зарубежными странами целый ряд договоров, в которых устанавливались привилегии для деятельности зарубежных купцов, открывался для торговли целый ряд китайских портов, в которых появились селтльменты — территории, на которых судебная власть осуществлялась иностранными консулами и фактически не действовало китайское законодательство. Как уже отмечалось выше, в китайской дипломатии и в общественном мнении утвердилась оценка этих договоров как «неравноправных».

3.17. Россия использовала сложившуюся ситуацию для того, чтобы продолжить восточную экспансию, сломав ограничения, накладываемые Нерчинским договором (как мы помним, материальные основы для стимулирования массовой миграции были в существенной степени созданы Кяхтинской торговлей). Ранее мы упомянули о введении Цин запрета на миграцию в Северо-Восточный Китай. Говоря о последствиях этого запрета, американский автор отмечает: «На самом деле, именно успех Цин в недопущении ханьцев в самые северные регионы Маньчжурии позволил русским в 1860 году легко пройти обширную территорию к северу от Амура и к востоку от

Уссури. Даже после того, как империя Цин стала разрешать миграцию китайцев в Северную Маньчжурию, чтобы предотвратить дальнейшие набеги русских, геополитический эффект от этого оказался ограниченным»⁵³.

В XIX в. стратегической целью такого российского продвижения на Восток стало скорейшее установление контроля над течением Амура от истоков до его впадения в океан. В противном случае, резонно полагали в Санкт-Петербурге, представители других иностранных держав (например, Японии, Соединенных Штатов или Великобритании) могли первыми выйти к устью Амура и двинуться далее вверх по течению. Используя имевшиеся у нее преимущественные исходные позиции, Россия сумела первой выйти в нижнее течение и к устью этой великой реки⁵⁴.

3.18. Завершение геополитического продвижения России к побережью Тихого Океана принципиальным образом изменило повестку дня российско-китайских отношений. Образовались новые узлы противоречий в трех ключевых регионах.

3.19. На Дальнем Востоке Россия построила Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), поставила под свой контроль Ляодунский полуостров, создала важнейший гражданский порт в Даляне и военный — в Порт-Артуре, стала распространять свое влияние на Корейский полуостров⁵⁵. Здесь ее интересы вошли в прямое противоречие со стратегическими планами Японии, индустриальная и военная мощь которой качественно возросла в результате осуществления «реформ эпохи Мэйдзи (1853–1889).

3.20. Российские интересы напрямую столкнулись с китайскими во Внешней Монголии. Согласно Ургинскому соглашению, подписанному 21 октября 1912 г., Россия признала автономию Внешней Монголии и получила там ряд привилегий. Китайская страна категорически возражала против этого⁵⁶.

⁵³ См.: Rhoads E.J.M. P. 41. Процесс постепенного территориального сближения между Российской империей и Средним государством в какой-то степени напоминал знаменитую «большую игру», которая развернулась между Россией и Великобританией в XIX в. В это время Британская империя стремилась противостоять продвижению России в Центральной Азии, опасаясь, что в итоге возникнет угроза ее колониальному господству в Индии (например, Hopkirk P. *The Great Game: On Secret Service in High Asia*. London: John Murray, 2006). В течение всего этого столетия обе эти метрополии были весьма стабильными государственными образованиями, что позволяло поддерживать своеобразное «динамическое равновесие» между ними в регионе. Ситуация между Россией и Китаем развивалась совсем по-иному. Первый этап российской экспансии в регионах к востоку от Урала стал возможным благодаря «уходу в себя» империи Мин в результате поражения при Туму, а второй — в результате неудач империи Цин в двух «опиумных войнах» и проводимой маньчжурской политики пресечения китайской миграции в Северо-Восточном Китае.

⁵⁴ Мясников В.С. С. 250.

⁵⁵ См.: Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX века). Минск: БГУ, 1999. С. 17–46; Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории. М.: Русская панорама, 2005. С. 47–80.

⁵⁶ Одним из оснований для стремления получить особые права во Внешней Монголии была история отношений этого региона с Россией: «Между тем Русское Правительство могло бы привести некоторые доводы в пользу своих суверенных прав над Верхним Енисеем. Как уже упоминалось раньше, еще в начале XVII тамошние племена являлись данниками Москвы и платили ясак Сибирским воеводам, а их правитель Алтын-хан принес Царю Алексею Михайловичу, поставив себя и управляемый ими край в вассальную зависимость от Москвы. Смерть Алтын-хана в 1657 году в связи с водворением на Амуре маньчжуров прервала даннические отношения урянхов и отвлекла

3.21. После целого ряда перипетий, российско-китайское разграничение в Центральной Азии было завершено Санкт-Петербургским договором от 12 февраля 1881 г.⁵⁷ Несмотря на это, в данном обширном регионе со сложнейшим этническим составом населения, богатой и чрезвычайно сложной историей, сохранялся огромный объем связанного с пограничными и национально-религиозными проблемами «горючего материала», который мог вспыхнуть в любой момент.

3.22. Как уже упоминалось ранее, еще в самый начальный период российского движения на Восток, британские политики и купцы проявляли повышенный интерес к тому, чтобы открыть и затем эксплуатировать новый сухопутный путь в Китай через Сибирь. Россия использовала тяжелую ситуацию, в которой Китай оказался в результате поражений в «опиумных войнах» для того, чтобы отбросить ограничения, накладываемые Нерчинским договором и ускоренными темпами двинуться к Тихому Океану. Она старалась ускорить это движение, опасаясь, что США, Великобритания или Япония первыми выйдут к устью Амура с моря.

После выхода России на тихоокеанские рубежи ее соперничество с западными державами и Японией приобрело качественно более серьезный характер. Китайский национальный лидер Чан Кайши видел данную ситуацию следующим образом: «В середине XIX века, когда державы Западной Европы стали стучаться в двери Китая вдоль его восточного побережья, царская Россия стала осуществлять вторжения в китайские Синьцзян, Монголию и Маньчжурию. Эти державы приобрели территории, которые они арендовали и получали в концессии.

После этого под защитой консульской юрисдикции и пользуясь контролируемыми ставками тарифов, они протянули свои политические и экономические щупальца во внутренние районы страны через концессии на строительство железных дорог и управление ими, а также через осуществление водных перевозок вдоль побережья Китая и по его внутренним рекам. Если бы Китай стали делить примерно в 1895 г.

внимание Москвы от бассейна реки Верхнего Енисея». См.: [Коростовец И.Я. От Чингисхана до Советской Республики: краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени. Улан-Батор: Эгмэнт, 2004. С. 253–254]. Российские представители подчеркивали, что такое признание автономии Внешней Монголии не подрывает территориальной целостности Китая, поскольку Россия признает суверенитет Китая над этой территорией и не соглашается с предложениями монгольской стороны о включении Внутренней Монголии в состав Внешней [Коростовец И.Я. От Чингисхана до Советской Республики... С. 223–225]. Китайская сторона придерживалась следующей позиции: «Три условия, выдвинутые Россией, были следующими: признать автономии Внешней Монголии, вывести войска из Внешней Монголии, отменить правила миграции населения во Внешнюю Монголию. Российская позиция была чрезвычайно жесткой и состояла в том, что, если китайская сторона не уступит, то переговоры проводить невозможно. Поэтому переговоры зависли. Впоследствии, из-за провокаций русских в Урге, Внешняя Монголия при помощи и поддержке со стороны русских вынудила нашего главного администратора в Урге и расквартированные там войска покинуть территорию, совершенно таким же образом как тибетцы в Лхасе, получив поддержку британцев, дислоцированных в Индии, выгнать нашего размещенного там администратора и охранявшие его войска». См.: Gu Weijun 顾维钧. (1997). Huiyilu suobian 回忆录缩编 [Memoirs (Abridged)] / Tianjin Fanyi Zhongxin bian 天津编译中心编 [comp. by Tianjin Translation & Editing Center]. Beijing 北京: Zhonghua shuju 中华书局 [Zhonghua Book Company]. Vol. 1. P. 29.

⁵⁷ Договор, заключенный в Санкт-Петербурге 12 (24) февраля 1881 г. // Бакрадзе Д.З. Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. М., 2013. С. 225–237 (текст на русском и французском языках); Мясников В.С. Договорными статьями утвердили, с. 274–277.

(китайско-японская война — С.Г.), то царская Россия получила бы территории к северу от реки Хуанхэ, которые составляют 40% от общей китайской территории. Однако же начиная с 1900 г., США выступали против раздела Китая, за политику открытых дверей. Это позволило Китаю сохранить номинальную независимость»⁵⁸. Здесь китайский генералиссимус несколько преувеличивает масштабы «аппетитов» царской России и роль американской политики «открытых дверей» в ограничении таких аппетитов. Вместе с тем он прав в главном — борьба держав за реализацию своих интересов в Китае в конечном счете явилась главным фактором, спасшим эту страну от территориального расчленения.

3.23. Интернациональный характер происходивших тогда в Китае столкновений между различными державами приводил порою к совершенно неожиданным и предельно серьезным результатам, имевшим прямое отношение к российским коренным интересам. Так, например, после поражения, которое Китай потерпел в войне с Японией в 1894–1895 гг., 17 апреля 1895 г. был подписан крайне тяжелый для него Симоносекский договор (马关条约) — согласно ему империя Цин, в частности, уступала Японии Ляодунский полуостров. Эта ситуация привлекла напряженное внимание Германии, которая чувствовала себя обойденной при глобальном дележе колониальных владений.

Она заручилась поддержкой России, которая была заинтересована в сооружении на Ляодунском полуострове незамерзающих портов, призванных стать морскими терминалами на сооружаемой ею железной дороге. При этом Германия также руководствовалась стратегической линией канцлера Бисмарка, стремившегося в максимальной степени отвлечь внимание России от экспансии на Балканах на другие стратегические направления, желательно максимально удаленные от Европы. К двум державам присоединилась Франция, которая стремилась доказать России свою лояльность в рамках недавно оформленного двумя странами военно-политического союза (Антанта).

В итоге 23 апреля 1895 г., всего через 6 дней после подписания Симоносекского договора, японское министерство иностранных дел в Токио по очереди посетили представители России, Франции и Германии. Каждый из них предъявил требование аннулировать передачу Китаем Ляодунского полуострова Японии. Самое тяжелое впечатление произвело на японцев обращение со стороны германского посланника барона Отто фон Гудшмида.

Первая причина состояла в том, что это означало неожиданный для Токио отказ Германии от проводимой до этого политики «дружественного нейтралитета». Вторая причина заключалась в том, что германский представитель в крайне жестком тоне сообщил японскому министру иностранных дел Хаяси, что в случае отказа Японии

⁵⁸ Chiang Chung-cheng (Chiang Kai-shek). (1957). *Soviet Russia in China: A Summing Up at Seventy*. New York: Farrar, Straus and Cudahy. P. 12. При чтении этой книги, конечно же, нужно постоянно помнить о том, что это попытка объяснения и оправдания в связи с колоссальным стратегическим поражением, которое Чан Кайши потерпел в борьбе за Китай. Эта книга также является крайне предвзятой и резко враждебной в отношении Советского Союза. При всем при том, она содержит немало исключительно ценных признаний китайского лидера, которые позволяют понять многие скрытые механизмы, приводившие в действие происходившие тогда процессы.

от выполнения этого требования три державы применяют силу и что у Японии нет никаких шансов выстоять в противостоянии с объединенной мощью России, Германии и Франции. На следующий день на совещании у японского императора было принято решение выполнить требование, выдвинутое в ходе «тройственной интервенции»⁵⁹.

3.24. Дальнейшее развитие событий очень ярко описано в воспоминаниях русского дипломата Ю.Я. Соловьева⁶⁰. Как известно, в 1896 г. в Россию для участия в церемонии коронации императора Николая II отбыл Ли Хунчжан — самый влиятельный сановник империи Цин. В Москве с ним подписали секретный договор о Китайской Восточной железной дороге. Согласие на это со стороны Китая рассматривалось как благодарность за роль России в организации «трехсторонней интервенции». В августе 1897 г. между Россией и Германией (еще одним участником этой «дипломатической интервенции») было достигнуто соглашение о признании преимущественных интересов Германии в Цзяочжоу (район современного Циндао).

В ноябре 1897 г., воспользовавшись как предлогом убийством двух германских миссионеров, Германия оккупировала Цзяочжоу. В 1898 г. китайское правительство вынуждено было подписать договор, в соответствии с которым Цзяочжоу передавался Германии в аренду на 99 лет. В 1899 г. в Цзяочжоу был открыт порт Циндао. Практически одновременно с этим Россия добилась от Китая согласия на аренду Ляодунского полуострова на срок 25 лет. При этом она опередила Великобританию, занятую войной с бурами, в попытках утвердиться в этом районе.

На Ляодунском полуострове Россия активно развивала военно-морскую базу Порт-Артур (Люйшунькоу) и торговый порт Дальний (Даляньвань). Существовала своеобразная конкуренция между двумя этими проектами. Первый из них был детищем военного министра А.Н. Куропаткина и явно недофинансировался, что сказалось на его готовности к грядущим боевым действиям с Японией. Второй проект курировал министр финансов С.Ю. Витте. Этот объект получал все необходимые средства и развивался очень динамично. Вскоре после начала войны Далянь был захвачен Японией и стал для нее очень удобной базой для действий против Порт-Артура.

После начала первой мировой войны Япония, присоединившаяся к державам Антанты, потребовала от Германии передать ей этот полученный в аренду район Цзяочжоу — Циндао. Не получив никакого ответа, Япония объявила Германии войну и захватила город Циндао 7 ноября 1914 г., взяв в плен значительное число немецких военнослужащих. Китай также присоединился в коалиции противников Германии. После ее капитуляции, во время Версальской мирной конференции весной 1919 г., Пекин потребовал, чтобы Япония вернула ему все права на район Цзяочжоу — Циндао⁶¹.

3.25. В Японии появление постоянного российского военного присутствия вблизи своих берегов сочли угрозой безопасности. К выступлению против России подталкивали Японию США и Великобритания, расценивавшие российскую политику в

⁵⁹ Ikle F.W. (1967). The Triple Intervention: Japan's Lesson in the Diplomacy of Imperialism. *Monumenta Nipponica*. Vol. 22. No. 1/2. P. 112–130.

⁶⁰ Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата (1893–1922). Сер.: Библиотека внешней политики. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. С. 67–81.

⁶¹ Nish I. (1990). An Overview of Relations between China and Japan, 1895–1945. *The China Quarterly*. No. 124 (Dec.) — *China and Japan: History, Trends and Prospects*. P. 607; 609–610.

Маньчжурии как препятствие на пути осуществления «политики открытых дверей» в Китае. Кроме того, немаловажное и самостоятельное значение имело стремление Токио отомстить России за ее активное участие в «трехсторонней интервенции».

В Японии эту уступку, на которую пришлось пойти в результате этого дипломатического демарша, считали величайшим национальным позором и именно в таком контексте упомянули об этом, когда пришлось пойти на еще большее национальное унижение — «трехсторонняя интервенция» была отмечена в обнародованном 14 августа 1945 г. указе императора Хирохито о капитуляции⁶². Все эти факторы в совокупности привели к вспышке российско-японской войны 1904–1905 гг. В результате поражения в этой войне Россия вынуждена была признать преимущественное влияние Японии в Корее, вывести войска из Маньчжурии, передать Японии право аренды Порт-Артура и большую часть участка железной дороги от Харбина до Порт-Артура, а также передать ей южную часть острова Сахалин⁶³.

3.26. Общеизвестно, что данное поражение явилось одним из «бикфордовых шнуров», вызвавших российскую революцию 1905 г.⁶⁴. Эта революция, в свою очередь, катализировала социальные и политические процессы, сыгравшие огромную роль в подготовке условий для Октябрьской революции 1917 г., вызвавшей коренные перемены в России, во всем мире и в отношениях между Россией/Советским Союзом и Китаем.

3.27. Таким образом завершился третий случай «стратегического взаимного влияния» между Россией и Китаем. На сей раз взаимодействие носило непосредственный и очень плотный характер, и Россия впервые сыграла в нем инициативную роль. В том, каким образом проходила и завершилась эта геополитическая эпопея, сказалось влияние целого ряда глубинных процессов, коренившихся в истории двух стран, их взаимоотношений с «северными соседями» Срединной империи. В дальнейшем наличие общей границы между Россией и Китаем стало наиболее фундаментальным фактором, определяющим характер их отношений.

4. Распространение в Китае марксизма-ленинизма

4.1. В конце 70-х — начале 80-х гг. зарубежные наблюдатели были очень удивлены тем, сколь стремительно огромное число рядовых китайских граждан, которые

⁶² Ikle F., 1967, p. 122.

⁶³ Esthus R.A. (1981). Nicholas II and the Russo–Japanese War. The Russian Review. Vol. 40. No. 4 (Oct.). P. 407–411.

⁶⁴ Ярким свидетельством этого являются следующие, например, тезисы из написанной в январе 1905 года статьи И.В. Сталина: «Рдеют царские батальоны, гибнет царский флот, сдался, наконец, позорно Порт-Артур, — и тем еще раз обнаруживается старческая дряблость царского самодержавия... Пора отомстить!... Пора потребовать от него (царского правительства — С.Г.) отчета за тех ни в чем не повинных несчастных, которые десятками тысяч погибли на полях Дальнего Востока! Пора осушить слезы их жен и детей! Пора потребовать от него ответа за те страдания и унижения, за те, позорящие людей цепи, в которые оно с давних времен заковало нас! Пора покончить с царским правительством и расчистить себе путь к социалистическим порядкам! Пора разрушить царское правительство! И мы разрушим его». См. И.В. Сталин, «Рабочие Кавказа, пора отомстить!» в: Сталин И.В. Сочинения», том 1, 1901–1907, ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, Москва, 1946, с. 74, 76.

в течение предшествующих десяти лет подряд скандировали самые радикальные «левацкие» лозунги периода «культурной революции», усвоило предпринимательский образ мышления и уверенно пустилось в плавание по океану рыночной стихии. На самом деле это, судя по всему, было всего лишь еще одним проявлением того, как, в периоды исторических надломов и кризисов (в этом случае речь шла о банкротстве и кризисе «левацкой» идейной системы периода «культурной революции») китайская нация проявляет удивительное умение стремительно и массово усваивать совершенно новые для нее идеологии и верования, способные стать руководством к действию для преодоления невиданных ранее вызовов и трудностей⁶⁵.

4.2. Пожалуй, первый хорошо документированный пример такого рода связан с проникновением буддизма в Китай из Индии, которое началось в I–II вв. нашей эры. К IV в. н.э. это новое для Китая верование получило в стране огромное распространение. То был период социальной и политической нестабильности, раздробленности и смут, наступивший после падения империи Хань.

Традиционные китайские религиозно-политические системы (имперская идеология, в основе которой лежал синтез конфуцианства и легизма, а также даосизм) оказались неспособными предотвратить возникновение кризиса и это создало благоприятную основу для быстрой экспансии буддизма⁶⁶. В процессе проникновения в Китай происходила глубокая китаизация этого вероучения. В конечном счете сложилось так, что буддизм по сей день сохраняет сильные позиции в Китае, однако захирел на своей ис-

⁶⁵ В традиционной китайской идеологии образ императора (Сына Неба) был неразрывно слит с образом верховного божества. Возможно, поэтому Китай не стал колыбелью какой-либо самобытной монотеистической религии, отдельной от «небесного культа». Если Небо в системе китайских взглядов никогда не совершало ошибок, то это совсем не означало, что столь же безупречными являлись многочисленные мелкие божки, отнюдь не являвшиеся представителями Неба на Земле, но занимавшиеся каждый своим узко специализированным бизнесом. Коллективно эти «специализированные божества» напоминали многоотраслевую чиновничью структуру, в которой глава каждого из многочисленных департаментов отвечал за весьма специфическую сферу человеческой жизни и деятельности, например за справедливый суд, за здоровье домашних животных, за женские выкидыши, за благодеяния или же за тех, кто занимается клеветой, воровством или отравительством. Такая система взглядов блестяще отражена в пекинском храме Дунъюэмяо (东岳庙) на улице Чаоянмэнъвай совсем недалеко от новых зданий МИД КНР и штаб-квартиры огромной нефтегазовой компании «Синопек». Любой посетитель может обратиться к конкретному божеству в рамках специализации последнего с вполне конкретными просьбами. В рамках такого прагматичного подхода можно было принять любое новое верование, обеспечивающее удовлетворение насущных потребностей, предварительно адаптировав его в согласии с базовыми ценностями китайской идеологии — признание уникальной центральной роли Неба и его земного представителя. Именно поэтому буддизм прижился в Китае неизмеримо легче, чем христианство, которое могло стать господствующей идеологией либо сместив с пьедестала верховную роль Неба, что невозможно в рамках китайской цивилизации, либо будучи подвергнуто радикальной китаизации в конфуцианском духе. Как будет упомянуто в последующем изложении, именно это попытались сделать, например, лидеры тайпинского восстания в XIX в. Вообще, лидеры крупнейших китайских крестьянских восстаний зачастую исповедовали какие-то простонародные культы в период, когда громили существующее государственное устройство. В случае прихода к власти все они неизменно принимали «небесную» систему взглядов.

⁶⁶ Wright A.F. (1957). Buddhism and the Chinese Culture: Phases of Interaction. The Journal of Asian Studies. Vol. 17. No. 1 (Nov.). P. 19–21.

торической родине, в Индии⁶⁷. Отметим по ходу дела, что сходная участь ожидала и марксизм-ленинизм, который по сей день является частью официальной идеологии в Китае, однако ныне представляет собой всего лишь одно из маргинальных течений мысли в Германии и в России.

4.3. Второй шанс на массовое восприятие в Китае зарубежной религии/идеологии возник в середине XIX в., когда лидеры мощнейшего тайпинского восстания изобрели своеобразную идейную систему, представлявшую собой достаточно причудливый коктейль из христианских и конфуцианских категорий. И в этом случае такое зарубежное идейное влияние возникло на фоне острейшего кризиса, когда традиционные идеологемы продемонстрировали полную неспособность дать отпор иностранной агрессии и противостоять катастрофической дезорганизации жизни внутри страны. Если бы тайпинское восстание победило и его лидеры стали основателями следующей династии, удостоившейся получения «мандата Неба», то очень может быть, что именно такое китаизированное христианство стало бы основой его государственной идеологии (которая ни в коем случае не противоречила бы «небесному культу»)⁶⁸. История, как известно, не знает сослагательных наклонений. Тайпинское восстание потерпело поражение, а вместе с ним — и эта своеобразная разновидность христианства. Следующее серьезное народное выступление в Китае, восстание ихэтуаней (义和团), носило ярко выраженный анти-иностраный и анти-христианский характер⁶⁹.

4.4. Председатель Мао говаривал, что марксизм-ленинизм был принесен в Китай залпами «Авроры»⁷⁰. На самом-то деле это очень точное и очень глубокое замечание.

⁶⁷ Существует связанная с этим сюжетом апокрифическая история следующего содержания. Во время своего визита в Китай (судя по всему, это было в 1959 г.) индийский премьер — министр Джавахарлал Неру посетил находящийся в районе Фаншань под Пекином буддистский монастырь Юньцзюйсы (云居寺 Монастырь, живущий в облаках) в сопровождении премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая. Этот монастырь знаменит тем, что в пещерном храме на соседней с ним горе начиная с конца VI в. монахи вырезали на каменных стелах тексты сутр, привезенных из Индии и переведенных на китайский язык. После этого каменные стелы помещали на хранение в подземные палаты в монастыре. В 40-х гг. монастырь разбомбили японцы и одно из подземных хранилищ (самое большое) было практически полностью разрушено и утрачено. Его обнаружили только в 1956 г. Когда Неру увидел более 10 000 каменных плит с текстами буддистских каноников, он якобы предложил Чжоу Эньлаю выкупить их за количество золота, равное по весу каменным плитам. Китайский премьер, гласит предание, ответил на это категорическим отказом. Эта история важна тем, что позволяет понять, насколько в китайском массовом сознании закрепилось представление о том, что именно Китай является сейчас носителем и хранителем основной традиции учения Будды.

⁶⁸ В начальный период Тайпинского восстания среди миссионеров, работавших в Китае, достаточно популярной была точка зрения, согласно которой этот бунт вообще способен стать переломным моментом в истории человечества. Они полагали, что из-за ударов Тайпинов падет «величайшая языческая империя на Земле», Китай примет истинное христианство и после этого наступит триумф христианской религии во всем мире. См.: Littel J. (1928). B. *Missionaries and Politics in China: The Taiping Rebellion*. *Political Science Quarterly*. Vol. 43. No. 4 (Dec.). P. 569–570.

⁶⁹ В бытность автора советником — посланником российского Посольства в Пекине, по указанию нашего замечательного посла Игоря Алексеевича Рогачева на территории Посольства был установлен первый поминальный камень в честь 222 китайских христиан — новомучеников, убитых ихэтуанями в 1900 г.

⁷⁰ В 1984 г., когда автор впервые попал в Китай в качестве стажера факультета международной политики Пекинского университета, одним из самых почетных экспонатов Музея истории революции на площади Тяньаньмэнь была подаренная Н.С. Хрущевым гильза, оставшаяся после этого легендарного выстрела, произведенного легендарным крейсером.

Для тех людей, кто впоследствии руководил компартией Китая и в конечном счете привел ее к победе в исключительно тяжелой, кровопролитной и затяжной вооруженной борьбе, марксизм-ленинизм был отнюдь не только учением о закономерностях развития общества и о его коренном преобразовании. Молодые китайские революционеры рассматривали эту идеологию как эффективное практическое руководство к действию, позволившее российским коллегам путем применения ничем не ограниченного насилия, организовать свержение правящей царской верхушки, удержать власть, обеспечить контроль над обществом, экономикой и вооруженными силами⁷¹.

4.5. Существовала и более конкретная международная причина для того, чтобы многие молодые интеллектуалы в Китае разочаровались в идеях «буржуазного реформизма» и перешли в стан «большевиков-революционеров». После завершения Первой мировой войны Китай, вошедший в коалицию победителей, очень рассчитывал на исправление тех несправедливостей, которые он претерпел в предшествующий период.

В глобальном плане речь шла о ликвидации в перспективе всей системы «неравноправных договоров», навязанных ему державами в XIX в., а в более конкретном плане — о лишении Японии тех «особых прав» в провинции Шаньдун, кото-

⁷¹ Чан Кайши довольно точно охарактеризовал эту ситуацию: «Самым привлекательным аргументом российских коммунистов было обещание предоставить кратчайший путь к Утопии через всемирную революцию народных масс. Эта революция оправдывала собой все возможные методы насилия и подрывной деятельности исходя из той посылки, что, в момент, когда она будет реализована, будет создано вечное идеальное государство для всего человечества. Такой призыв производил эффект электрического разряда на прогрессивные элементы в азиатских странах, где вековое колониальное правление посеяло зерна глубоко укоренившегося недовольства и накапливавшегося инакомыслия. Таким образом российские коммунисты оказались способны использовать подобное состояние умов для того, чтобы запустить первый этап своей программы мировой революции в Азии...» [Jiang Chung-Cheng, p. 5]. В своей прекрасной книге о Мао Цзэдуне А.В. Панцов высказывает следующие, с моей точки зрения, очень точные, соображения: «Не романтика всеобщего равенства соблазнила его в коммунизме. Такого добра было достаточно и в анархизме Кропоткина. Его привлекали именно апология насилия, триумф воли, торжество силы... То, что импонировало в большевизме Мао Цзэдуну, привлекло к нему и других китайских революционеров — радикалов. Восхищаясь Октябрьской революцией, они воспринимали большевистский эксперимент практически без всякого критического осмысления». См. Панцов А.В. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 137–138. Здесь нельзя не процитировать также маршала Чэнь И — одного из тех людей, которые после длительной и тяжелой вооруженной борьбы захватили власть в стране и создали Китайскую Народную Республику: «В молодости мы почитали Кунфуцзы, Ханя — князя слесености (韩文公, Хань Юй), Ван Янмина и других людей, преклонялись перед ними неизменно. Если слышали о том, что кто-то подтирает задницу “Четверокнижием”, то стремились его избить. После Синьхайской революции возникли колебания, увидели, что реальная ситуация никак не совпадает с тем, что говорится в книгах, стали сомневаться в том, что «Небо породило народ и возвело для него правителя» (天生民而立之君), стали искать выход. Тогда стали почитать (Джорджа) Вашингтона, Линкольна, Наполеона, Ито Хидзабуро.... В идеологии обратились к капитализму, принялись изучать естественные науки, заниматься бизнесом, чтобы спасти государство. В это время неизменно преклонялись перед газетами “Миньбао” и “Шиу бао”, перед Лян Цичао и Сунь Вэнем (Сунь Ятсеном). Впоследствии все равно уперлись в стену. Лишь тогда обнаружили марксизм-ленинизм, он был принесен в Китай только громом оружейных залпов Октябрьской революции». См.: Wang Junyan 王俊彦. Yuanshuai shiren waijiaojia Chen Yi 元帅·诗人·外交家 陈毅 [Chen Yi: Marshal, Poet, Diplomat]. Beijing 北京: Shijie zhishi chubanshe 世界知识出版社, [World Affairs Press]. P. 102.

рые она, как участник победившей коалиции, вырвала в период войны у Германии. Китайские интеллектуалы очень надеялись на реализацию прекраснотных идей президента США Вудро Вильсона о создании после мировой войны нового мирового справедливого международного порядка, в котором не будут ущемляться интересы слабых государств. Этим надеждам не суждено было сбыться. Версальская мирная конференция подтвердила права Японии в Шаньдуне. Китайская делегация отказалась подписывать итоговый мирный договор. Китайские интеллектуалы разочаровались в том, что западные либеральные идеи могут помочь решить проблемы Среднего государства⁷².

В Китае появилось антиимпериалистическое, патриотическое «движение 4 мая». В идеологии стали приобретать популярность постулаты большевизма, а во внешней политике — курс на сотрудничество с Советской Россией, которая, как и Китай, хоть и воевала на стороне победителей, оказалась недопущенной к использованию плодов победы.

За тысячу лет до этого, благодаря событиям, инициированным империей Хань, Русь восприняла православную версию христианства. В первой четверти XX в., благодаря событиям, происшедшим в России, Китай воспринял марксизм в его ленинской интерпретации. Значение этих двух тектонических сдвигов в мыслительной системе двух наций невозможно переоценить.

5. Российско-китайские отношения как пример взаимодействия цивилизаций: от «желтой опасности» до безвизового режима

5.1. Выход России, Японии, Соединенных Штатов, Великобритании и Германии в приморские районы Северного и Северо-Восточного Китая знаменовал собой возникновение нового узла геополитического взаимодействия и противостояния, который имел без преувеличения глобальное значение. Необходимо учитывать, что эта новая система противоречий описывалась и осознавалась современниками во многом через призму столкновения цивилизаций — для характеристики которых применялись этнические (расовые) или религиозные категории.

5.2. Как выясняется, без понимания и учета этого фактора очень трудно уяснить некоторые важнейшие аспекты и особенности истории международных отношений в этом регионе, а также процессы, которые протекали и продолжают протекать в современных российско-китайских отношениях.

5.3. После поражения России в войне с Японией предстояло урегулировать итоги противостояния вокруг Маньчжурского «геополитического узла». С.Ю. Витте, сумевший добиться подписания Портсмутского мирного договора (23 августа (5 сентября) 1905 г.) с Японией на относительно выгодных для России условиях⁷³, указы-

⁷² Horne J. (2018). The New World Order, Post-1918. History Ireland. Vol. 26. No. 6 (Nov.–Dec.). P. 28–31.

⁷³ Ему удалось избежать выплат Россией контрибуции Японии.

вал, что такого неплохого результата он смог достичь в результате достаточно циничного использования расово-религиозной карты. Ему удалось мобилизовать на поддержку России общественное мнение в США, Великобритании и других странах утверждениями о том, что конфликт между Россией и Японией является столкновением между белой и желтой расами, между христианами и язычниками⁷⁴.

Популярность такого рода настроений очень беспокоила Сунь Ятсена. В конце XIX в., находясь в США, он написал брошюру «Призыв к американскому народу». В ней он полемизировал с «теорией желтой опасности», согласно которой ни в коем случае нельзя содействовать усилению Китая, поскольку, если эта страна «встанет на ноги», то в силу национального характера китайцев будет представлять угрозу для безопасности всего мира. Сунь Ятсен доказывал, что китайцы — нормальные трудолюбивые и добропорядочные люди, что, если дать им возможность создать богатое и процветающее государство, они гармонично впишутся в «семью наций». Эта брошюра, которую должны были раздавать общественным и политическим деятелям США, судя по всему, не вызвала у них никакого отклика⁷⁵.

Вероятно, именно в связи с невозможностью «по-хорошему» «достучаться» до разума и сердец американцев и европейцев, Сунь Ятсен пошел другим путем. Начиная по крайней мере с 1898 г. он стал активно обсуждать со своими японскими друзьями различные варианты «паназиятских» теорий. Суть этих построений состояла в том, что в Азии фактически идет война между желтой и белой расами. Желтая раса должна объединиться, изгнать европейцев из Азии и править там в соответствии с нормами, вытекающими из древней азиатской культуры, которая по своему гуманизму безусловно превосходит культуру европейскую⁷⁶.

За несколько месяцев до своей смерти, 28 ноября 1924 г., Сунь Ятсен очень подробно изложил свое понимание паназиятской теории во время выступления перед представителями китайских торговых организаций японского города Кобэ⁷⁷. Для целей нашего повествования существенно то, что в этом программном выступлении лидер китайской революции подробно развил мысль о всемирно-историческом, эпохальном значении победы Японии в войне с Россией в 1905 г., поскольку этот успех, по его мнению, явился переломным моментом в глобальном противостоянии между желтой и белой расами. Вместе с тем Сунь Ятсен сообщил, что недавно в Европе появились представители белой расы, на которых другие белые смотрят, как на изгоев или диких зверей. Это русские, которые, совершив Октябрьскую революцию, встали на путь трансформации из реакционной белой расы в прогрессивную желтую.

5.4. История взаимоотношений «северных варваров» с Китаем, в том числе такие ее болезненные эпизоды, как создание киданями и чжурчжэнями марионеточных

⁷⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. Мемуары. Т. 1. М.; Минск: Харвест, 2002. С. 510–517.

⁷⁵ Крюков В.М.; Крюков М.В. Неизвестный Сунь Ятсен: штрихи к портрету // Научные записки Отдела Китая. Вып. 46. М.: Институт востоковедения РАН, 2023. Т. I: С. 170–171.

⁷⁶ Там же, с. 125, 380–381. Том II, с. 314. Сунь Ятсен, как известно, приветствовал победу Японии над Россией. Его высказывания на сей счет выставлены на видном месте в пресловутом храме Ясукуни в Токио.

⁷⁷ Там же, том II, с. 486–496.

государств на территории Китая, стало важным эпизодом отечественной истории, который никогда не исчезал из сознания политически активных представителей китайской интеллигенции. Ярким свидетельством этому является упоминание об этом в одном из самых ранних произведений Мао Цзэдуна⁷⁸.

Эта тема пользовалась повышенным вниманием и в Японии. Там подобное внимание имело весьма злобещий для Китая характер.

В 30-40-х гг. XX в. такие выдающиеся японские китаеведы, как Тояма Гундзи (外山军治), Миками Цугио (三山次男) и другие, углубленно изучали киданьский и чжурчжэньский опыт управления завоеванным Китаем и издали фундаментальные труды, посвященные этой теме, которые не утратили научного значения вплоть до сегодняшнего дня. Японцы не скрывали того, что использовали этот средневековый опыт в процессе создания марионеточного государства Маньчжоу-го (1931–1945 гг.)⁷⁹, имевшего, кстати говоря, вполне нормальные рабочие отношения с Советским Союзом⁸⁰. Как известно, 30 марта 1940 г. под эгидой Японии было организовано марионеточное «центральное правительство Китая» со столицей в Нанкине во главе с Ван Цзинвэем, ранее являвшимся одним из высших руководителей гоминьдановского правительства⁸¹.

Японская агрессия против Китая также проходила под лозунгами «паназиятизма», «создания азиатской сферы совместного процветания», которые пользовались популярностью в китайском обществе. Этим же лозунгам был привержен и марионеточный режим Ван Цзинвэя, который смог сформировать многочисленную армию, на некоторых этапах превосходившую по численности армию Чан Кайши⁸².

Такие японские воззрения воспринимались в Соединенных Штатах и Европе со всей серьезностью и в огромной степени способствовали возрождению в этих государствах страхов, связанных с «желтой опасностью», столь характерных для начала XX в. И.В. Сталин прекрасно это понимал и старался использовать приверженность

⁷⁸ В написанных в июне 1919 г. «Различных заметках о (событиях) в мире» (世界杂平) Мао Цзэдун отмечал: «Рейнская республика» — пародийно-комическое государство. Государства Антанты желают отграничить долину Рейна как Великую стену, защищающую их от врагов, однако прежде всего должны разорвать ее отношения с Германией, создать отдельное государство. Слышал, что уже создали временное правительство в Висбадене и сделали президентом некоего доктора Дортена. Не ведаю, неужели этот доктор Дортен в самом деле столь сильно возрадовался? Люди из династии Цзинь возвели на престол Лю Юя, кидани возвели на престол Ши Цзинтана, у нас в Китае также было несколько подобных государств». См.: Mao Zedong sixiang wansui 毛泽东思想万岁 [Long Live Mao Zedong Thought] (1913–1945). Neibu wenjian, yanjin waichuan 内部文件, 严禁外传 [Internal document, strictly confidential — not for external circulation]. [n.p., n.d.], p. 8. (In Chinese).

⁷⁹ Обобщающая японская работа на эту тему с соответствующими практическими рекомендациями именовалась: Yiminzu Zhina tongzhi shi 异民族支那统治史 [History of Foreign Peoples' Rule over "Shina" (China)], 1943. (In Japanese).

⁸⁰ Караева К.А. Маньчжоу-го (1931–1945): «марионеточное» государство в системе международных отношений на Дальнем Востоке // Уральское востоковедение. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. Вып. 1. С. 75–89.

⁸¹ Чудодеев Ю. В. СССР и Китай накануне и во время Второй мировой войны // Общество и государство в Китае. 2015. №2. С. 752, 758–759.

⁸² Чудодеев, с. 752, 759. Conroy F. H. Japan's War in China: An Ideological Somersault // Pacific Historical Review. 1952. Vol. 21. No. 4 (Nov.). P. 367–379.

западников «теории желтой опасности» для укрепления отношений с Китаем в целях совместного противостояния и Европе и Японии⁸³.

В то время советский руководитель вряд ли предполагал, что у этой темы через несколько лет возникнет совершенно иной поворот. В марте и апреле 1941 г. японский министр иностранных дел Е. Мацуока дважды (по пути в Берлин для переговоров с руководителями нацистской Германии и на обратном пути) провел в Москве важнейшие беседы с И.В. Сталиным, результатом которых стало подписание 13 апреля Пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. В ходе обмена мнениями Мацуока упорно проводил мысль о том, что Япония под руководством императора проводит внутри страны политику так называемого «морального коммунизма», имеющего много общего с коммунизмом советским. На этой основе, утверждал японский мининдел, будет создаваться и «сфера совместного процветания в Восточной Азии». Мацуока также утверждал, что в Китае Япония не воюет с народом этой страны, но стремится только изгнать «англосаксонский капитализм» из Азии. Все это, по мнению японского представителя, создавало надежную основу для присоединения СССР к «трехстороннему пакту» Германии, Японии и Италии.

И.В. Сталину в тот момент критические важно было достичь с Японией соглашения о нейтралитете. В силу этого он осторожно ответил, что вообще-то советская сторона никогда особо не дружила с англосаксами. Провожая Мацуоку на Ярославском вокзале, Сталин сначала повел его «...в привокзальный ресторан, где они с Молотовым напоили его, а затем, обняв отяжелевшего японца и шепча ему на ухо: “Вы азиат и я азиат, мы должны объединиться”, Сталин довел его до вагона и буквально втащил в поезд на глазах у всего дипломатического корпуса, выстроившегося на перроне»⁸⁴.

⁸³ «Тов. С(талин): «.....Англичане хотят, чтобы Китай подрался с Японией, но Англия боится победы и Японии и Китая. Она очень хочет, чтобы и Япония и Китай ослабли. Китайцы могут победить японцев безусловно....В Китае плотное население, против Китая нет объединенной империалистической силы, Америка и Англия в стороне, дерется только Япония. Против Советской России воевало 14 государств, но Россия победила. И не будет ничего удивительного, если после того, как Китай ослабит Японию, а в правящих кругах последней начнется драка, и нынешнее японское правительство будет низвергнуто. Хирота фашист, слуга фашизма. Современное японское правительство не правительство Коноэ, а правительство Хирота. Если бы я был китайцем, то звал бы свой народ на сопротивление не на три месяца, а на три года. За эти три года мы вам поможем. У вас будут свои летчики, своя артиллерия, а при этих условиях никто не победит Китай. Все европейцы боятся желтой опасности, но тогда они будут бояться не желтой, а революционной опасности. Надо убедить Чан Кайши завести свою собственную авиационную и артиллерийскую промышленность. Нам никто не помогал, немцы только мешали, а мы создали свою мощную военную промышленность. Мы, большевики, если подписали договор, то умрем, а выполним его, не так, как европейцы, которые свои обязательства не выполняют» (№ 121, 1937 г., ноября 18. Запись беседы И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова с главой китайской делегации маршалом Ян Цзэ и его заместителем Чжан Цюнем по вопросу о советской помощи в войне с Японией», в «Русско-китайские отношения в XX веке. Т.IV. Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. Книга 1: 1937-1944 гг. / Отв. Ред. С.Л. Тихвинский, М.: «Памятники исторической мысли», 2000, с. 152–153.

⁸⁴ «734. Беседа Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина с министром иностранных дел Японии Е. Мацуокой», 24 марта 1941 г. Сов. секретно, Особая папка, «Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. XXIII: В 2-х кн. Кн. 2(1) 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. М.: Междунар. отношения, 1998. 448 с. (Министерство иностранных дел Российской Федерации). С. 501-502; Беседа Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина с министром иностранных дел Японии Е. Мацуокой. Там же. С. 561–562; Панцов А. Непобежденный. Подлинная история Чан Кайши. М.: «Молодая гвардия», 2019. С. 326.

Казалось бы, начинает сбываться упомянутый выше прогноз Сунь Ятсена, предсказавшего, что Советский Союз («новая желтая раса») вместе с представителями «старой желтой расы» собирается заняться изгнанием вредоносных «англосаксов» из Азии.

5.5. Этим пророчествам не суждено было сбыться. Заигрывание Сталина с идеями противостояния Западу в союзе с «желтой расой» было хладнокровно рассчитанным тактическим шагом, призванным реализовать геополитические интересы СССР. Когда ситуация радикально изменилась, советский маршал столь же хладнокровно перешел на противоположные позиции и стал задействовать «христианский фактор».

Как известно, будучи истинно верующим христианином, Чан Кайши стал интерпретировать борьбу Гоминьдана с китайской компартией как схватку сил света с сатаной⁸⁵. Именно такая приверженность китайского руководителя христианской вере была одним из (хотя и не основным) факторов, побуждавших президента США Ф.Д. Рузвельта, который также являлся глубоко верующим человеком, отстаивать необходимость признания за тогдашним Китаем статуса великой державы — невзирая на скептическое отношение к этому, например, со стороны И.В. Сталина⁸⁶.

Президент США Ф.Д. Рузвельт в рамках своего «нового курса» вынужден был пойти на существенное усиление регулирующей роли государства в экономике. Он также был глубоко религиозным человеком, полагавшим очень трудным взаимодействовать с государствами, которые осуществляли гонения на верующих. В 1942 г., когда формировались основы для самого тесного взаимодействия между США и СССР в борьбе с нацизмом, Рузвельт в кругу ближайших соратников говорил о своей вере в то, что возможность долгосрочного взаимодействия (в том числе и после победы над нацистской Германией) между Соединенными Штатами и Советским Союзом может основываться не только на сиюминутной общности геополитических интересов, но и на таком мощном фундаменте, как своеобразная «конвергенция» между внутренними устройствами двух государств. По мнению главы американского государства, в экономике это могло проявиться в относительном возрастании регулирующей роли правительства в США и в появлении рыночных элементов в советской экономике. Еще более важным, с точки зрения Президента США, было возможное возрастание в СССР личных и религиозных свобод. В случае развития подобного процесса он считал возможным и постепенное изменение самой сути внешнеполитической стратегии Советского Союза — постепенное исчезновение в ней элементов, связанных со стимулированием «мировой революции», и ее возврат ко вполне понятному для американцев отстаиванию геополитических и экономических интересов, характерному для дипломатии императорской России⁸⁷.

⁸⁵ Священник Петр Иванов. Из истории христианства в Китае. М.: Институт востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2005. С. 76.

⁸⁶ «Сталин испытывал сомнения относительно возвышения Китая до статуса Великой Державы. Президент (Рузвельт — С.Г.) ответил, что причина, по которой он настаивает на участии Китая в Московской декларации четырех держав, состоит не в том, что он не видит современной слабости Китая. Он думает на перспективу, сказал Рузвельт. В конце концов Китай является 400-миллионной нацией и он думает, что лучше иметь их в качестве друзей, чем источника неприятностей». Harriman A., Abel E. (1975). *Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946*. New York: Random House. P. 271.

⁸⁷ Harriman A., Abel E. (1975). *Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946*. New York: Random House. P. 169–170.

5.6. И.В. Сталин в середине 30-х гг. оценивал Ф.Д. Рузвельта как самого выдающегося руководителя западного мира и признавал важное позитивное значение проводимого им «нового курса». Вместе с тем он категорически и однозначно отвергал возможность «конвергенции» между внутренними социально-экономическими системами, существующими в США и в СССР⁸⁸.

По мере нарастания угрозы глобальной войны И.В. Сталин в первую очередь приступил к ликвидации «коммунистических» элементов, ограничивавших «простор для маневра» в поисках различных вариантов союзов в зарубежных партнерах, из внешней политики страны⁸⁹. После начала Великой Отечественной войны эта задача стала еще более актуальной.

Очень важен в этом отношении 1943 г., когда в СССР был принят целый ряд существенных шагов по восстановлению таких атрибутов государственной и социальной организации, которые были характерны для царской России⁹⁰.

Эти мероприятия, конечно же, призваны были мобилизовать на борьбу с агрессорами такой мощный фактор, как русский патриотизм. Нельзя, однако же, упускать из

⁸⁸ Особенно выпукло проявилось это во время состоявшейся в 1934 г. беседы между И.В. Сталиным и знаменитым писателем Г. Уэллсом. Последний всячески стремился убедить советского руководителя в возможности и полезности такого сближения, однако совершенно в этом не преуспел. См.: Сталин И.В. Беседа с Г.Д. Уэллсом // Сталин. Большая книга интервью / Сост. В.П. Бутромеев. М.: Проспект, 2025. С. 152–175.

⁸⁹ В начале 1972 г. сотрудник ЦК КПСС А.С. Черняев сделал следующую весьма примечательную запись в своем дневнике: «Заехал в ЦК. Почитал дневник Димитрова. В 1938 г. отчетливо видна тенденция Сталина стереть коммунистическое обличье в политике СССР: всякие коминтерновские заседания (пленумы ИККИ, секретариаты и прочие) велел проводить закрыто. Не публиковать никаких директив; ликвидировал интербригады в Испании; прикрыл идею Димитрова о “международной рабочей конференции в защиту Чехословакии”; запретил Торезу свергать Блюма; велел испанским коммунистам втихую уйти из правительства Народного фронта (“без шуму”!) и т.д. Ну вот — зачем? Тогда уже готовился к союзу с Гитлером или рассчитывал на союз с Англией и Францией??». См.: Черняев А.С. Совместный исход. Запись от 27 февраля 1972 г. / А. Черняев. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2008.

⁹⁰ Так, 10 октября был введен орден имени такого дореволюционного деятеля, как Богдан Хмельницкий, а 3 марта 1944 г. — ордена Ушакова и Нахимова. Одновременно только для рядового и сержантского состава был введен орден Славы трех степеней, частично повторявший существовавший до революции знак отличия ордена св. Георгия — георгиевский крест для нижних чинов. Огромный резонанс имело введение в Красной Армии погонов в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1943 г. 21 августа 1943 г. были созданы суворовские и нахимовские училища, а 17 июля того же года — восстановили дореволюционную систему раздельного обучения в начальных, неполных и полных средних школах. Для девочек — школьниц ввели форму, практически полностью копирующую форму дореволюционных гимназисток. Была введена служебная форма в одиннадцать гражданских ведомств, очень напоминавшая ту, которая существовала в царские времена. Без преувеличения, огромное значение имела опубликованная 5 сентября 1943 г. информация о встрече Сталина и Молотова с митрополитами русской православной церкви. Через три дня после этого архиерейский собор избрал Сергия патриархом. Наконец, 28 октября 1943 г. был принят за основу новый вариант государственного гимна (авторы текста — С.В. Михалков и Эль Регистан). Было официально признано, что старый гимн «по своему содержанию не отражает коренных изменений, происшедших в нашей стране». В новом гимне воспевался «Союз нерушимый», который «сплотила навеки великая Русь». См.: Жуков Ю.Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М.: Терра — Книжный клуб, 2000. С. 250–259.

виду и другое стратегическое соображение, которое стояло за всеми подобными шагами — стремление убедить западных союзников в отсутствии у Советского Союза намерений заниматься организацией «мировой революции» и появление в этой связи надежного базиса для долгосрочного, крупномасштабного и всестороннего сотрудничества и в период разгрома нацистов, и после него. Особенно важным в этой связи был состоявшийся в мае 1943 г. роспуск Коминтерна⁹¹.

Эти шаги Сталина на фоне убежденности в возможности «конвергенции» на «макроуровне» были, безусловно, позитивно встречены на Западе⁹². Такое «единение христианских стран» представлялось особенно естественным и органичным на фоне пропагандировавшейся японцами «паназиятской» идеологии.

Позиционирование Советского Союза в качестве «преемника» царской России, несомненно, помогало решить стратегические задачи и на «микроуровне». Это, прежде всего, существенно облегчило для руководителей США и Великобритании принятие решения согласиться на выдвигаемое Сталиным требование о необходимости «восстановления принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 году» и о закреплении этой договоренности в официальном соглашении, подписанном в Ялте 11 февраля 1945 г.⁹³

5.7. Содержание этого соглашения вызвало сильнейшее недовольство и со стороны правительства Чан Кайши, и со стороны китайских коммунистов. Оно было воспринято, как свидетельство того, как возвращение к практике XIX в., когда западные христианские государства навязывали восточным азиатским странам соглашения, имеющие неравноправный характер. Так, например, г-н Гу Вэйцзюнь — ведущий

⁹¹ Основные цели, которые ставились при этом советским руководством, были, в частности, изложены И.В. Сталиным в письменных ответах на вопросы британского журналиста Гарольда Кинга 27 мая 1943 г.: «...Роспуск Коммунистического Интернационала» правилен так, как:

а) Он разоблачает ложь гитлеровцев о том, что “Москва” якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и “большевизировать” их. Этой лжи отныне также кладется конец....

в) Он облегчит работу патриотов свободолюбивых стран по объединению прогрессивных сил своей страны, независимо от их партийности и религиозных убеждений, в единый национально-освободительный лагерь, для развертывания борьбы против фашизма». См.: Димитров Г. Дневник Георгия Димитрова (1941–1945) / отв. сост. Т.Г. Заозерская. М.: Кучково поле, 2020. С. 375.

⁹² Узнав о роспуске Коминтерна Мартин Диез — член Палаты представителей конгресса США — с сожалением заявил, что отныне возглавляемый им Комитет по расследованию антиамериканской деятельности этой палаты останется без работы (Harriman, Abel, p. 307). 1 января 1944 г. У. Черчилль в личном послании И.В. Сталину написал: «...Если Вы перешлете мне ноты нового советского Гимна, я бы мог позаботиться о том, чтобы Британская Радиовещательная Корпорация передавала его во всех случаях, когда будут передаваться сообщения о важных русских победах». В ответном послании от 2 января И.В. Сталин пообещал прислать ноты нового Гимна с ближайшей почтой. См.: Переписка И.В. Сталина с У. Черчиллем, К. Эттли, Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Russian Chess House. С. 171. Британский премьер ни в коем случае не мог обратиться с такой просьбой в период существования предыдущего советского гимна, в качестве которого использовался «Интернационал».

⁹³ Соглашение руководителей трех Великих держав — СССР, США, Великобритании по блоку дальневосточных проблем // Русско-китайские отношения в XX веке: документы и материалы. Советско-китайские отношения. Т. IV: 1937–1945. Кн. 2: 1945 г. / Сост. А.М. Ледовский, Р.А. Мировицкая, В.С. Мясников; отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 16.

дипломат гоминьдановских властей — был возмущен тем, что эти соглашения были достигнуты без участия Китая. Он подчеркивал, что ялтинские договоренности возвращают Китай в эпоху «неравноправных договоров» и сводят на нет 30-летние усилия китайской дипломатии по избавлению от них⁹⁴. В свою очередь, Чжоу Эньлай указывал, что в Тегеране и Ялте великие державы договорились о разделе Китая на сферы влияния⁹⁵. Такое негативное отношение к ялтинскому соглашению доминирует в китаезычных исследованиях.

В государственной резиденции «Чжуннаньхай» в Пекине 17 марта 1956 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КПК, на котором обсуждали итоги XX съезда ЦК КПК. Именно во время этого заседания китайские руководители (в том числе сам Мао Цзэдун) впервые стали высказывать критические замечания в адрес внешней политики, проводимой И.В. Сталиным. В это время Ван Цзясян и Чжан Вэньтянь (соответственно, первый и второй послы КНР в Советском Союзе С.Г.) заявили о том, что «начиная с Петра Великого, влияние традиций великодержавия имеет очень глубокие корни в мозгах россиян»⁹⁶.

Таким образом у китайского руководства утвердилось мнение о том, что политика СССР в отношении Китая по сути своей является продолжением политики царской России, которая, как было упомянуто выше, складывалась в ходе длительного и весьма непростого процесса разграничения между двумя огромными империями.

У представлений о «желтой опасности» имелось и очень серьезное «демографическое измерение».

Выше было отмечено, что в период маньчжурской империи Цин пресекалась миграция ханьского населения на территорию нынешних трех Северо-Восточных провинций Китая и далее, к северу от Амура. Это самым существенным образом облегчило российское продвижение вдоль долины этой реки к побережью Тихого океана. Во второй половине XIX в. эти миграционные ограничения были отменены и значительные группы китайцев стали прибывать на территории, уже попавшие под контроль Российской империи. У сравнительно немногочисленного, лишь недавно попавшего на Дальний Восток и находившегося очень далеко от «коренной России» населения империи такой бурный рост числа китайских переселенцев вызывал самые разные опасения и страхи, которые интегрально выражались в представлениях о

⁹⁴ Gu Weijun, 1997. Выдающийся китайский философ Ху Ши, который в 30-х годах был послом Китайской Республики в Вашингтоне, считал, что, с подписанием Ялтинского соглашения по дальнему Востоку для Среднего государства «история обратилась на 40 лет вспять». См.: Hu Shih (1950). *China in Stalin's Strategy*. Foreign Affairs. Vol. 29. No. 1 (Oct.). P. 38.

⁹⁵ Wu Lengxi 吴冷西. (1999). *Shinian lunzhan: 1956–1966 Zhong–Su guanxi huiyi 十年论战: 1956–1966 中苏关系回忆* [Ten-Year Polemics: Memoirs on Sino–Soviet Relations, 1956–1966]. Beijing 北京: Zhongyang wenxian chubanshe 中央文献出版社 [Central Party Literature Press]. Vol. 1. P. 5, 207. У Лэнси (1919–2002) начиная с 1939 г. работал в Отделе пропаганды ЦК КПК, в 1941 г. стал «личным автором текстов» для Мао Цзэдуна и сохранял такую роль вплоть до середины 60-х гг. прошлого века. В 1951 г. был назначен генеральным директором телеграфного агентства «Синьхуа», а в 1957 г. по совместительству был назначен главным редактором газеты «Жэньминь жибао». Был составителем целого ряда установочных выступлений Мао Цзэдуна и программных публикаций в китайских СМИ. Его книга является важнейшим источником о выработке китайским руководством политики в отношении СССР в 1956–1966 гг.

⁹⁶ Там же, т. 1, с. 5.

«желтой опасности». Иногда такого рода фобии приводили к совершенно диким последствиям с человеческими жертвами, среди которых печально знаменитым является «Благовещенский погром»⁹⁷. Эти представления пережили Октябрьскую революцию и сыграли чрезвычайно заметную роль в советскую эпоху.

Н.С. Хрущев поставил своей целью исправление тех «ошибок», которые существовали в политике Сталина в отношении Китая, и многое для этого сделал. Однако с середины 50-х гг. прошлого века он стал подозревать Китай в намерении, через сотрудничество в направлении рабочей силы, наводнить Сибирь своими людьми, ассимилировать ее население и в конечном счете аннексировать территории к востоку от Урала. Ситуация была в огромной степени усугублена тем, что советский лидер через германского канцлера К. Аденауэра, предложил западному миру совместно выработать меры противостояния такой «желтой опасности» и об этом его предложении вскоре стало известно китайским руководителям⁹⁸.

В этой ситуации был еще один и чрезвычайно важный аспект. Существует много свидетельств тому, что, развертывая критику «культ личности» Сталина, Н.С. Хрущев на деле воплощал в жизнь некоторые важные направления стратегии, разработанные советским генералиссимусом⁹⁹. В этом плане заслуживает пристального изучения одно из фундаментальных направлений сталинской национально-демографической политики.

Л.М. Каганович в своих мемуарах отмечает, что в докладе на III съезде крестьянских депутатов (Петроград, 10–18 января 1918 г.) И.В. Сталин «...начал с того, что подчеркнул важность и большое значение этого (*национального* — С.Г.) вопроса, который волнует в настоящее время Россию. «Серьезность этого вопроса усугубляется тем, что великороссы не составляют абсолютного большинства населения в России и окружены рядом других недержавных народов, населяющих ее окраины»¹⁰⁰. Сталин решал эту проблему двумя основными методами. Во-первых, он организовывал выселение из наиболее важных приграничных районов потенциально нелояльных национальных групп¹⁰¹.

⁹⁷ См. Дятлов В., Гузей Я., Сорокина Т. Китайский погром. Благовещенская «утопия» 1900 года в оценке современников и потомков. Санкт-Петербург: «Нестор — История», 2020.

⁹⁸ Этот сюжет подробно описан в статье: Гончаров С.Н. О примечательной судьбе одного важного текста (Воспоминания Ивана Васильевича Архипова о работе в Китае) // Путь к нефритовому источнику: сборник статей к 70-летию профессора Н.А. Самойлова / сост., отв. ред. А.М. Харитонов. Санкт-Петербург: Издательство Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского, 2025. С. 667–676.

⁹⁹ «Сталин исходил из своего обычного *modus operandi* (образ действий) видеть врагов повсюду и во всех национальностях, особенно в евреях – раз космополиты, значит, не могут быть патриотами. Хрущев, кстати, был в вопросах безопасности со Сталиным согласен...». См.: Хрущева Н.Л., Никита Хрущев: вождем вне системы. М. АФК «Система»; Политическая энциклопедия, РОССПЭН, 2024, с. 318.

¹⁰⁰ Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста — большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М.: Вагриус, 1996. С. 175.

¹⁰¹ «... В Приморье было 170 тысяч корейцев. Япония среди них очень хорошо поработала, поэтому мы их в две недели выселили в Казахстан и Япония никаких претензий к нам не предъявляет...» (№ 121, 1937 г., ноября 18. Запись беседы И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова с главой китайской делегации маршалом Ян Цзэ и его заместителем Чжан Цюнем по вопросу о советской помощи в войне с Японией), в «Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Книга 1: 1937–1944 гг. С. 156.

Во-вторых, он полагал, что в важнейших приграничных регионах необходимо существенно наращивать долю представителей «державных» этносов. Сталин, например, утверждал, что в настоящее время доля людей ханьской национальности в общем населении Синьцзяна не превышает 5%, и подчеркивал, что после освобождения Синьцзяна необходимо довести долю людей ханьской национальности в общем населении до 30%, развивать этот огромный и очень богатый ресурсами регион путем переселения людей ханьской национальности из других регионов для того, чтобы охранять границы Китая.

Сталин подчеркнул, что, вообще говоря, во имя защиты Китая, необходимо переселять китайцев во все приграничные регионы¹⁰².

Как отмечалось выше, Н.С. Хрущев испытывал самые серьезные опасения в связи с китайской «демографической экспансией» («желтой опасностью»). Очевидно, этот вопрос постоянно занимал его, и он вспоминал о нем в самых неожиданных формах и при самых неожиданных обстоятельствах¹⁰³. Очень вероятно, что в этой ситуации советский руководитель принял решение решать эту проблему проверенными сталинскими методами — путем форсированного заселения важнейших приграничных регионов представителями «государствообразующего этноса».

Такие ключевые, принятые или реализуемые Н.С. Хрущевым после состоявшегося в октябре 1954 г. визита в Китай внутривластные решения, как освоение целинных и залежных земель, ускорение освоения Сибири (в частности, путем строительства там крупнейших ГЭС), основание Сибирского отделения Академии наук СССР, безусловно, мотивировались прежде всего внутривластными соображениями. Однако в свете всего сказанного выше, нельзя не сделать обоснованное предположение о том, что не самую последнюю роль здесь сыграл и упомянутый «китайский фактор».

В свою очередь, и китайская сторона стала перемещать свои стратегически значимые промышленные предприятия от границ СССР во внутренние районы страны.

В конечном счете постепенно сформировалась ситуация, в рамках которой территориальная (пограничная) проблема превратилась в один из важнейших элементов

¹⁰² Запись беседы И.В. Сталина с делегацией ЦК КПК о кредите СССР Китаю, возможности направления советских специалистов в Китай и других вопросах советской помощи Китаю. 27 июня 1949 г. // АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 1–7; Советско-китайские отношения. 1917–1957: Сб. док. / Ин-т китаеведения АН СССР; Отв. ред. И.Ф. Курдюков, В.Н. Никифоров, А.С. Перевертайло. М.: Изд-во вост. лит-ры, С. 148–151.

¹⁰³ В декабре 1963 г., выступая на Пленуме Президиума ЦК КПСС, посвященном реализации советского семилетнего плана, Н.С. Хрущев заявил буквально следующее: «Я разговаривал с тов. Лаврентьевым, я сейчас, может быть говорю в разбросанной последовательности, может быть не по повестке дня говорю, но я считаю, что он прав. Он проявляет беспокойство о том, что Дальний Восток у нас не заселен. Мы все это знаем, нового академик нам не сказал ничего, но беспокойство его, проявленное по этому вопросу, оно правильное, и нас это тоже должно беспокоить. Китайцы в тех же условиях, и для них это не является радостью, но и для нас это является ненормальным, что так слабо заселен этот район». См.: Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний, стенограммы. Москва: РОССПЭН, 2015. С. 808. Этот достаточно корявый текст можно понять следующим образом: в ходе беседы президент Сибирского отделения Академии наук СССР академик М.А. Лаврентьев заявил о своей обеспокоенности слабой заселенностью советского Дальнего Востока в условиях, когда рядом проживает огромное китайское население, находящееся во столь же тяжелых природных условиях.

противостояния между двумя государствами. При этом Москва обвиняла Пекин в продолжении конфронтационной политики китайских императоров, а КНР уличала СССР в наследовании экспансионистской политики русских царей¹⁰⁴.

Процесс преодоления этих противоречий начался в 1969 г. — в момент наивысшего обострения конфликта. Это потребовало продолжавшихся много десятилетий огромных усилий со стороны высших руководителей и дипломатов двух стран. Важнейшими вехами в этом процессе стало подписание в 2001 г. Договора, в котором стороны констатировали отсутствие взаимных территориальных претензий и утверждение в 2004 г. линии прохождения границы на последнем несогласованном ее участке. В итоге сформировалось нынешнее положение дел, в рамках которого общая граница между Россией и Китаем является стеновым хребтом, основной несущей конструкцией в двусторонних связях¹⁰⁵.

Еще более продолжительное время потребовалось на постепенное преодоление «демографических страхов»¹⁰⁶. Как известно, принципиальная договоренность о введении на взаимной основе безвизового режима была достигнута в начале сентября 2025 г. во время переговоров между В.В. Путиным и Си Цзиньпином.

Китайская сторона приступила к реализации этой договоренности с середины сентября 2025 года. Будет весьма любопытно понаблюдать за тем, каким образом будет претворять ее в жизнь российская сторона.

Это — показательный пример того, что подчас очень трудно в полной мере понять значение современных событий без выявления их глубоких корней, которые подчас теснейшим образом переплетены друг с другом.

¹⁰⁴ Гончаров С.Н., Ли Даньхуэй. О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» в российско-китайских отношениях // О Китае средневековом и современном: записки разных лет / под общ. ред. акад. А.А. Кокошина. Новосибирск: Наука, 2006. С. 360–373.

¹⁰⁵ Гончаров С.Н. Китай и специальная военная операция России (февраль 2022 — апрель 2023 гг.). Санкт-Петербург: Нестор-История, 2024. С. 26–48.

¹⁰⁶ Мне довелось участвовать в переговорах с китайскими коллегами-дипломатами относительно выработки межправительственных договоренностей по визовым вопросам. В связи с этим могу ответственно констатировать, что для российской стороны одним из важнейших факторов, сдерживавших принятие решений о либерализации визового режима были (во многом надуманные) подогреваемые СМИ страхи общественности, связанные с китайской «демографической экспансией». Китайские оценки влияния «демографического фактора» на подходы России к отношениям с КНР хорошо суммированы в книге 张晓云著, 移民对当代中俄关系的影响. 非传统安全视角的分析 (Impact Factors of Immigrants on the Current Sino-Russian Relations: An Analysis on the Current Perspective of Non-traditional Security) 北京. 时事出版社. 2010, 244–248 页.

DOI: 10.48647/ICCA.2025.69.23.007

*P.O. Сафронов*¹

Идеи Ван Цзоаня и политика китаизации религии

R • 0 • 萨夫罗诺夫

王作安思想与宗教中国化政策

R.O. Safronov

Wang Zuoan's Ideas and the Policy of the Sinicization of Religion

Работа выполнена в рамках проекта FMSF-2025–0001

«Государственно-религиозные отношения в странах современной Азии: правовые, историко-культурологические, философско-теологические аспекты».

Политическая и идеологическая система современного Китая за последние 10–15 лет сосредоточилась на вопросе модернизации страны, который можно выразить следующим образом: «Какой должна быть модель социализма с китайской спецификой в современном мире?». Со времени XVIII съезда КПК в 2012 г. партия искала ответы в идеях Си Цзиньпина, что привело к формированию целостной идеологической системы, основанной на его трудах и выступлениях. Этот комплекс идей получил название «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую

¹ Сафронов Роман Олегович, научный сотрудник Центра Государство и религия в Азии Института Китая и современной Азии РАН. 罗曼·奥列戈维奇·萨夫罗诺夫, 俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所亚洲国家与宗教中心研究员. Roman O. Safronov, Researcher at the Center for State and Religion in Asia, Institute of China and Contemporary Asia, RAS. ORCID: 0000-0002-5320-7289. E-mail: roman.safronov@gmail.com.

эпоху»² и был закреплен в уставе партии на XIX съезде КПК в 2017 г., а также официально включен в преамбулу Конституции КНР в 2018 г.

Модернизация и развитие социализма с китайской спецификой также затронули религиозную сферу. В 2015 г. на рабочем совещании Отдела Единого фронта Си Цзиньпин подчеркнул необходимость «активного направления религий на пути адаптации к социалистическому обществу и китаизации»³. В 2016 г. на Всекитайской конференции по религиозной работе он вновь заявил, что «развитие религий в Китае должно следовать пути китаизации»⁴. В 2017 г. в докладе на XIX съезде КПК эта идея была закреплена как приоритетная. В 2020 г. на рабочем совещании по Синьцзяну Си Цзиньпин подчеркнул, что «здоровое развитие религии в регионе должно идти в соответствии с принципом китаизации ислама»⁵. В 2021 г. во время визитов в Лхасу и Чэндэ он вновь подтвердил важность адаптации религий к социалистическому обществу. Позже, на очередной Всекитайской конференции по религиозной работе в том же году было предложено углубить процесс китаизации религий в стране [Zhang, 2022, p. 162].

Ключевые положения политики китаизации религии ясно свидетельствуют о том, что этот процесс носит не религиозный, а политический характер. Как в партийных документах, так и в научных исследованиях на китайском языке, преобладает политическая риторика. Постоянно подчеркивается необходимость следовать «Идеям Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху», изучать и реализовывать принципы, изложенные на XX Всекитайском съезде КПК, а также придерживаться концепций «двух установлений» (两个确立), «двух гарантий» (两个维护), «четырёх осознаний» (四个意识) и «четырёх уверенностей в себе» (四个自信).

Политика китаизации религии основывается на необходимости интеграции социалистических ценностей в религиозные учения. Власти акцентируют внимание на укреплении патриотизма, формировании национальной идентичности и продвижении концепции верховенства закона. В религиозной деятельности наблюдается усиление

² «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» представляют собой продолжение и развитие положений марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, важной идеи «трех представительств» и концепции научного развития. Это новое достижение в китаизации марксизма, квинтэссенция практического опыта партии и народа и их коллективной мудрости» См.: Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи. URL: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2018-10/23/content_67737165.htm (дата обращения: 15.02.2025).

³ Xi Jinping 习近平 (2017). Xi Jinping guanyu shehuizhuyi zhengzhi jianshe lunshu zhaibian 习近平关于社会主义政治建设论述摘编 [Selected Excerpts from Xi Jinping's Speeches on Socialist Political Development]. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe 中央文献出版社, p. 163. (In Chinese).

⁴ Ibid, p. 169.

⁵ Xi Jinping 习近平 (2020). Xi Jinping zai disanci Zhongyang Xinjiang gongzuo zuotanhuihang qiangdiao: jianchi yifa zhijiang, tuanjie wenjiang, wenhua runjiang, fumin xingjiang, changqi jianjiang, nuli jianshe xin shidai Zhongguo tese shehuizhuyi Xinjiang 习近平在第三次中央新疆工作座谈会上强调: 坚持依法治疆、团结稳疆、文化润疆、富民兴疆、长期建疆 努力建设新时代中国特色社会主义新疆 [Xi Jinping at the Third Central Xinjiang Work Forum Emphasized: Rule Xinjiang by Law, Unite and Stabilize Xinjiang, Enrich Xinjiang Culturally, Improve People's Livelihoods, Build Xinjiang in the Long Term, and Strive to Develop a New-Era Socialist Xinjiang with Chinese Characteristics]. Renmin ribao 人民日报 [People's Daily], 27 September 2020. (In Chinese).

влияния традиционной китайской культуры. Особое значение придается принципу «пяти идентичностей»⁶ (五个认同), которые подчеркивают приверженность социалистическому пути развития, а также национальной культуре и традициям.

При этом как политические документы, так и научные исследования сходятся во мнении, что, во-первых, религия рассматривается как культурный феномен, возникающий на определенном этапе общественного развития и являющийся частью социальной идеологии. Во-вторых, считается, что в Китае религия сохранится на длительный период, продолжая влиять на общественные процессы в соответствии со своими внутренними законами и особенностями [Zhao, 2022, p. 51].

Определяя основной вектор не только политического, но и культурного и научного развития страны, КПК сегодня оказывает концептуально определяющее влияние на религиоведение, которое прямо руководствуется актуальным партийным дискурсом. Основу этих процессов и составляет политика китаизации религий, которая представляет собой попытку КПК адаптировать религии к социализму и обретению «китайской специфики». Здесь, во-первых, предполагается, что существование религии в стране должно освещаться с трех сторон: учения партии, религиоведческой теории и запросов рядовых верующих. Во-вторых, что эти три столпа станут основой новой сугубо китайской марксистской теории религии, а также сформируют принципиально новый дискурс внутри существующих в Китае религиозных систем.

С точки зрения КПК, адаптация и создание новых переводов священных книг в соответствии с социалистическим учением создаст новые религиозные формы, которые будут идти в ногу с социальными реалиями и изменениями в Китае. Китаизация религий — это фактически попытка выстроить прямое сотрудничество религиозных организаций с КПК с тем, чтобы религиозные организации поддерживали политику КПК, социалистическую идеологию и социалистические мировоззренческие ценности.

Реализация указанных выше задач идет и на политическом, а на академическом уровнях. Наиболее заметным проponentом продвижения политики китаизации религии в академических кругах является профессор Чжан Чжиган (张志刚), директор Института религиозной культуры Пекинского университета, вице-президент Китайского общества исследований религии.

Он считает, что принципиальная возможность политики китаизации религии основывается на двух тезисах. Во-первых, анализ истории китайской религиозной культуры с кросс-культурной и сравнительно-религиоведческой точек зрения показывает, что ее развитие имеет уникальные черты, существенно отличающие ее от религиозных традиций Запада.

Во-вторых, религиозные культуры и традиции в чистом виде не существуют. Христианство, таким образом, в чистом виде — это абстракция, идеальный тип, в реальном мире же существуют конкретные локализованные версии этой религии. Христианство развивалось в разных культурных, этнических, национальных и социальных контекстах, образуя своеобразную семью с общей родословной и множест-

⁶ То есть чувствовать единство с китайской нацией, следовать ценностям социализма с китайской спецификой, быть приверженным китайской культуре, Великой Родине и с партии.

вом субтрадиций. Каждая из них имеет свои особенности, лютеранство в Германии отличается от лютеранства в США, а греческое православие — от русского.

Более того, успех христианства во многом был обусловлен миссионерской деятельностью апостола Павла в Греции. Именно там эллинизированные язычники впервые стали называться христианами и были основаны первые церкви.

Таким образом, если христианство может быть эллинизировано и, более того, только благодаря эллинизации оно приобрело глобальный характер, поскольку стало соответствовать реальным социальным условиям, то христианство не только может, но и должно быть китаизировано, чтобы соответствовать социальным условиям современного Китая [Zhang, 2017, p. 3–11].

На политическом уровне наиболее значимым автором является Ван Цзоань (王作安) — бывший заместитель заведующего Отделом Единого фронта ЦК КПК (中共中央统一战线工作部) и директор Государственного управления по делам религий (ГУДР, 国家宗教事务局). Он проработал в ГУДР с 1987 г., а в 2009 г. был назначен директором этой организации и проработал в этой должности до 2018 г.

Как государственный деятель и чиновник он выражал свои идеи не в формате академических статей, а преимущественно через официальные выступления и публикации в государственных изданиях основных пяти религиозных организаций и в журнале «Китайские религии» (中国宗教), который является официальным изданием ГУДР.

Ван Цзоань сыграл одну из ключевых ролей в формировании современной системы государственного администрирования религиозной сферы в Китае. Он выступал за последовательную реализацию политики китаизации религий.

Круг его основных идей можно свести к следующим общим тезисам [Wang, 2022, p. 5–8; Wang, 2021, p. 10–13; Wang, 2016 (10), p. 13–15; Wang, 2016 (02), p. 1; Wang, 2014, p. 4–6].

1. Религия должна служить социалистическим ценностям.

Ван Цзоань подчеркивал, что религия в Китае должна быть приведена в соответствие с принципами социализма с китайской спецификой. Это означает, что религиозные доктрины и практики должны интерпретироваться и применяться таким образом, чтобы поддерживать цели КПК, которые включают стремление к социальной гармонии, укрепление национального единства и экономический рост. Он утверждал, что религиозные организации обязаны способствовать построению социалистического общества, а не выступать против.

2. Китаизация как культурная адаптация.

Китаизация религии подразумевает адаптацию религиозных традиций к китайской культуре и принципу «пяти идентичностей». Ван Цзоань призывал религиозные организации отказаться от чуждых Китаю и не соответствующих традициям элементов. Таким образом, для христианства это означало уменьшение влияния западных миссионерских традиций и усиление акцента на независимости китайских церквей, а для ислама — интеграцию мусульманских общин в китайское общество с учетом их лояльности государству.

Ван Цзоань рассматривал китаизацию как процесс, в котором религия должна впитывать элементы китайской культуры, такие как конфуцианские ценности, и избегать конфликтов с государственной идеологией.

3. Китаизация как формирование специфического китайского стиля.

Концепция предполагает не только интеграцию элементов китайской культуры в архитектуру, музыку и литургическую практику, но и создание новых переводов и комментариев к священным текстам, которые бы отражали и поддерживали социалистические ценности. По сути, это стремление к формированию самостоятельной версии китайского христианства с собственной богословской системой, адаптированной к культурному и идеологическому контексту современного Китая.

4. Контроль религиозной деятельности и управление ею.

Ван Цзоань активно поддерживал усиление государственного контроля над религией. Он считал, что религиозные организации должны действовать в рамках закона и под руководством КПК. В рамках этой работы необходима государственная регистрация религиозных общин и мест поклонения, необходим контроль над назначением религиозных лидеров (например, в случае католических епископов, утверждение которых должно согласовываться с властями), кроме того, неотъемлемой является борьба с несанкционированными государством религиозными собраниями и иностранным вмешательством в работу религиозных организаций.

Он неоднократно подчеркивал, что свобода вероисповедания в Китае существует, но она ограничена рамками закона и не должна угрожать общественной стабильности.

5. Политическая лояльность религиозных групп.

Ван Цзоань настаивал на том, что религиозные лидеры и верующие должны демонстрировать патриотизм и лояльность КПК, что включает поддержку политики партии в отношении национальных меньшинств (уйгуров и тибетцев) и территориальной целостности (в вопросах Тайваня и Тибета). Религиозные группы должны стать инструментом укрепления единства нации, а не источником сепаратизма или инакомыслия.

6. Противодействие экстремизму и иностранному влиянию.

Ван Цзоань часто говорил о необходимости борьбы с религиозным экстремизмом и проникновением иностранного влияния через религию. Он рассматривал некоторые религиозные организации как потенциальную угрозу национальной безопасности, особенно в таких регионах, как Синьцзян и Тибет. Он выступал за проведение жестких мер против незарегистрированных религиозных организаций, таких как, например, христианские «домашние церкви».

7. Образование и воспитание верующих.

Ван Цзоань выступал за усиление идеологического воспитания религиозных лидеров и верующих. Он предлагал развивать программы обучения, которые бы соче-

тали религиозное образование с изучением социалистических ценностей и китайской культуры, чтобы формировать правильное мировоззрение у духовенства и прихожан.

Идеи Ван Цзоаня относительно китаизации сводятся к тому, что религия в Китае должна быть подчинена государству, адаптирована к национальным традициям и служить целям КПК. Его подход сочетал идеологическую строгость с прагматизмом, направленным на сохранение социальной стабильности и политического контроля. Эти принципы легли в основу государственной политики в области религии в Китае в период его руководства и продолжают оказывать влияние сегодня.

На формирование системы китаизации религии ключевое воздействие оказали XVIII и XX съезды КПК. Согласно оценкам Ван Цзоаня, партия подняла свое понимание религиозных вопросов на совершенно новый уровень, нашла научный ответ, как правильно решать религиозные вопросы в социалистическую эпоху, и открыла правильный путь для решения религиозных вопросов с китайскими особенностями.

Результатами съезда стало, во-первых, точное понимание глубокого смысла китаизации религии, которое раскрывается в понимании основных ценностей социализма как ценностей лидерства, укреплении «пяти идентичностей» как политической цели, а также продолжении работы над формированием религии с китайскими характеристиками, чтобы превратить «религии в Китае» в «китайские религии».

Во-вторых, укрепление идеологического и политического руководства религиозной общины и религиозных масс на основании изучения идей Си Цзиньпина о социализме с китайскими чертами для новой эпохи, проведения патриотического воспитания и изучения «пяти историй» (история партии, история нового Китая, история реформ и открытости, история развития социализма и история развития китайской нации), направления религиозного сообщества на решительное выполнение решений и планов партии, особенно в рамках противодействия иностранному религиозному влиянию и обузданию религиозной экстремистской идеологии.

В-третьих, поддержка религиозного сообщества в проведении работы по адаптации религиозных доктрин с учетом нерешенных проблем в области религии и углубленного анализа основ верного идеологического понимания, которые должны выражаться в новых переводах, новых интерпретациях классических религиозных текстов в соответствии с идеями религиозной мысли с китайской спецификой.

В-четвертых, поддержка религиозного сообщества в том, чтобы нести дух самопреобразования на том основании, что общество претерпевает серьезные изменения, и религии рано или поздно придется приспосабливаться к ним путем самокоррекции. Для этого следует выяснять, чего нужно придерживаться, что наследовать, улучшать и развивать, что нужно корректировать и отбрасывать в рамках религиозных учений.

В-пятых, стимуляция необходимости придерживаться руководства партии в продвижении китаизации религии и распространять основные принципы на руководство неосновных религий в Китае.

Политика китаизации религии в Китае представляет собой комплексный и многогранный процесс, направленный на интеграцию религиозных учений с социалистическими ценностями и укрепление национальной идентичности. Основные задачи этой политики включают адаптацию религий к культурным и идеологическим реали-

ям современного Китая, предотвращение иностранного влияния и обеспечение политической лояльности религиозных общин.

Идеи Ван Цзоаня, сыгравшего ключевую роль в формировании концепции китаизации религии, подчеркивают необходимость гармонизации религиозных практик с социалистическим обществом и продвижения патриотизма. Актуальные инициативы направлены на создание религиозных форм и доктрин, соответствующих китайской культуре и политическим приоритетам Коммунистической партии Китая.

Китаизация религии в Китае — это не просто культурный или религиозный феномен, а стратегический инструмент КПК для интеграции религиозных сообществ в социалистическую систему. Религия рассматривается не как автономная сфера, а как часть общественной идеологии, которая должна эволюционировать в соответствии с партийным курсом. В результате китаизация становится не только политическим инструментом, но и важным компонентом формирования национального единства и идеологической устойчивости в условиях современной социально-политической обстановки Китая.

Таким образом, политика китаизации религии отражает амбициозную попытку КПК не только управлять религиозной жизнью, но и переосмыслить ее в рамках национального проекта. Она демонстрирует, как политическая власть в Китае стремится одновременно работать с традиционными и современными элементами, подчиняя их общей цели — построению сильного, единого и социалистического государства. В этом контексте китаизация становится не только вызовом для религиозных общин, но и важным индикатором трансформации китайского общества в XXI в.

References

Wang Zuo'an 王作安 (2022). Jianchi woguo zongjiao Zhongguohua fangxiang 坚持我国宗教中国化方向 [Firmly Adhere to the Direction of Sinicization of Religion in China]. Zhongguo musulin 中国穆斯林 [Chinese Muslims]. No. 2. P. 5–8. (In Chinese).

Wang Zuo'an 王作安 (2021). Jifa aidang aiguo aishuizhuyi reqing zengqiang jianchi woguo zongjiao Zhongguohua xinxin 激发爱党爱国爱社会主义热情 增强坚持我国宗教中国化信心 [Inspire Love for the Party, the Country and Socialism, Strengthen Confidence in the Sinicization of Religion in China]. Zhongguo musulin 中国穆斯林 [Chinese Muslims]. No. 5. P. 10–13. (In Chinese).

Wang Zuo'an 王作安 (2016). Xingwen zhiyuan jiujiu weigong jianchi woguo zongjiao Zhongguohua fangxiang 行稳致远久久为功 坚持我国宗教中国化方向 [Stable and Long-Term Development, Firmly Adhering to the Direction of Sinicization of Religion in China]. Zhongguo zongjiao 中国宗教 [Religions in China]. No. 10. P. 13–15. (In Chinese).

Wang Zuo'an 王作安 (2016). Yindao zongjiao yu shehuizhuyi shehui xiangshiying bixu jianchi Zhongguohua fangxiang 引导宗教与社会主义相适应必须坚持中国化方向 [Guiding Religions to Adapt to Socialist Society Requires Adherence to the Direction of Sinicization]. Zhongguo zongjiao 中国宗教 [Religions in China]. No. 2. P. 1. (In Chinese).

Wang Zuo'an 王作安 (2014). Jinian Zhongguo jidujiao sanzi aiguo yundong weiyuanhui chengli 60 zhounian ji jidujiao Zhongguohua yantaohui kaimushishang de jianghua 纪念中国基督教三自爱国运动委员会成立 60 周年暨基督教中国化研讨会开幕式上的讲话 [Speech at the Opening Ceremony of the Seminar Commemorating the 60th Anniversary of the Founding of the Three-Self Patriotic Movement of Chinese Protestantism and Its Sinicization]. Tian feng 天风 [Tianfeng]. No. 9. P. 4–6. (In Chinese).

Zhang Zhigang 张志刚 (2017). “Zongjiao Zhongguohua” yili yanjiu “宗教中国化”义理研究 [A Doctrinal Study of the “Sinicization of Religion”]. Beijing: Zongjiao wenhua chubanshe 宗教文化出版社 [Religious Culture Publishing House], 297 p. (In Chinese).

Zhang Zhigang 张志刚 (2022). “Zongjiao Zhongguohua” de xueli yiju ji shijian lujing “宗教中国化”的学理依据及实践路径 [The Theoretical Basis and Practical Path of the “Sinicization of Religion”]. Zhongyang shehuizhuyi xueyuan xuebao 中央社会主义学院学报 [Journal of the Central Institute of Socialism], no. 6, p. 161–172. (In Chinese).

Zhao Yan 赵妍 (2022). Goujian “sixiang zhidu tixi” zhutui woguo zongjiao Zhongguohua 构建“四项制度体系”助推我国宗教中国化 [Building the “Four Institutional Systems” to Promote the Sinicization of Religion in China]. Kexue yu wushenlun 科学与无神论 [Science and Atheism], no. 6, p. 50–58. (In Chinese).

Уважаемые читатели!

**Просим присылать краткие сообщения об основных новостях китаеведения
в России и мире на электронный адрес редакции: journal@iccaras.ru**